

Глава Республики Коми
Представительство Президента Российской Федерации в Республике Коми
Министерство по делам национальностей Республики Коми
Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

**КОРЕННЫЕ ЭТНОСЫ
СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ
НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Глава Республики Коми
Представительство Президента Российской Федерации в Республике Коми
Министерство по делам национальностей Республики Коми
Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

**Коренные этносы Севера европейской части России
на пороге нового тысячелетия: история,
современность, перспективы**

МАТЕРИАЛЫ
Международной научной конференции
(Сыктывкар, 17-19 мая 2000 г.)

Сыктывкар 2000

Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы (сборник статей). - Сыктывкар, 2000. - 566 с. (Коми научный центр УрО Российской академии наук).

Сборник составлен по материалам Международной научной конференции «Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы». На конференции обсуждался следующий круг вопросов: *этногенез и этническая история коренных этносов Севера европейской части России в XX столетии: проблемы и пути их разрешения; этнокультурная адаптация народов Севера европейской части России; история и современное состояние национально-государственного и языкового строительства коренных этносов Севера европейской части России; проблемы социально-экономического развития коренных этносов Севера европейской части России*. Статьи объединены в тематические блоки согласно основным направлениям работы конференции. Рассматриваются этногенез, этническая история и традиционная культура народов европейского Севера России, проблемы их современного социально-экономического и этнополитического развития; языки, национальная литература, фольклор и проблемы образования коренных этносов европейской части России. Доклады, прозвучавшие на пленарных заседаниях конференции, выделены в отдельный раздел.

За содержание представленных к публикации материалов редколлегия ответственности не несет.

Редакционная коллегия

Э.А.Савельева (отв. редактор), Г.В.Федюнева (отв. секретарь), А.Н.Власов, И.В.Ильина, А.К.Конюхов, В.Н.Лаженцев, А.А.Попов, А.Ф.Сметанин, С.Б.Терентьева

ISBN 5-89606-084-X

© Коми научный центр
УрО РАН, 2000

Содержание

Приветствие Главы Республики Коми Ю.А.Спиридонова	3
Приветствие заместителя министра по делам федерации и национальностей Российской Федерации А.А.Томтосова	4
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	7
Ляшко Ю.Г. Проблемы устойчивого социально-экономического развития и условия сохранения языка, культуры и традиций коренных этносов Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: проблемы и перспективы	7
Попов А.А. Представительные органы коренных народов как институт защиты коллективных этнических прав	10
Лаженцев В.Н. Социально-экономические проблемы развития северных регионов ресурсного типа	16
Пахомов В.П. Регулирование регионального развития коренных малочисленных народов Севера	19
Куриков В.М. Проблемы и пути реализации государственных программ развития коренных малочисленных народов Севера	23
Кауппала П. Коренные народы европейского Севера и «Северное измерение» Евросоюза	25
Сусилуото И. О значении «Северного измерения» для сотрудничества между Финляндией и северо-западными регионами России	26
Куликов К.И. Проблемы самоопределения финно-угорских народов России в современных условиях	28
Марков В.П. О работе консультативного комитета финно-угорских народов в рабочих группах ООН по проблемам коренных народов	34
Терентьева С.Б. Итоги и перспективы деятельности органов исполнительной власти в Республике Коми в сфере межнациональных отношений	37
Сметанин А.Ф. Финно-угроведение в Республике Коми: итоги и перспективы развития	40
РАЗДЕЛ I. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	45
Акопов В.И. Модель социальной политики северного региона	45
Безносиков А.С. Государственная национальная политика в печатных средствах массовой информации Республики Коми	47
Габов С.И. Представительные органы коренных народов европейского Севера: Саамский парламент Финляндии	49
Загайнова Г.В. Особенности расселения народа коми	53
Иванов В.А., Евдокимова Т.В. Современные проблемы формирования нормативно-правовой базы развития оленеводства в Республике Коми	56
Иванов В.А., Мальцева И.С. Особенности реформирования земельных отношений в Республике Коми	58
Киселев В.А. Роль Съезда коми народа в формировании национальной Политики в Республике Коми	61
Колегов М.Г. Платежи коренным народам за эксплуатацию территорий традиционного природопользования	63
Куратова Э.С. Транспорт как генератор новых условий жизнедеятельности человека на селе	65
Лавреш И.И., Рожкин Е.Н. Концепция представления финно-угорского мира в сети Интернет	68
Лавреш И.И. Информационное обеспечение республиканских целевых программ реализации государственной национальной политики	70

Логинов В.Г. Социально-демографические процессы в среде малочисленных народов севера Ханты-Мансийского автономного округа.....	71
Льюис Д.С. Национальная гордость и культурные ценности финно-угорских народов	74
Молчанов Б.А. Обычное право как механизм адаптации коренных народов Севера к окружающей природной среде	78
Молчанов Б.А. Позитивное законодательство и обычно-правовые нормы в регулировании взаимодействия человека и среды его обитания	84
Молчанов Б.А. Проблемы традиционного природопользования коренных народов Севера на современном этапе развития общества	88
Нестерова Н.А. Выработка принципов национальной политики в Коми АССР в конце 1980-х гг.	92
Пахомов В.П., Игнатъева М.Н., Беляев В.Н., Логинов В.Г., Литвинова А.А. Оценка ущерба, наносимого территориям проживания коренных малочисленных народов при недропользовании	96
Полянская И.Г. Совершенствование нормативно-правовой базы развития коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа	99
Понарядова Г.М., Черепанова Т.В. Компоненты самосознания коми	102
Понарядова Г.М. О возможности системного описания психологии коми этноса	104
Попова Л.А. Проблемы демографического развития Республики Коми на рубеже веков	107
Прошутинская Ж.И. «Фонд будущих поколений» как вариативная модель реализации прав народов Республики Коми	110
Рожкин Е.Н., Лапин А.М. Проблема страхования кочующих оленеводов	115
Сизых Г.А. Деятельность молодежной ассоциации финно-угорских народов: итоги и перспективы	116
Терентьев В.В. Социально-экономические проблемы коми деревни	118
Тюрнин В.А., Тюрнина О.Н. Об усилении роли государства в решении социально-экономических проблем коренных малочисленных народов Севера на рубеже нового тысячелетия	123
Унгефуг Г.Р., Пасынков Г.П. Система факторийного обслуживания кочующих оленеводов в Республике Коми	125
Фаузер В.В. Коренные этносы: проблемы социально-экономического развития	127
Шабаетов Ю.П. Коренные народы – этнический определитель, юридический термин или политический маркер?	132
Штралер О.Ф. О роли органов государственной власти в организации взаимодействия между национальным общественным движением коренного народа и национально-культурными объединениями этнических групп, проживающих в Республике Коми	135

РАЗДЕЛ II. ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА..... 139

Ашихмина Л.И. О специфике отдельных погребений древнего населения Северного Приуралья	139
Багин А.Л. Хронология серий культового литья Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места	143
Белавин А.М. Ранний этап «древнерусской колонизации» и проблема смены вмещающего этноса пермского Предуралья	146
Васкул И.О. Верхняя Вычегда в первой половине I тысячелетия н.э.	150
Голдина Р.Д. Некоторые частные проблемы этногенеза древних пермян	152
Ефимова Н.Э. Погребальный обряд финно-язычных народов Поволжья	154
Журавлева Г.Н. Некоторые проблемы изучения палеодемографии пьяноборского населения (по материалам могильников)	157
Завьялов В.И. Технологические особенности изготовления железных предметов из памятников ванвиздинской культуры	161
Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Техника обработка черных металлов у поволжских и приуральских финнов	163

Иванова М.Г. Основные этапы формирования северных удмуртов	166
Игушев А.Р., Савельева Э.А. Средневековые городища в бассейне р.Виледи	169
Кабинина Н.В. Древние финно-угры на территории дельты Северной Двины по данным топонимии	173
Казаков Е.П. Волжская Болгария и финно-угорский мир Северо-Востока Европы IX-XI вв.: проблемы экономического и этнокультурного взаимодействия.....	176
Королев К.С. Предки коми-зырян: внутренний мир и окружающая среда.....	178
Косинская Л.Л. Связи в неолите Европейского Северо-Востока и Западной Сибири	181
Майорова Т.П., Несанелене В.Н., Волокитин А.В. Сырьевая база древних технологий на европейском Северо-Востоке как адаптационный механизм	185
Макаров Л.Д. Человеческие жертвоприношения у народов Прикамья (попытка анализа археологических источников).....	191
Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным антропологии: опыт интеграции различных систем признаков	195
Мурыгин А.М. Особенности культур раннего средневековья (V-X вв. н.э.) Печорского Приуралья.....	199
Павлова А.Н. Древнее искусство финно-угров Поволжья и Севера	202
Паршуков Ю.В. Территориально-хронологические комплексы лебяжской культуры	208
Савельева Э.А. Основные итоги археологического изучения эпохи средневековья Европейского Северо-Востока	213
Стоколос В.С. Самодийская проблема Севера европейской части России в свете новых археологических данных.....	220

РАЗДЕЛ III. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Белова Т.Ю. Коллекция ненецкой этнографии II половины XIX-XX вв. в собрании Ненецкого окружного краеведческого музея	223
Беляев А.Н. Народное искусство и дизайн	227
Бобрецова А.Н. Иноэтнические заимствования в комплексе традиционной одежды русских нижней Печоры.....	229
Бунчук Т.Н. Концепты растений в языке традиционной культуры Севера	233
Власова В.В. Распространение старообрядчества среди коми (зырян): проблема формирования этноконфессиональных групп.....	235
Володин В.В., Ильина И.В. Народная медицина коми в системе этнокультурной адаптации этноса.....	239
Дронова Т.И. Территория как один из дифференцирующих факторов в этноконфессиональном самосознании нижнепечорских староверов.....	241
Красильникова С.В. «Коренные народы» в трудах историографов Севера XVIII-XIX вв.	244
Лимеров П.Ф. Корова как символ.....	247
Меньшакова Е.Г. Старообрядчество в Ненецком автономном округе.....	251
Патова Е.М. Становление и развитие музеев европейского Севера (II половина XIX – начало XX в.): проблема преемственности	255
Садиков Р.Р. Культ священных роц у закамских удмуртов	257
Сиикала А.-Л. Локусы этнической принадлежности: история в ландшафте священных роц....	259
Трушкова И.Ю. Адаптационные возможности этнических культур Вятского региона.....	264
Тяпин И.Н. Распространение старообрядчества в среде финно-угорских народов европейского Севера России (XVIII- начало XX вв.).....	266
Федорова Е.Г. Вогулы в XVII-XIX вв.	269
Чагин Г.Н. Историческая психология взаимодействия манси и русских верховьев Печоры, Вишеры, Колвы.....	272
Черных А.В. Этнокультурная адаптация севернорусского крестьянства в южном Прикамья (на примере форм хозяйствования).....	275
Чудова Т.И. Глиняная посуда в обрядах жизненного цикла у коми (зырян)	277

Шутова Н.И. Дохристианские святилища удмуртов как форма духовного освоения пространства	280
--	-----

РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ..... 285

Безносова Н.П. Всесоюзная перепись населения 1959 г. об этническом составе населения Республики Коми.....	285
Бондаренко О.Е. Организационные формы благотворительности в Коми крае в начале XX в. (на примере Усть-Сысольского уезда).....	288
Вайровская С.В. Развитие кооперации у карел и коми (конец XIX- начало XX вв.)	290
Вайровская С.В., Денисенко В.Н. Развитие здравоохранения в Коми крае в начале XX в. (1901-1917 гг.)	292
Гуров С.И. Соотношение гражданской, церковной и коллежской форм административного деления в России второй половины XVIII в. (на примере Архангелогородской и Вологодской губерний)	295
Денисенко В.Н. Земледелие и животноводство на верхней Вычегде (конец XIX-начало XX вв.)	298
Жеребцов И.Л. Коми край в XV – XVIII вв.: административные и этнические границы.....	301
Игнатова Н.М. Взаимоотношения местного коми населения со спецпереселенцами в Республике Коми в 1930-1950 гг.	303
Козлова Д.Т. Роль представителей русской культуры в становлении Государственного театра оперы и балета Республики Коми	306
Копытин В.Н. Создание местных органов военного управления на территории Коми края в период с 1918 по 1921 гг.	308
Котов П.П. Эволюция земледелия в Коми крае в XIX- начале XX вв.	311
Курманова Г.Д. Проблемы социального призрения пожилых и престарелых в коми деревне на рубеже XIX-XX вв.	313
Максимова Л.А. Влияние насильственной миграции 1930 – 1950-х годов на местное население Республики Коми.....	316
Малкова Т.А. Проблема научных кадров и способы ее решения в Республике Коми (1917-1940-е гг.).....	320
Мацук М.А. Зажиточное крестьянство Коми края в начале XVIII в.	322
Меньшиков В.Н. Коренные народы Тобольского Севера в начале XX в.: этнический состав, образ жизни, проблемы социально-экономического развития	324
Милохин Д.В. Традиционные формы природопользования как источник материального обеспечения семей колхозников Коми АССР в послевоенные годы (1946-1958 гг.).....	325
Напалков А.Д. Национальное движение в Республике Коми во второй половине 80 – начале 90-х гг. XX в.	327
Нестерова Н.А. Национально-государственное развитие Республики Коми в 90-е годы в региональной историографии.....	332
Павлина Т.В. Деятельность таможенных пунктов Сысолы и Прилузья в XVII в.	337
Пинаевский Д.И. Этнический (языковой) состав населения европейского Севера России в XIX- начале XX вв.	340
Рапопорт Ю.М. Воздействие государства на хозяйственное и социальное развитие коренных этносов Крайнего Севера (1917-1927 гг.).....	343
Рощевская Л.П. Культурно-просветительная жизнь Коми края в начале XX в.	345
Савельев А.С. Коми-пермяцкое село в 60-80-е гг. XX в.	348
Сметанин А.Ф. Аграрная сфера европейского Севера России в 60-90-е гг. XX столетия: тенденции развития	350
Соловьев В.В. Отношения собственности (недвижимости) в раннефеодальной общине Перми Вычегодской XII-XV вв.	351
Сурков Н.И. Социальная помощь военнопленным, уроженцам Коми края в 1916-1919 гг.	354
Таскаев М.В. Вхождение русскоязычных нижнепечорских волостей в состав Коми АО (1921-1929 гг.).....	356

Угрюмов Б.А. Колхозы и государство во второй половине 30-х гг. XX в. (на примере Ленского района).....	358
Хайдуров М.В. Приходская сеть Коми края в первой половине XIX в.	363
Хорунжая Т.М. Создание первых женских организаций в Коми края в 1910-х гг.	365
Чупров В.И. Община в Коми крае в начале XX в.	367
Яковлева С.И. О роли коми кооперации в социально-экономической жизни народа в 1920-е гг.	369

РАЗДЕЛ V. НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ ЭТНОСОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ 373

Болотова Г.В. Психологические аспекты этнического самосознания героя в коми литературе (на материале рассказов П.Столповского и В.Федорова)	373
Власов А.Н. Исторические концепции прошлого Севера: опыт деконструкции.....	376
Волкова Т.Ф. «Словарь книжников Нижней Печоры» как новый тип исследования локальной рукописно-книжной традиции	378
Зиявадинова О.С. Воздействие природы на формирование национального характера коми: К.Ф.Жаков, П.А.Сорокин.....	382
Канева Т.С. К вопросу о составляющих элементах ижемской фольклорной традиции	384
Коровина Н.С. Типология этнографических связей коми сказки.....	387
Крашенинникова Ю.А. Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов: приговор дружки – заговор	390
Кудряшова В.М. Отражение древних верований, обычаев и традиций в ижмо-колвинском эпосе	393
Кузнецова Т.Л. Художественные поиски современной коми поэзии.....	396
Куклина Р.И. Языческая стихия в драматургии Алексея Попова.....	398
Латышева В.А. Романтический пафос драматической поэмы Н.Фролова «Шыпича»	400
Лимерова В.А. Поэтика рассказа В.Чисталева «Шог асыв».....	404
Лисовская Г.К. К.Ф.Жаков и его роман «Сквозь строй жизни» в мифологическом аспекте	408
Марцина И.Ю. Языковое строительство и формирование национальной литературы на финском языке в последней трети XIX в.	411
Мелихов М.В. Исторический факт в народном сознании (Куликовская битва в рукописях конца XVIII в.)	414
Остапова Е.В. Ритм стихотворения В.Чисталева «Прощай и здравствуй».....	416
Паниуков А.В. Коми и русские: диссипативные механизмы в системе фольклорных заимствований.....	418
Пахорукова В.В. Национальный образ мира в произведениях коми-пермяцких писателей.....	421
Петухов С.В. «Северная Бретань»: Усть-Сысольск в изображении А.М.Ремизова	423
Прокуратова Е.В. Рукописные сборники удорского крестьянства как источник по изучению истории местного старообрядчества	426
Рассыхаев А.Н. Определение границ понятия «детский игровой фольклор коми»	430
Рыжова Е.А. Удорские книжники-старообрядцы XIX-XX вв.: традиции и новаторство	432
Уляшев И.И. Мифопоэтическое начало в прозе В.Чисталева.....	435
Фадеева И.Е. Поэтика текста как онтология реальности.....	437
Филиппова В.В. Фольклорная традиция коми и этническое сознание (на материале фольклорных экспедиций в Мурманскую область).....	440
Шевченко Е.А. Песенный репертуар лузской свадьбы.....	442

РАЗДЕЛ VI. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ 445

Безноскова Л.М. Неологизмы в современном коми языке и способы их образования.....	445
Волкова Н.И. Языковые контакты в современной антропонимии Республики Коми (на материале русских и коми прозвищ).....	449
Гудырева Т.А. Фразеологические единицы современного коми языка с историзмами и лексическими архаизмами	452

Дмитриева Т.Н. Коми-хантыйское взаимодействие на Казыме по данным топонимии и географической терминологии	454
Докучаева Р.М. Слово и сложное синтаксическое целое	457
Игушев Е.А. Коми-мансийские контакты по данным филологии.....	460
Карабулатова И.С. Вариативность восприятия топонимии современными носителями русского языка	462
Каракулов Б.И. Язык удмуртского перевода Евангелий, изданных в 1847 г.	467
Краснова Н.М. Глагольно-именные словосочетания, выражающие объектные отношения, в горномарийском литературном языке.....	469
Лейнонен М. Параллели севернорусских <i>да/дак</i> на европейском Севере.....	471
Лобанова А.С. Явление омонимии в коми-пермяцком языке	474
Лудыкова В.М. Валентность прилагательного в коми языке	477
Мусанов А.Г. Прозвища южных коми.....	479
Мусанов А.Г., Понарядов В.В. Причастия в коми топонимах (на материале топонимии верхнего Прилузья).....	482
Некрасова Г.А. Реализация фонемы <i>j</i> в коми-зырянских диалектах	484
Понарядов В.В. Прауральский плюральный <i>*-t</i> : внешние соответствия	490
Прокушева Т.И. Некоторые наблюдения над интерфиксами в коми языке	493
Ракин А.Н. Лексика культурной флоры в контексте истории пермских народов	494
Тамбовцев Ю.А. Измерение схожести между коми-зырянским и другими уральскими языками с точки зрения функционирования групп согласных в звуковой цепочке языка.....	497
Терехов А.В. Опыт создания электронных систем перевода текстов (на материале коми языка).....	500
Тихонова Л.Н. К проблеме обогащения марийского литературного языка за счет редких и забытых слов	503
Федина М.С. Парное словосложение в коми языке: некоторые аспекты истории и современности.....	505
Федюнева Г.В. Национальный коми язык: структура и динамика развития.....	506
Чуяшкова М.В. Когнитивные подходы к изучению лексической полисемии (на материале многозначных существительных коми языка).....	512

РАЗДЕЛ VII. НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБРАЗОВАНИИ 515

Безносилова Н.А. Региональное обучение дошкольников в Кировской области (на примере областной экспериментальной площадки по этнокультурному образованию – детский сад № 57 г.Кирова)	515
Ведерникова О.В. Этнокультурный аспект профессиональной подготовки учителя в педвузе	518
Габов П.В. Коми язык в истории национальной школы: конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.	520
Журавлева Т.Ю. К вопросу об организации и функционировании кочевой школы в общине ненцев-единоличников «Ямбто».....	524
Котович Г.Д. Приобщение учащихся начальных классов национальных школ Республики Коми к русской культуре на основе работы над пословицами и поговорками	527
Некрасов А.И., Некрасова Г.А. Страницы истории (к 100-летию со дня открытия Гамской второклассной учительской школы).....	529
Оксенюк А.Е. Регионально-этнокультурологические истоки педагогики искусства в системе подготовки учителя начальных классов	533
Остапова З.В. Модель коми детского сада в системе непрерывного образования	535
Пестова Г.А., Афанасьева Н.Л. Проблема подготовки коми технической интеллигенции в условиях модернизации общества.....	538
Плюскова М.А. Этнопедагогический подход как средство повышения мотивизации при обучении коми языку учащихся общеобразовательных учреждений	540
Полякова Э.И. Краеведческий материал в учебно-методическом комплекте по коми языку для первого класса	542

Цыпанов Е.А. Проблемы составления учебников-самоучителей финно-угорских языков для лиц нетитульных национальностей	545
Заключительное слово Главы Республики Коми Ю.А.Спиридонова.....	548
Рекомендации конференции	550
Список участников конференции	552

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ КОМИ ЯЗЫКЕ
И СПОСОБЫ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

Л.М.Безносилова
Сыктывкар

Собирание и изучение новых слов и выражений является одной из важных задач языкознания. Исследование их состава, структуры, функций способствует решению многих вопросов лексикологии, грамматики, стилистики. Необходимость регистрации и изучения новых слов возникает и перед коми лингвистами в связи с активным появлением новообразований в художественной литературе и публицистике последних десятилетий XX в. Образованию неологизмов в коми языке в значительной степени способствовали важные политические события в жизни коми народа, в частности, принятие в 1992 г. государственной программы “Сохранение и развитие коми языка”, а также Закона “О государственных языках Республики Коми”, на основании которого коми язык, наряду с русским, юридически получил статус государственного. С утверждением этих документов, создавших условия для расширенного функционирования коми языка, возникла необходимость интенсивного пополнения словарного состава коми литературного языка, особенно в области политики, экономики, лингвистики. Это обусловило обращение к максимальному использованию исконных средств выражения, целенаправленному и сознательному поиску новых слов вместо привычных, но не всегда обоснованных иноязычных заимствований [Безносилова, Айбабина 1996:11-17].

Известно, что большинство языков обладают разнообразной словообразовательной системой. Так, исследуя типы словообразования в финно-угорских языках, К.Е.Майтинская отмечает морфологические, синтаксические, семантические, а также смешанные (фонетико-морфологические, морфолого-синтаксические) способы образования слов [Майтинская 1959:5]. Эти типы словообразования характерны и для коми языка.

Данная статья посвящается описанию некоторых, наиболее типичных способов и моделей образования неологизмов-существительных, представленных в специальных выпусках, изданных Министерством по делам национальностей Республики Коми [Безносилова, Цыпанов 1998, 1999]. Список новообразований, включенных в эти выпуски, насчитывает свыше 1600 лексических единиц, которые извлечены из текстов художественной литературы и массовых периодических изданий. Почти половину всех слов и словосочетаний, содержащихся в этих выпусках, составляют существительные (около 800 слов); это в основном слова с абстрактным значением и слова, обозначающие названия предметов.

Собранный материал свидетельствует, что основными средствами их образования являются аффиксация, словосложение, субстантивация и калькирование.

1. Аффиксация. Среди аффиксов, образующих имена существительные, выделяются первичные аффиксы (-ас, -ӧг, -ӧд, -ӧм, -ӧс, -ов, -ӧб) и аффиксы, возникшие на основе самостоятельных слов (-ин -ін, -лун, -ног, -ну, -тор, -ув).

1.1. К новообразованиям первой группы относятся:

Существительные, образованные при помощи аффикса -ас: артас ‘расчет’, вежас ‘обмен’, весьтас ‘соответствие’, видзас ‘резерв, запас’, гижтас ‘дефис’, йиджтас ‘электромагнитное поле’, нӧбас ‘ноша’, петкӧдлас ‘показатель’, съллтас ‘припев’, шедас ‘добыча’ и др.;

аффикса -ӧг: вежсьӧг ‘смена’, вермӧг ‘мощь, сила’, визьӧг ‘очертание’, дорйӧг ‘защита’, кесйӧг ‘правило, установка’, пожйӧг ‘помой’, пӧрйӧг ‘фальшивка’, ылӧг ‘подделка’ и др.;

аффикса -ӧд: вежӧд ‘замена’, джӧмӧд ‘препятствие’, кутӧд ‘запрет’, лапӧд ‘повязка’, личкӧд ‘давление’, пемдӧд ‘заслон’, посйӧд ‘сцена’, сайӧд ‘ширма’, пымӧд ‘вал’ и т.д.;

аффикса -ӧм: асъюралӧм ‘автономия’, коньӧртӧм ‘унижение’, коставлӧм ‘пауза’, кылӧм ‘чувство’, лыбӧм ‘поднятие’, пӧдӧм ‘отдышка’, пузьӧдӧм ‘сварка’, пукалӧм ‘банкет’, чукӧртчӧм ‘съезд’, эшкылӧм ‘совесть’ и др.;

аффикса -ӧс: дзугӧс ‘путаница’, йитӧс ‘цепочка’, кидӧс ‘видимость’, чепӧльтӧс ‘клещи’, ылдӧс ‘пространство’ и т.д.;

аффиксы -ов- и -об- представлены единичными образованиями : кытшов 'поворот', сувтов 'остановка', резоб 'брызги' сьодоб 'чернота', тірб 'дрожь'.

Аффиксы -ас-, -ог-, -од-, -ос- традиционно считались малопродуктивными и непродуктивными [Лыткин, Тимушев 1961:914-920; Лыткин 1969:116]. По более поздним наблюдениям, они обладают потенциальной продуктивностью, благодаря легкости присоединения их ко многим основам [Федюнева 1985:47]. Их активность в словообразовательном процессе подтверждается новообразованиями последних лет. Так, в выпусках неологизмов зафиксировано 75 слов с этими суффиксами, что составляет примерно 4 % всех новообразований, включенных в эти выпуски.

К неологизмам, образованным посредством вторичных аффиксов, относятся:

1.2. существительные, созданные при помощи:

аффикса -ин (-in) со значением места: асласін 'свое место', веськөдланін 'управление', вомёнасянін 'перекресток', гожйөдчанін 'пляж', дзескыдін 'тюрьма', кевмысянін 'молельня', нурьясянін 'столовая', писькөдтөмин 'тупик', юраланін 'министерство' и т.д.;

аффикса -лун с абстрактным значением: варовлун 'оживленность', водзлун 'будущее', вевтырлун 'превосходство', гажтөмлун 'скука', дзуглөслун 'противоречие, запутанность', ёртлун 'дружба', иналун 'верность', мортлун 'достоинство', нывлун 'девичество', өтувлун 'союз', сибаланлун 'подход', чукоралун 'коллективность' и т.д.;

аффикса -тор с предметным значением: вурөмтор 'швейное изделие', йөзөдөмтор 'печатное издание', кодзөдөнтөр 'алкогольный напиток', му вынсьөдөнтөр 'удобрение', медшөртөр 'что-л.самое главное', петкөдлантор 'телепередача', пыйысыантор 'дезодарант' и др.;

аффикса -пу со значением 'кандидат в кого-л.': вежысыпу 'кандидат в заместители', верөспу 'женых', председательпу 'будущий председатель', салдатпу 'будущий солдат' и др.;

аффикса -ног со значением способа действия: пыранног 'условия поступления', сёрниног 'нарекание', сьыланног 'мелодия', тэчасног 'структура', уджаланног 'режим работы' и т.д.;

аффикса -ув со значением 'область распространения чего-л.': аркирейув 'епископство', графув 'графство', ёрдув 'судебный округ', өксыув 'княжество', рөдув 'родство', юкөдув 'подраздел' и др.

Приведенные аффиксы входят в разряд широко употребительных и продуктивных аффиксов коми языка. Пожалуй, реже употребляется суффикс -ув, еще не зафиксированный в числе словообразующих формантов и функционирующий в роли аффикса в последние годы. Это дает основание предположить его дальнейшую активизацию в словообразовательном процессе.

Модели образования названных существительных обладают практически неограниченной продуктивностью и имеют открытые ряды. Они широко употребительны в коми языке, поэтому довольно трудно определить их новизну. Однако большинство слов индивидуально, и в каждом отдельном случае можно назвать их автора. Так, слово видзас создано В.Тиминым: – Кымын морт вöлі видзас котырад? – юалис Микол (Эжва Перымса зонка – ВК 1997, № 12, 45) 'Сколько человек было в резерве? – спросил Микол'. Слово юраланін впервые встречается в романе И.Торопова: Да өд пö тадзинад ми пö сзэся тшыгыявны пондам. А видз-му овмөс юраланіны кодкө и крапкас сылы: öні пö тшыгыялөмыс сөмын бур вайө (Вошөм гортö мунан туйыс – ВК 1998, № 10, 28). 'Если так, ведь мы будем впроголодь жить. А в министерстве сельского хозяйства кто-то и брякнет в ответ, сейчас, мол, голодание только пользу принесет'. Слово писькөдтөмин принадлежит Г.Беляеву: Коми школаыс став тайб сьөкыллунсө да писькөдтөминсө, мый гөгөр вензьөмны 1929 вося гөжөмб конференция вылас, Разманов казялөма да ёна бура нин гөгөрвоёма учителялігас на ("Коми му", 1997 во, июнь 17 лун) 'Все эти трудности и тупики коми школы, о чем дискутировали на конференции 1929 г., Разманов заметил и понял еще в годы работы в школе'. Слово коньөртөм впервые употребил Г.Юшков: Таысь Бияр и бурасис ас вылас: дырөн, а бергөдіс жө коньөртөмсьыс водзөссө (Бива – ВК 1996, № 4, 15) 'На этом успокоился Бияр: не сразу, но все же отомстил за унижение'. Слово өксыув использовано Е.Цыпановым в переводе с финского языка: Швецияөс кутіс майшөддыны, мый Иван III вөчис вынаён Москваса өксыувөс (княжествөс) (К.Хяккинен, С.Сэттэрберг, Суоми: төрыт и талун, 1997, 45).

2. Словосложение. В финно-угорских языках словосложение - один из самых продуктивных способов создания слов. В этом отношении не является исключением и коми язык. В художественных произведениях, на страницах газет и журналов встречается целый ряд неологизмов, образованных сложением двух слов. По способу связи компонентов они делятся на две основные группы: группу существительных с подчинительной связью между компонентами новообразования и группу сложносокращенных слов.

Существительные первой группы неоднородны по своему составу. В зависимости от того, какая часть речи выступает в роли первого компонента, можно выделить несколько подгрупп:

2.1. сложные слова, первым компонентом которых выступают существительные в основной форме: айлов 'мужчина', айним 'отчество', вужму 'прародина', йёзсикас 'человечество', кипас 'подпись', кывпас 'голос, звук', луннебёг 'дневник', мёвпсям 'мировоззрение', мувердас 'удобрение', нывьёрт 'подруга', ордвуж 'генеалогический корень', пельсаль 'внимание', сойпос 'браслет', тёвдёра 'парус', туруншорт 'хлопок', водзбан 'передовица', шёркыв 'причастие', шылад 'мелодия', черигорт 'аквариум', эньлов 'женщина', юргез 'канат', юрсикт 'райцентр' и т.д.

Присоединение существительных в основной форме к другому существительному является наиболее распространенным способом образования сложных существительных в коми языке. Его продуктивность объясняется возможностью широкого использования существительных в роли определения. В двух выпусках отмечено 120 сложных существительных; из них в 70 словах первым компонентом является существительное в основной форме.

Другие группы представлены немногочисленными примерами.

2.2. сложные слова, в которых первым компонентом является прилагательное: биару 'газ', буркыв 'благословение', гёгапи 'внук', кадакыв 'глагол', лыдакыв 'имя числительное', торьякыв 'слово' и др.;

2.3. сложные слова, в которых первым компонентом является наречие: ётвизь 'шеренга', ётуво-ланін 'общество', паньдводз 'двор, площадка перед домом' и др.;

2.4. сложные слова, в которых первым компонентом являются местоимения, числительные, причастия: асныр 'упрямство', мёдпуткыль 'перелом', оланподув 'конституция', чужанвуж 'род', шуансям 'манера произношения, орфоэпия' и т.д.

Наш материал показывает, что образование композит происходит либо по аналогии с однокоренными неологизмами, либо по образцу старых слов. В качестве примеров могут быть названы новообразования с компонентом му: мувердас 'удобрение' (му 'земля' + вердас 'корм'), мувый 'нефть' (му + вый 'масло'), мудор 'граница, рубеж' (му + дор 'край'), мучудё 'диговинка' (му + чудё 'чудо'), муюгыл 'белый свет' (му + югыл 'свет, блеск').

Компоненты сложных слов получают переосмысление в неологизме, которое приводит к переосмыслению новообразования в целом.

Примеры использования их в контексте: Оз тырмы кёйдыс. Мувердас этша и (газ. "Коми му", 1997, май 15 лун). 'Не хватает семян. Мало и удобрений'. Кулёмдінын жё босьтчёмась пискёдны скважина. Став сертиыс пё сэні эм муый ("Коми му", 1996, декабрь 31 лун). 'В Усть-Куломе начали бурить скважину. По всем показателям, там есть нефть'. Нимкодь, мый мудор (рубеж) сайын тшётш тёждысьёны коми войтыр понда, лэдзёны Ен небёгъяс мяян кыв вылын ("Коми му", 1997, январь 18 лун). 'Отрадно, что и за рубежом заботятся о коми народе, издают религиозные книги на нашем языке'. Медбёрын мыччысис румка ыджда ичотик гырничын кутшёмкё мучудё. Гёгыль сям веж быдмёг (Н.Куратова, Урёдик кактус лэдзёма дзоридз — ВК 1989, № 10, 5). 'Наконец, в маленьком, как рюмка, горшке появилась какая-то диговинка. Шарообразное зеленое растение'. Паськыд уюгыдыс, а сёлёмнад век тай чепёсьян асладорад, кёні чужин-быдмин и мортё на петін (В.Тимин, Ракета видзёдо энэжё, 1990, 6). 'Широк белый свет, а сердце все же тянет к родным местам, где родился, вырос и вышел в люди'.

В качестве примеров, созданных по известным в языке моделям, можно привести неологизмы с компонентом -пас 'знак'. Следует отметить, что первые образования с этим элементом (лыдпас 'цифра', серпас 'пейзаж, картина') возникли в 20-х гг., в период формирования коми литературного языка [Лыткин 1969:335]. По их образцу в настоящее время возник ряд неологизмов: донпас 'этикетка', канпас 'государственный герб', кадпас 'дата', карпас 'городской герб', кипас 'подпись в виде какого-л. знака, метка', кывпас 'голос', индёдпас 'установка', морёспас 'нагрудной знак', оланпас 'закон', оланінпас 'адрес', юрпас 'глава книги', юёрпас 'газета' и др. Эти новообразования, появившиеся в основном в результате сознательного словотворчества, получают употребление в литературе: Ёні позьё стёча индины Мылдінын чужлём коми поэт Омралысь олан кадпасъяссё: чужлём сійё 1901 вося төв шёр 24 лунё, кулём 1977 вося рака-март 6 лунё (Г.Беляев, "Коми му", 1997, октябрь 9 лун) 'Сейчас можно указать точную дату жизни коми поэта Омры, выходца из Мыёлдина: он родился 24 января 1901 г., умер 6 марта 1977 г.'. Грамотаныс кё эськё вёлі, гашкё, мыйкё и гижисны, да велёдчётёмось ставыс вёліны, кытчёкё кё кырымасьны ковмыліс, кипас пуктылісны (В.Лодыгин — "Коми му", 1998, июль 16 лун) 'Если бы были грамотными, возможно, что-нибудь и написали бы, но все были неграмотными; когда нужно было

что-либо подписать, ставили свой знак'. Дзоридзьяс вичмисны и Госсоветса выль депутатъясны. Налы сеталисны удостоверенияея да морёспасьяс (Н.Размыслов — "Коми му", 1997, декабрь 18 лун) 'Цветы достались и новым депутатам Госсовета. Им раздали удостоверения и нагрудные знаки'. Оланпастё дась-тыны абу жё кокни (Н.Димитрова — "Коми му", 2000 во, июнь 3 лун) 'Подготовить закон тоже нелегко'.

3. Группа сложносокращенных существительных-неологизмов немногочисленна. К ним относятся:

3.1. буквенные существительные, образованные из начальных букв (аббревиатуры): АК (акционер котыр) 'общество акционеров', ДА (Доръям асьнымёс) 'защитим себя' (партия), ЕО (Европаса Отув) 'Европейский союз', КВСК (Коми войтырёс сёвмёдан комитет) 'Комитет возрождения коми народа', КВЧК (Коми войтыр чукёртчёмлён комитет) 'Комитет съезда коми народа', КР (Коми Республика) 'Республика Коми', ФС (Федерация совет) 'Совет Федерации';

3.2. композиты, первым компонентом которых является сокращенное русское слово: артби (арт > артиллерийской + би) 'артиллерийский огонь', госэмбур (гос > государственной + эмбур) 'государственное имущество', комбисёян (комби > комбинированной + сёян) 'комбинированный корм', концкёрым (конц > концентрированной + кёрым) 'концентрированный корм', партудж (парт > партийной + удж) 'партийная работа', соцуджалысь (соц > социальной + уджалысь) 'социальный работник', телеуджтас (теле > телевизионной + уджтас) 'телевизионная программа' и др.

При определении композит-новообразований возникают некоторые трудности, связанные с разграничением сложных слов и словосочетаний. Подробно не останавливаясь на данном вопросе, заметим, что эти сложности обусловлены прежде всего проблемами орфографии в коми языке. Поскольку морфологические показатели сложения двух слов играют незначительную роль, то такие слова, как енби 'талант', буркыв 'благословение', вужвойтыр 'коренной народ', гыкутан 'антенна', кывбертас 'скороговорка', паныдводз 'двор', ничем не отличаются от словосочетаний типа гёрд вуж 'морковь', вом шы 'голос', воча пи 'племянник', би ёзтан 'выключатель', ёг шыблас 'свалка'. В обоих случаях это неоформленные определительные словосочетания, в которых первый компонент присоединяется ко второму в основной форме. Для большей наглядности приведем примеры неологизмов, совершенно идентичных по образованию, но различных по правописанию: индёдпас 'установка' и гижёд пас 'этикетка', мортвуж 'человечество' и морт рёд 'тж', сойпос 'браслет' и енэж пос 'горизонт', уджаланног 'режим работы' и олан ног 'режим дня', юркутысь 'хозяин' и му кутысь 'землевладелец' и т.д. Такое разнообразие в правописании однотипных образований требует исследования вопроса о разграничении некоторых типов словосочетаний и соответствующих им композит, унификации правил орфографии в коми языке.

4. В нашем материале имеется ряд примеров категориального перехода прилагательных и причастий в существительные (субстантивация). Наиболее часто субстантивируются:

4.1. прилагательные с аффиксом *-са*, обозначающие названия лиц по роду занятий или по месту проживания: администрацияса 'работник администрации', банкаса 'работник банка', власътбердса 'крупный чиновник', кавказса 'житель Кавказа', колхозса 'колхозник', связьса 'связист', портса 'портовик', рубежсайса 'иностранец', фондса 'работник фонда', ютырса 'член партии' и т.д.

4.2. причастия с аффиксом *-ан* со значением орудия или объекта действия: быдтысян 'ребенок, воспитанник', веськёдлан 'руль', гыжъясян 'мочалка', индан 'указка', гижтан 'линейка', личкан 'кнопка', лёдан 'ковш', лэбалаан 'самолет', петкёдлан 'телепередача', сёёдчан 'кормушка', тышынасян 'курево', ытшкысян 'коса' и др. Вот несколько примеров: А миян Кулёмдін районд сюсьсь связьсаыд ("Коми му", 1998 во, март 3 лун) 'А в нашем Усть-Куломском районе связисты умные'. Карысь прокуратураса дорё эз ётчюд шыёдчывны мортсё дорйысьяс, тшётш и "Доръям асьнымёс" коми ютырса, медым лэдзасны гортас ("Коми му", 1998 во, июль 2 лун), 'К работникам прокуратуры города неоднократно обращались защитники человека, в том числе и члены коми партии "Доръям асьнымёс", с просьбой выпустить человека'. Локтіс Пама, ... кыкнан пельпом вылас ки чышкёдыас павкнитёма, веськыд киас эзысь лёдан (Г.Юшков, Бива — ВК 1996, № 1,14) 'Пришел Пама ... на плечи накинуто полотенце, в правой руке серебряный ковш'.

Неологизмы этой группы встречаются в текстах последних лет, что позволяет предположить некоторую потенциальную продуктивность этого типа новообразований.

5. В современном словотворчестве наблюдается довольно активное использование калек, регулярно появляющихся в тексте для замены некоторых заимствованных слов средствами коми языка. К ним относятся:

5.1. существительные, представляющие собой дословный перевод иноязычных лексем: аскылём 'самочувствие', адзылысь 'свидетель', асвежёртём 'самосознание', асвеськёдлём 'самоуправление',

асдон 'себестоимость', киномойд 'киносказка', кӧдзӧданін 'холодильник', лыддысьӧмъяс 'чтения', лымморт 'снежный человек', ытысьӧм 'ссылка, сноса', буркӧсийсь 'доброжелатель', велӧдчандон 'стоимость обучения', подувкы 'празык' и т.д.

5.2. существительные, представляющие смысловой перевод заимствований: асэмбуралӧм 'приватизация', ворсӧмпуктысь 'режиссер (театра)', енӧжиз 'метеорит', луннебӧг 'дневник', сьӧлӧмпӧт 'духовное удовлетворение', пессаньяс 'гимнастические упражнения', юасьӧм 'тест' и др.

Естественно, не все новообразования, возникшие в последние годы, займут одинаковое место в лексическом фонде коми литературного языка. Однако благодаря сознательному словотворчеству в современном коми языке значительно изменился и расширился круг существительных, образованных по продуктивным типам. Многие из них входят в активный запас языка. Так, на страницах газеты "Коми му" в номере за 3 июня 2000 г. встречаются такие существительные, как биару (2 раза), индӧд (8 раз), оланпас (5 раз), пальӧдчанін (2 раза), мусир (3 раза), тэчас (4 раза) и др.; в номере за 10 июня этого же года употребляются также новообразования, как асшӧрлун (6 раз), уджтас (2 раза), шӧрин (9 раз), юркар (5 раз), по одному разу вужвойтыр, канму, оланподув, тэчасног, серпасасьсь, падмӧг и др.

Литература и источники

Безносилова Л.М., Айбабина Е.А. Преемственность традиций (терминотворчество на современном этапе развития коми литературного языка) // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры, т. II. - Сыктывкар, 1966.

Безносилова Л.М., Цыпанов Е.А. Выль коми кыввор. - Сыктывкар, 1998.

Безносилова Л.М., Цыпанов Е.А. Выль коми кыввор. - Сыктывкар, 1999.

Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. II. Грамматическое словообразование. - М., 1959.

Лыткин В.И., Тимушев Д.А. Краткий очерк грамматики коми языка. - Коми-русский словарь. - Сыктывкар, 1961.

Лыткин В.И. Об огласовке s-овых словообразовательных суффиксов существительных в пермских языках // Советское финно-угроведение, № 2, 1969.

Федунева Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. - М., 1985.

Сокращения

ВК - Войвыв кодзув

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОНИМИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КОМИ ПРОЗВИЩ)

Н.И. Волкова

Сыктывкар

Современные прозвища – богатый материал для антропониими, которая способствует изучению языка "... в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью" (Вендина, 1998, с. 5). Наблюдения над прозвищами, бытующими на территории нашей республики, позволяют выявить следы контактов коми и русского языков на фонетическом, лексическом, лексико-семантическом и словообразовательном уровнях, а также определить влияние диалектных особенностей севернорусского говора на систему современных прозвищ РК (Сергеенко, 1986, с. 54). Так, на фонетическом уровне мы наблюдаем чоканье, когда на месте [ц] под влиянием севернорусских диалектов произносится звук [ч']. В Корткеросском, Сысольском, Усть-Вымском и Усть-Куломском районах зафиксировано прозвище КУЗНЕЧ, в Сысольском и Ижемском - КУПЕЧ, в Удорском - ПРОДАВЕЧ, ОГУРЕЧ и СВИНЕЧ, в Сысольском и Усть-Куломском - НЕМЕЧ, в Усть-Куломском районе - ЯПОНЕЧ.

Наша картотека свидетельствует о том, что в системе прозвищ Республики Коми отмечается несколько проявлений межъязыковой интерференции, которая связана с адаптацией русских заимствований комиязычными билингвами (Айбабина, 1985, с. 5 и с. 11). Так, под влиянием коми языка ударение смещается на первый слог: МУНТЕР (с. Ижма), БУКСЕР (Ижемский р-н), ЛИСНИК (Корткеросский р-н), МАТРОС (Удорский р-н). Некоторые конечные мягкие согласные отвердевают: ПЕКАР Лиза (Усть-Вымский р-н), ПЕКАР Саня (Удорский р-н), ПЕКАР Анна (Усть-Куломский р-н).

Звук [х], отсутствующий в фонетической системе коми языка, в большинстве прозвищ замещается звуком [к]: ПЕТУК (Усть-Куломский р-н, п. Троицко-Печорск, с. Усть-Кулом), КОНЮК (Усть-Куломский р-н), САКАР (Удорский р-н), ПЛАКА (Интинский р-н), КУТОР (Удорский р-н). Наблюдается регулярная субституция гласных звуков [о], [а], [ы] (редко - [и]) специфическим коми звуком [ö]: НЕМÖЙ (Усть-Куломский р-н, Усть-Вымский р-н), ВÖЛЬНÖЙ (Ижемский р-н), МЕТРÖВÖЙ (Усть-Куломский р-н), СЫРÖЙ (Удорский р-н), МЯСНÖЙ (Удорский р-н), ПРОЗРАЧНÖЙ (Удорский р-н), СТАЛЬНÖЙ (Усть-Куломский р-н), КÖСÖЙ (Усть-Куломский р-н), БЕЛÖЙ (Корткеросский р-н), РЫЖÖЙ (Ижемский р-н), ТÖРÖКАН (Усть-Куломский р-н, Прилузский р-н, Корткеросский р-н), СКÖБА (Прилузский р-н), ПÖЧТА (Усть-Куломский р-н), БÖРАН (Удорский р-н), КÖБЫЛА (Удорский р-н), ЛÖСЬ (Удорский р-н), СЛÖН (Усть-Куломский р-н), КÖСЯК (Усть-Вымский р-н), КÖЛЕСА (Усть-Вымский р-н), САМÖВАР (Корткеросский р-н), ПÖЖАРНИК (Усть-Куломский р-н), СТРÖПИЛÖ (Усть-Куломский р-н) и др.

Отмечено большое количество прозвищ, в которых первый компонент восходит к русским апеллятивам с разнообразной семантикой, а второй представлен комизированной формой личного имени (Тепляшина, с. 45-48). Укажем основные модели. А. Названия лица по профессии, должности, национальности или особенностям характера и поведения в обществе + личное имя (ЛИ): АРТИСТ ВАСЬ (Усть-Куломский р-н), ПЕКАРЬ МАШ (Ижемский р-н), ЖАНДАРМ ÖЛЬÖ (Прилузский р-н), ПЕЧНИК ТОЛЬ (Усть-Куломский р-н), ЛЁТЧИК ВАСЬ (Усть-Куломский р-н), ВЗРЫВНИК АРКАДЬ (Усть-Вымский р-н), МОРЯК КОЛЬ (Ижемский р-н), ПРАЧКА ВАСЬ (Усть-Куломский р-н), БАЛЕРИНА ЛИДЬ (Усть-Вымский р-н), ГЕРОЙ ВОЛОДЬ (Прилузский р-н), ПАН ВАСЬ (Усть-Куломский р-н), КУЛАК ВАНЬ (Усть-Куломский р-н), БАНДИТ ЛЁШ (Усть-Куломский р-н), ГРУЗИН ВАСЬ (Усть-Куломский р-н), БАБА САНЬ (Удорский р-н), БАБА ÖЛЬОК (Усть-Куломский р-н). Б. Названия учреждений, организаций, предприятий и т.п. + ЛИ: АЭРОПОРТ ТОЛЬ (Корткеросский р-н), ГАИ КОЛЬ (Ижемский р-н), ЛЕСХОЗ ФЕДЬ (Усинский р-н), ПОЧТА КОЛЬ (Усть-Куломский р-н), ПОЧТА САШ (Ижемский р-н), ШКОЛА ЛИДЬ (Усть-Вымский р-н). В. Названия предметов с конкретной семантикой (в широком смысле) + ЛИ; термин + ЛИ: МОТОР ВАСЬ (Усинский р-н), САРАЙ МИШ (с. Усть-Кулом), ТЕЛЕВИЗОР ВАСЬ (с. Корткерос), ПАРОХОД САШ (Усть-Вымский р-н), КАПКАН ВАНЬ (Удорский р-н), СТОЛЬ ВАНЬ (Усть-Куломский р-н), ЖАБА ЛЁНЬ (Корткеросский р-н), ЧИЖ САНЬ (Усть-Вымский р-н), КУЛИК ЛЕН (Усть-Вымский р-н), КИНО ВАНЬ (Удорский р-н), КАПЛЯ ВАСЬ (с. Объячево), ЧИЖИК САНДРА (Усть-Вымский р-н), ЛИНЗА ВАНЬ (Усть-Вымский р-н), ПОНЧИК САШ (Усть-Куломский р-н), КАЛАЧ ВАНЬ (Усть-Вымский р-н), ПУЛЯ АНÖЙ (Удорский р-н), РАДИО МИТЬ (Усть-Вымский р-н), ПОНЧИК НАСТА (Сысольский р-н). Г. Названия предметов с семантикой вещественности, собирательности, отвлеченности + ЛИ: БЕНЗИН МИШ (Корткеросский р-н), ЗУД МИШ (Корткеросский р-н), КИРПИЧ ПАРАСЬ (Усть-Куломский р-н), ПИВО ЛЁШ (Удорский р-н), СКАНДАЛ КОЛЬ (Корткеросский р-н), ТАРА ВАСЬ (Корткеросский р-н), УГОЛЬ ПАШ (Корткеросский р-н), ХРУСТАЛЬ ВАСЬ (Усть-Куломский р-н), ШПАНА ВАНЬ (Удорский р-н), ВОДКА КОЛЬ (Сысольский р-н).

Наша картотека содержит несколько прозвищ, в которых сосуществуют коми и русские лексемы. Так, в прозвище юноши с удлинённым лицом КЕРПОМ РОЖА (Усинский р-н) первый компонент представлен сложным коми словом, в котором начальная часть КЕР переводится как 'бревно', а вторая часть ПОМ - как 'конец' (КЭСК, с. 121 и с. 224). Компонент РОЖА восходит к соотносительному русскому апеллятиву *рожа*, имеющему просторечный характер (СРЯ, т. 3, с. 725). Прозвище У НАС РОДИЛСЯ КУКАНЬ, У НЕГО БОЛЬШОЙ БУГЫЛЬ (Сысольский р-н) закрепилось за трехлетним мальчиком. Эту фразу он произносил, встречая радостно соседей. В данном именовании отмечаются два коми слова: *кукань* 'телен' (КЭСК, с. 145) и *бугыль* (чаще в сочетании: *син бугыль* 'глазное яблоко' - КЭСК, с. 41). Любимая фраза преподавателя МУН, МУН, ТРИ РУБЛЯ! (г. Сыктывкар) стала его прозвищем, где МУН - форма повелительного наклонения глагола МУННЫ 'идти' (КЭСК, с. 178).

Лексические заимствования в коми языке отмечаются и на уровне прозвищ. Некоторые из них практически не подвергаются каким-либо изменениям ни с фонетической, ни с морфологической точки зрения: ВЕТЕРИНАР (Корткеросский р-н), ЗМЕЙ (Усть-Куломский р-н), КУЗИНА (Ижемский р-н), МУЗЕЙ (Усть-Куломский р-н), ПРИШЕЛЕЦ (Усть-Вымский р-н), САМОЛЕТ (Усть-Куломский р-н), СТОМАТОЛОГ (Корткеросский р-н), БАТРАК (Прилузский р-н), МАТРОС (Усть-Куломский р-н), ГАРМОНИСТ (Сысольский р-н), ПРЯНИК (Сысольский р-н), ПАВЛИН (Ижемский р-н), БАЯН (Усть-Куломский р-н), СЛИВКИ (Прилузский р-н), РАДИО (Усть-Куломский р-н), РУЧКА (Усть-Куломский р-н), ПРОДАВЕЦ (Усть-Вымский р-н), ПОЛЯЧКА (с. Объячево), БУТЫЛЬ (с. Усть-Кулом, с. Объячево).

В других случаях "... перенесенные лексические единицы могут быть подвергнуты звуковой и (или) грамматической адаптации" (Айбабина, 1985, с. 12). Несмотря на то, что в нашем регионе в силу оканья наблюдается четкое разграничение в произношении звуков [о] и [а] в безударном положении после твердых согласных, нам встретились два варианта прозвища - СОЛДАТ (Сысольский р-н) и САЛДАТ (Корткеросский р-н). В прозвище БУЛКИ ЮР (Усть-Вымский р-н) первый компонент функционирует в форме множественного числа, а в именовании МАКАРОН ШУРИК (Удорский р-н) русская лексема *макароны*, которая не имеет рода, так как употребляется только в форме множественного числа, на коми почве была преобразована в форму, воспринимаемую русскими как существительное единственного числа, мужского рода (наподобие *магазин*).

Взаимодействие двух языков в области прозвищ наблюдается и на лексико-семантическом уровне. Коми прозвища КӖЧ 'заяц' (КЭСК, с. 143; Усть-Куломский р-н), МӖС 'корова' (КЭСК, с. 177; Удорский р-н), ПЕЛЫСЬ 'рябина' (КЭСК, с. 218; Троицко-Печорский р-н), ТУРИ 'журавль' (КЭСК, с. 287; п. Троицко-Печорск) образовались как семантические кальки с основ русских фамилий ЗАЙЦЕВ, КОРОВИН, РЯБЕНИН, ЖУРАВЛЕВ, а прозвище РОЧ 'русская' (КЭСК, с. 243; Усть-Куломский р-н) - как семантическая калька с названия национальности - РУССКАЯ. Обратный процесс дал жизнь двум русским прозвищам, по структуре равнозначным фамилиям, - РЕДЬКИНА (г. Сыктывкар) и КОШКИНА (Ижемский р-н). Официальные фамилии девушек - КУШМАНОВА (к у ш м а н 'редька', КЭСК, с. 148) и КАНЕВА (к а н ь 'кошка', КЭСК, с. 116).

На наш взгляд, в ряде случаев можно говорить о влиянии русских словообразовательных моделей при образовании следующих коми прозвищ. Дополнительное имя КУТУЗ (Усть-Вымский р-н) мужчина получил после того, как на охоте травмировал глаз, и в дальнейшем, как фельдмаршал М.И.КУТУЗов, носил на глазу черную повязку. НЕГА Шурик раньше жил в с. НЕГАкерос (с. Корткерос). КОМЕР Лёш (Усть-Куломский р-н) - ученик, торгующий жевательной резинкой, воспринимался товарищами как своего рода КОММЕРсант. РУСКА Саня (Прилузский р-н) - РУССКАЯ женщина. ИОВ Вань (Корткеросский р-н) - прозвище Ивана Олеговича Васильева. БАБУШ Ёндрей (Усть-Куломский р-н) - прозвище человека, который в детстве отлично исполнял роль БАБУШек в спектаклях. Данные именованья возникли в результате усечения соответствующих производящих слов.

Сложные случаи интерференции наблюдаются в прозвищах МАНАК (с. Усть-Кулом), ПӖНОМАР (Усть-Куломский р-н), РУБ БОЛТ Егор (Усть-Куломский р-н). В первом прозвище конечный [х] заменился звуком [к], а [о] на [а]. Второе дополнительное имя возникло в результате усечения фамилии ПОНОМАРенко, замены гласных [о] особыми коми звуками [ӧ] и отвердения конечного согласного звука производящей основы. В первом компоненте третьего прозвища произошло усечение согласного звука [л'], а звук [б], ставший конечным, не подвергся действующему в русском языке закону оглушения конца слова.

Таким образом, на материале современных прозвищ можно проследить некоторые проявления взаимодействия русского и коми языков на различных уровнях и влияния севернорусского говора на систему дополнительных имен человека, употребляемых в Республике Коми.

Литература и источники

Айбабина Е.А. Некоторые особенности лексической и лексико-семантической интерференции в русской речи носителей коми языка. - Сыктывкар, 1985.

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм.) - М., 1998.

Коми-русский словарь. - М., 1961.

КЭСК - Краткий этимологический словарь коми языка. - М., 1970.

Русско-коми словарь. - Сыктывкар, 1966.

Сергеенко Э.С. Лексические заимствования из коми языка в антропонимике севернорусских говоров// Севернорусские говоры в иноязычном окружении. - Сыктывкар, 1986.

СРЯ - Словарь русского языка. - М., 1984. - Т.3.

Тепляшина Т.И. Антропонимические модели пермских языков. - М., 1978.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СОВРЕМЕННОГО КОМИ ЯЗЫКА С ИСТОРИЗМАМИ И ЛЕКСИЧЕСКИМИ АРХАИЗМАМИ

Т.А.Гудырева
Сыктывкар

Фразеологические единицы современного литературного коми языка, содержащие в своем составе устаревшие слова, до сих пор не являлись предметом специального исследования.

На материале подобных фразеологических единиц можно полнее представить эволюционное развитие языка, его прежний словарный состав и некоторые семантические особенности целого ряда слов.

Возникшие на различных этапах развития языка, фразеологические единицы в силу своей образности и выразительности живут в нем многие столетия, сохраняя почти без изменений первоначальную форму своих компонентов.

В процессе складывания фразеологических единиц наличие лексических архаизмов хотя бы в одном из нескольких компонентов содействует "единичности и неповторимости их материального состава и семантического результата и существенно ускоряет сам этот процесс" (Чернышева 1965, с. 150).

Конечно, большинство фразеологизмов построено из слов, принадлежащих активной лексике современного коми языка ("жель оз бергёд, кыв ни джын, пызан корсьны" и т.д.), но нельзя не брать в расчет и такие выражения, "в лексическом составе которых наблюдаются как бы особые словесные инструкции, вкрапления... - всякого рода устаревшие лексико-семантические факты и слова с закрепленным употреблением" (Шанский 1963, с.51), например: "ёти гумлаё вартны, кульлысь кульман лунсё тёдны, чомёр туйис чужис" и т.д.

В рассмотренных нами 90 фразеологических единицах, компоненты которых содержат архаичные элементы, представлены факты разной степени устарелости. Некоторые из них восходят к финно-пермскому периоду развития коми языка (например, "кикурёдён уджавны" - плохо работать, "абача рушку" - толстый живот; "зыё пырны" - постоянно болеть, "лов мунтыны" - убить кого-то, "шемёс босьтис - удивиться, "щидё вошны" - растеряться, "веж петё" - зависть берет, "сюн берегын овны" - хорошо жить, "ёнджалён кенджаис кольёма" - потеряли друг друга). В составе перечисленных фразеологизмов есть так называемые деэтимологизированные слова, т.е. слова с утраченным значением (например, слово "курёд" в современном языке не употребляется, его семантику вывел Е.С.Гуляев через финское слово обозначающее, "слякоть, грязь"; слово "абача" Ф.В.Плесовский связывает с ненецким словом "абаи", которое обозначает "злой дух, идол" и т.д.; слово "ёнджа" можно сравнить с эрзянским словом "борона", а "кенджа" - со словом "соха" и т.д.).

Другие фразеологизмы восходят к более поздним этапам развития коми языка со значением: "сьёлём сиавны" - немного поесть, удм. "сьёлём сийд" - закуска. "Си-сий-сины" - поесть, удовлетворить сердце; "стенысь бердё ветлыны" - от стены к стене ходить.

В составе устаревших слов архаизмы, т.е. слова, вытесненные впоследствии другими для обозначения тех же предметов, действий, их признаков и отношений между ними, нашли свое отражение во фразеологических единицах в большей мере, чем историзмы.

В именных и глагольных компонентах среди фразеологизмов коми языка встречаются как именные, так и глагольные:

а) существительные: "абу ас паскальё вылас" (настроение); "адас дорын пажын" (межа), "быд поплён аслас паки" (улав); "быттьё ёти лу вылё кисьтёма" (форма), "вёлыд кё воши, сермёдтё нинём нин жалитны" (узда), "кём ни кот" (разувка); "коть рельё ёшёдчы" (виселица); "кыстё нюждан" (ноги), "лачаыс уси" (надежда), "уна йёзён юждём ворга тупикё оз вайёдлы" (дорога), "этшсё оз тёд" (мера), "сюкбсь косьмё" (горло) и т.д.;

б) прилагательные: "курт кодь пон" (борзая), "кыран мельнича кодь" (водяная) и т.д.;

в) глаголы: "вердны - удны" (поить), "гётрасьны да котрасты" (гнездиться), "деньга шердйыны" (транжирить), "кольпавны - пируйтны" (веселиться), "туан - быдман" (растешь) и т.д.

Среди анализируемых фразеологических единиц не встретились лексико-фонетические архаизмы (слова со старым фонетическим обликом) и лексико-словообразовательные архаизмы (слова с непродуктивными словообразовательными морфемами). Примеры на лексико-семантические архаизмы (слова со старыми значениями, вытесненными теперь другими) единичны: "син вежны" ("вызывать раздражение" - уст.; "поменять" - совр.); "юр сиравны" ("взяться за нелюбимую работу" - уст.; "измазать смолой" - совр.).

Анализ фразеологических единиц показывает, что опорными компонентами у них чаще всего выступают именно лексически архаичные слова. Однако это не препятствует включению данных словосочетаний в структуру предложения. Фразеологические единицы рассмотренных типов характерны для разговорно-бытовой речи и художественной литературы. Значительная часть их относится к активному запасу фразеологии коми языка и лишь меньшая - к пассивному.

Примеры из художественной литературы: "ыджыд мовпыс юрын сё на, Ог вод да нюжод кыс (Г.Юшков, 1973; с. 131). "Сёркни пöжны сүйліс Виринея пачас, да сюсь ныриса Самариныс коркö сюрк-нявлöма нин пель саяс, мед оз вунöд та йылысь" (Г.Юшков, 1981, с. 103). "Сэсся Николай Порфирьевич баянсö паськöдис, "русскöй" сяркнитіс. Видлöй ноко, том йöз, бать-мамнытö венны! Усурныд орас!" (В.Безносиков, 1985, с. 71).

В современном коми языке употребляются и фразеологизмы с историзмами, но в значительно меньшем количестве. Обычно историзмами называют слова, которые выпадают из словарного состава языка в силу того, что отмирают сами выражаемые ими понятия о предметах материальной культуры народа в его историческом прошлом. В отличие от других устаревших слов, например, лексических архаизмов, образующихся в результате вытеснения одних слов синонимичными им другими, историзмы не имеют и не могут иметь каких-либо синонимов в словарном составе современного языка: ср., с одной стороны "сюкöсь" - "горш" (горло) как лексический архаизм, а с другой - "куття" - "святочный", как историзм.

Так как историзмы обозначают уже исчезнувшие предметы и явления окружающего мира, то, естественно, что они выходят из употребления и выпадают из словарного состава современного языка.

Однако не все слова исчезают из словарного состава бесследно. Многие удерживаются в современном языке благодаря тому, что они оказались вовлеченными в свое время в устойчивые словосочетания коми языка. Оказавшись в составе устойчивых словосочетаний, которые отличаются большим "долголетием" в силу высокой образности и выразительности, историзмы начинают таким образом свою новую жизнь в языке в качестве составных элементов фразеологических единиц.

В связи с тем, что устойчивые словосочетания выступают в предложении зачастую в роли одного члена предложения и обладают единым, общим значением, невыводимым их конкретных значений составляющих их слов, прежнее значение историзмов как бы стирается и нами уже не осознается. Они теряют свои прежние качества полноценной лексической единицы, становясь компонентами единых фразеологически целостных словосочетаний.

Фразеологизмы с историзмами можно подразделить на две группы:

а) наименования явлений и предметов, связанных с церковными обрядами и языческой религией: "абача кодь ён" (деревянный идол), "ад горш" (адское), "еньюгыдыс паськыд" (божий свет), "куття войся" (святочный), "уллионья сёрнияс" (скромные), "чурки-буди" (слава богу!), "кульлысь кульман лун тöдны" (черт).

б) наименования вышедших из употребления предметов быта и явлений: "вомыс шердын пасьта" (деревянный лоток), "гижны да сёртны" (насекать на бересте); "нинкөмсянь нинөмöдз" (лапти), "рынышыл сотчö" (овин), "быттö йи вылын палич" (булава), "öти гумлаö вартны" (гумно).

В рассмотренных нами фразеологических единицах историзмы выступают в качестве ключевых опорных слов, определяющих образность и экспрессию всего фразеологизма. Большинство фразеологических единиц с историзмами в качестве составных компонентов можно отнести к пассивному запасу фразеологического состава современного литературного коми языка.

Большинство фразеологических единиц, удерживающих в своем составе устаревшие слова, по своим структурно-семантическим особенностям являются фразеологическими сращениями, или идиомами. В фразеологических сращениях невозможна перестановка компонентов: вердны-удны, чурки-буди, кольпавны-пируйтны.

Наблюдения над историзмами и лексическими архаизмами в составе фразеологических единиц современного коми литературного языка открывают новые возможности для изучения его исторического развития.

Литература и источники

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. - М., 1963.

Чернышева М.И. Принципы систематизации фразеологического материала современного немецкого языка. - М., 1965.

- Попов Р.Н. Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. - Вологда, 1967.
 Карманова А.Н. Коми фразеология. - Сыктывкар, 1989.
 Тарабукин И.И. Краткий коми-русский фразеологический словарь. - Сыктывкар, 1959.
 Юшков Г.А. Чугра. - Сыктывкар, 1981.
 Безносиков В.И. Кӧні менам шудӧй. - Сыктывкар, 1985.

КОМИ-ХАНТЫЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА КАЗЫМЕ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИИ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Т.Н.Дмитриева
Екатеринбург

Топонимия является ценным источником сведений о взаимодействии хантов и коми на территории Нижнего Приобья. Многочисленные свидетельства этого взаимодействия, отразившиеся как в нарицательной лексике хантыйских диалектов, так и в местных географических названиях, известны и описаны в литературе.

Коми-хантыйские этнические и языковые контакты на Казыме имеют длительную историю и продолжают в настоящее время. Сбор полевого и картографического материала по топонимии Казыма и работа по составлению историко-этимологического словаря хантыйских топонимов этого региона позволили нам выявить целый ряд названий, содержащих элементы коми происхождения. Этот материал был проанализирован в специальной статье, опубликованной в 1996 г. (Дмитриева 1996: 64–77). С тех пор были обнаружены новые интересные факты, заслуживающие рассмотрения. Таким образом, данная публикация является дополнением и отчасти уточнением к предыдущей.

1. В частности, среди географических терминов, известных как в лексическом употреблении, так и в составе хантыйских топонимов, встречаются термины коми происхождения:

а) термины, восходящие к коми географическим терминам. Например:

хант. казым. **муви** /*m̥wi*/ 'поворот, изгиб реки'. Ср. в топонимии: **Хала муви** /*χ̣a la m̥wi*/ «Мёртвый поворот», старица (верх. теч. р. Казым), **Лахранг хэ муви** /*l̥a χ̣r̥əŋ χ̣ə m̥wi*/ «Поворот человека в кольчуге» [богатыря, который там погиб] (ниж. теч. р. Казым), **Муви сойм** /*m̥wi s̥əj̥əm*/ «Ручей с изгибом (поворотом)», **Муви ёхум** /*m̥wi j̥əχ̣əm*/ «Бор у поворота (реки)» (объекты в бассейне р. Помут), **Мувенг лор** /*m̥w̥eŋ l̥ər*/ «Озеро с изгибами», «Извилистое озеро» (1. в верх. теч. р. Казым, 2. в средн. теч. р. Казым). Слово известно в других хантыйских диалектах. Ср. по DEWOS: вах.-васюг. *meḡi*, тр.-юг. юг. *m̥ḡi*, ирт. *m̥ḡə*, *m̥ḡə*, низям. шерк. *m̥ḡə*, казым. *m̥wi*, обд. *muwi* – в значениях 'изгиб, поворот, лука', 'изгиб реки', 'поворот дороги', 'полуостров'. Источником хантыйского слова считается (определенно или предположительно) коми *meg* (DEWOS 904–905); ср.: коми *meg* 1. диал. 'шпангоут', 2. лит. и диал. 'лука, излучина (реки)' (КРС 413, 315; ССКЗД 219) – общеперм. **meg* 'изгиб, излучина' (КЭСК 171).

б) географические термины, восходящие к коми лексемам, не имеющим географической семантики. Пока выявлен один такой случай:

хант. казым. **тос** /*t̥s*/ – в топонимии встречается в качестве гидрографического термина со значением 'прямая протока': **Уванг тос** /*ʉw̥əŋ t̥s*/ «Прямая протока с (сильным) течением» (в низовье р. Казым). По сообщениям информантов, это «быстрая прямизна», «прямая, как палка», «бурное течение прямое». Говорят, что в этом месте в 50-е годы река спрямила течение, и образовалась эта «прорва».

Первичное значение казымского слова *t̥s* – 'жердь, на которой что-то подвешивается', например, 'жердь для цепи котла' (DEWOS 1483), по нашим полевым материалам – 'прямая перекладина на саях, скрепляющая копылья', 'опора в лодке-калданке', 'прямая палка'. В результате образного переосмысления первоначальная семантика слова в казымском диалекте расширяется по модели «'палка' => 'географический объект'», и оно приобретает значение 'короткая протока, рукав реки, короткий ручей, соединяющий два озера' (DEWOS 1483), 'небольшая прямая протока', 'прямизна, прямая протока' (см. Дмитриева 1997: 276–277).

Происхождение хант. казым. *təs* (см. также низям. шерк. *təs*, обд. *tas*) связывается с коми-ижемским *tas* 'рейка у нарты' (DEWOS 1483); ср. коми *тас* 'поперечина', 'деревянный засов (для дверей)', 'палка' / удм. *тус* 'грядки саней' – общеперм. **tāsk-* 'поперечина, перекладина' (КЭСК 278. См. также КРС 672, ССКЗД 365).

2. Ранее нами были выявлены названия (более 30 объектов), в составе которых встречается не отмеченный в словарях хантыйского языка географический термин *вис* /*wīs*/ – 'ручей', 'проток между двумя озерами', 'ручей, соединяющий озеро с рекой'. Термин является локальным хантыйским (казымским) заимствованием из языка коми, ср. коми *вис* в тех же значениях: 'проток, канал (соединяющий озеро с рекой)' (КРС 108. См. также ССКЗД 52) – общеперм. **visk-* 'узкий канал, щель' (КЭСК 58).

В результате экспедиций 1998–1999 гг. этот список удалось пополнить новыми фиксациями топонимов: *Лар вис* /*lar wīs*/ «Ершовая протока (лев. б. р. Казым), *Липат нэ вис* /*līpāt nē wīs*/ «Ручей (проток) Листа-женщины» (прав. прит. р. Казым) [о происхождении названия существует легенда; *līpāt nē* – по-видимому, антропоним], *Кат лор кут вис* /*kāt lər kūt wīs*/ «Ручей между двумя озёрами» (прав. прит. р. Сорум – прав. прит. р. Казым), *Ай вис* /*aj wīs*/ «Маленький ручей (проток)» (прав. прит. ручья Нэнгат шэйлум вис – прав. прит. р. Казым), *Посанг вис лор* /*pəsəŋ wīs lər*/ «Озеро протоки с меткой» или «Озеро протоки с рыболовной ловушкой» (лев. б. р. Казым). Все топонимы находятся в том же ареале, где была обнаружена большая часть других названий с компонентом *вис* – в районе среднего течения Казыма (см. Дмитриева 1996: 68–69).

По словам информантов, *wīs* – это «*протока из озера*», «*проток между озёрами*», «*протока из озера в реку*», «*болотный ручей, выходит в реку*», «*ручей*», «*ручей тайжский, речка узенькая*», «*речушка, протока*», «*речушка незастывающая*».

В казымской топонимии встречаются синонимичные употребления терминов *wīs* и *səjəm* ('ручей'), *wīs* и *aj jəxan* ('ручей', букв. 'маленькая река') – чаще всего в названиях ручьев, вытекающих из озера.

Кроме того, отталкиваясь от семантики термина *wīs*, ханты соотносят его с созвучным хантыйским словом *wīs* 'дыра', которое в результате образного переосмысления употребляется для характеристики проточного озера, а также – вместо *wīs* или параллельно с ним – для обозначения ручья или протока.

В DEWOS отмечается казымское *wīs* в значениях 'дыра', 'сыпь', 'ко-роста', 'отверстие окна в крыше дома'; *wīsəŋ* – 'дыроватый' (DEWOS 1632–1633). Полевые материалы хорошо поясняют содержание слова *wīs* как географического термина и подтверждают сближение *wīs* и *wīs*: *wīs* – «*это просвет, дыра, узкое место, где можно пройти*», «*течение, как дырочка*», «*ручей, прорва, прорвало если во мху – wīs*» (о топонимах с компонентом *вус* см. Дмитриева 1997: 277); в свою очередь *wīs* – «*это дыра, типа ручья, как ручей, типа дыры*».

Поэтому возникают варианты казымских топонимов: *Ай вис* и *Ай вус* «Маленький ручей», прав. прит. р. Амня; *Кируп вис* и *Кируп вус* «Ручей Кируп», прав. прит. р. Амня (об этимологии компонента *Кируп* (*Кирп*) /*kīrəp*/ см. Дмитриева 1996: 69); *Посанг вис лор* и *Посанг вус лор* «Озеро протоки с меткой» (или «с рыболовной ловушкой») (см. выше).

3. В атрибутивной части хантыйских топонимов, в большинстве семантически прозрачных и легко переводимых, встречаются лексемы, не объясняющиеся из хантыйского языка; некоторые из них были заимствованы из языка коми. Например:

Шуль хотанг сойм /*š ŭ l' xətəŋ səjəm*/, прав. прит. р. Вел юхан (прав. прит. р. Амня). Картографические формы – Шуль-Хотын-Соим, Шульхотынгсоим. Смысл названия – «Ручей с шалашом».

Слово *š ŭ l' xət* не отмечено в словарях хантыйского языка, но оно известно на Казыме: по словам местных жителей, «*š ŭ l' xət* – это шалаш: из листвянок колют типа дранки и из берёста шьют, сверху покрывают»; «*маленькая избушка, как шалаш, из тоненьких жердей, может дровяник быть, нежилкой*»; «*š ŭ l' xət* из кольев делают, дом от ветра: поперечина на деревьях, на неё колья – плотно складывают, сверху мох» (*xət* букв. 'дом', *xətəŋ* – имя обладания от *xət*).

В коми языке **шуль** ‘узкая полоса лыка, берёсты (для плетения лаптей)’, ‘волокно мяса’; кроме того, в верхневычегодском диалекте – ‘слой, прослойка, пласт, кусок, отщеп, дранка’ – общеперм. *š и ġi (КЭСК 323–324. См. также КРС 784; ССКЗД 437).

Кожынг-Лор, также Кожинг-лор, Кожинглор, Кошинг лор, Кошинглор – картографические формы названия озера на прав. б. р. Казым, в верх. теч. Ханты утверждают, что озеро правильно называется **Хышанг лор** /xĩšəŋ lər/ «Песчаное озеро» (есть и другие озера с таким же названием). Вместе с тем можно предположить, что зафиксированный на карте вариант с основой **кож-** (кош-) отражает соответствующую однокоренную лексему языка коми: **kež** ‘галька’ (DEWOS 429), ср. коми лит. **кӧжа** ‘гравий’ (КРС 317), диал. (ва. вым. иж. лл. печ.) **кӧжа**, (уд.) **кӧж** ‘гравий, почва из мелких камешков с песком’ (ССКЗД 148), диал. **кӧдз** ‘мелкая галька’ (иж. – Сахарова, Сельков 1976: 164), ‘мелкая галька (б.ч. в зобу лесной дичи)’ (КРС 315) – общеперм. *kõžš ‘гравий, песок’, = доперм. *k8čš- ‘песок’ (КЭСК 139).

Лып юхан /lĩp jõħan/, также **Вэн лып юхан** /wɛn lĩp jõħan/, прав. прит. р. Сорум, с притоком **Ай лып юхан** /aj lĩp jõħan/. На современных картах – **Ун Лып Юган**, **Ун-Лып-Юган**, **Ун-Лыпъеган**, **Ун-Лыпьюган**, **Унлыпъеган**; **Ай Лып юган**, **Ай-Лып-Юган**, **Ай-Лыпъеган**, **Ай-Лыпьюган**, **Ай-лыпъеган** (хант. **wɛn** – ‘большой’, **aj** – ‘маленький’).

В других источниках и литературе – **Лим-еган** (Дунин-Горкавич 1903, карта; Шухов 1915, карта); **Лип-еган** (Дунин-Горкавич 1904, карта; 1910: II, 236); **Липеган** (Ивановский 1939: 188); **Лып-еган** (Археол. карта Прикамыя 1956); ср. также: **Люп-Юганская** локальная структура, **Люп-юганский** купол (Березовский газоносный р-н 1971: 14, 520).

Первая часть рассматриваемого топонима, которую Р.Радомски относит к нехантским основам неясного происхождения (Radomski 1994: 210), возможно, сопоставима с коми **лӧп** ‘древесный хлам, сор, валежник’ (КРС 385. См. также ССКЗД 204, 120; Сахарова, Сельков 1976: 172) – доперм. *lӧptz (КЭСК 162). О вероятности соотнесения основы **лып** в составе названия этой казымской речки с коми-ижемским **лӧп** ‘завал, мусор’ говорил уроженец обского села Мужи, коми фольклорист Ю.Г. Рочев (Устное сообщение. Сыктывкар, 1993). Типологически сходную семантику имеет атрибутив в хантыйском названии реки **Тапры юхан** /tãpri jõħan/ (прав. прит. р. Казым в ниж. теч.) – «Мусорная река».

4. Еще раз обратимся к этимологии топонимов с коми детерминантом – географическим термином **ю** ‘река’ (три притока р. Лыхма – лев. прит. р. Казым в ниж. теч.): **Пажью** /paž ju, =wɛn paž ju /, **Ай Пажью** /aj paž ju / и **Шарью** /š a r ju, =wɛn š a r ju /, с притоком **aj š a r ju**.

Мы относили приведенные гидронимы к гибридным хантыйско-коми (Дмитриева 1996: 66–67). Однако в **Пажью** компонент **paž** (? pãž) можно связать и с коми **пеж** ‘поганный, нечистый’, ‘грязный, поганный’ (КРС 526; см. также ССКЗД 278) – общеперм. *pež ‘грязный, мутный’, = доперм. *p8čã (КЭСК 218), а не только с хант. низям. [из коми?] **pãš** ‘торф, черный торфяной слой, который наносится течением на береговой песок’ (DEWOS 1088). Таким образом, это «Грязная река» или «Река с торфяными наносами». Ханты могли заимствовать коми топоним, адаптировав его атрибутивную часть и добавив к ней соответствующие обозначаемым реалиям хантыйские определения **wɛn** ‘большой’ и **aj** ‘маленький’.

Что касается названия **Шарью**, то его первый компонент, скорее всего, лишь по народной этимологии связан с хант. **š a r** ‘табак’ (+ коми **ju** ‘река’, иногда заменяемое хантыйским термином: у жителей с. Полноват зафиксирован вариант **Шар юхан** /š a r jõħan/ – «Табачная река»). Реально это может быть деэтимологизированный на хантыйской почве коми топоним **Шӧр ю** «Средняя река» (шӧр ‘средний, находящийся в середине’ – КРС 779) – если учесть, что этот *правый* приток впадает в р. Лыхма *между* уже упоминавшимися ее *двумя левыми притоками*: **Ай Пажью** и **Вэн Пажью**.

Литература и источники

Археологическая карта Прикамыя 1956 – Археологическая карта Прикамыя. М. 1:500000. Сост. З.П. Соколова // Приложение к отчету: Отчет начальника Ханты-Мансийского отряда, научного сотрудника Окружного краеведческого музея Воробьевой Татьяны Петровны «О Казымской экспедиции 1956 года». Ханты-Мансийск, Окружной краеведческий музей, 1956, машинопись.

Березовский газоносный р-н 1971 – Березовский газоносный район // Труды Западно-Сибирского научно-исследовательского нефтяного института, 1971. Вып. 40. С. 14, 520.

Дмитриева 1996 – Дмитриева Т.Н. Коми компонент в топонимии бассейна реки Казым. // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры (сборник статей). В 2-х тт.- Т. II. Филология. Этнология.- Сыктывкар, 1996. - С.64–77.

Дмитриева 1997 – Дмитриева Т.Н. Образность в топонимии казымских ханты. // Материалы III сибирских чтений / МАЭ РАН.- Санкт-Петербург, 1997. С. 271–279.

Дунин-Горкавич 1903, карта – Дунин-Горкавич А.А. Карта Тобольской губернии. Сост. в 1903 г.

Дунин-Горкавич 1904, 1910 – Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3-х тт.- СПб., 1904, т. 1; Тобольск, 1910, т. 2.

Ивановский 1939 – Ивановский Л.Н. Геоморфологические наблюдения в долинах рек Казым и Надым // Труды Томского ун-та, 1939. Т. 95. С. 186–204.

КРС – Коми–русский словарь/ Под ред. В.И.Лыткина.- М., 1961.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка.- М.: Наука, 1970.

Сахарова, Сельков 1976 – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка.- Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов/ Сост. Т.И.Жилина, М.А.Сахарова, В.А.Сорвачева.- Сыктывкар, 1961.

Шухов 1915 – Шухов И.Н. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1915. Вып. 26. С.1-57; карта.

DEWOS – Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Worterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verlag, 1966–1993. Lief. 1–15.

Radomski 1994 – Radomski R. Ortsnamen des ostjakischen Wohngebietes. Zusammengestellt und bearbeitet von R.Radomski. // Ars Ob-Ugrica, Band 11. München: Congregatio Ob-Ugrica, 1994.

Сокращения в названиях диалектов хантыйского языка

вах.-васюг. – вахо-васюганский диалект (наречие)

ирт. – иртышский диалект (наречие)

казым. – казымский диалект

низям. – низямский диалект

обд. – обдорский диалект

тр.-юг. – тромьюганский диалект

шерк. – шеркальский диалект

СЛОВО И СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

Р.М.Докучаева

Сыктывкар

Язык, будучи сложным устройством, может быть рассмотрен с разных точек зрения. В соответствии с этим и выделяются различные единицы языка, находящиеся в различных отношениях друг с другом. В современной лексикологии происходит сближение учения о лексической семантике и семантического синтаксиса. Это проявляется в том, что к изучению значения слова привлекаются лексико-синтаксические преобразования предложений, включающих это слово, а в семантическом синтаксисе к изучению значения предложения привлекается лексическая семантика входящих в предложение слов, прежде всего тех, которые составляют его предикативное ядро.

В тексте слово, будучи смысловым компонентом, определенным образом формирует его содержание. "Какой бы вид общественно-речевой деятельности ни представлял тот или иной текст, его композиция – это построение, коммуникативно-смысловое содержание которого выражено средствами языка" [1, с. 40].

Необходимо различать два основных вида лингвистики текста, часто недифференцированно именуемых "текст": 1) Целое речевое произведение - текст, то есть текст в широком смысле, или макро-

текст... 2) сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое) – текст в узком смысле слова, или микротекст [2, с. 13].

В данной статье будут изложены наблюдения над словом в сложном синтаксическом целом (далее – ССЦ). Общепринятого определения ССЦ нет, так как нет пока единства взглядов лингвистов на его понимание. Это отражает и терминология: "сверхфразовое единство" – в исследованиях Булаховского Л.А., Москальской О.И., Реферовской Е.А., Дудникова А.В. и др.; "прозаическая строфа" – в монографиях Солганиха Г.Я. Наиболее распространен термин сложное синтаксическое целое – в работах Поспелова Н.С., Валгиной Н.С., Бабайцевой В.В., Зарубиной Н.Д., Лосевой Л.М. и многих других. Величко Л.И. отмечает, что, используя различные термины, ученые единодушны в том, что эта речевая единица представляет группу законченных предложений, тесно связанных по смыслу, лексически, грамматически [3, с.5].

Пополняя указанный список признаками ритмо-мелодической сгруппированности предложений в составе ССЦ, стилевой отнесенности, эмоционально-экспрессивной окрашенности, лингвисты акцентируют внимание на главном из них – смысловой (тематической) связности конструкций.

Если в русском языкознании ССЦ является объектом пристального внимания ученых, то в теоретических разысканиях лингвистов коми языкознания эта проблема, на наш взгляд, остается открытой, пока не поставленной на повестку дня [4]. Хотя в школьной [5] и вузовской практике обучения синтаксису коми языка данная лингвистическая единица представлена в ряду других [6]. Смысловое целое ССЦ создается лексическими, морфологическими, синтаксическими средствами. Объект нашего внимания – лексические средства, в частности – опорные слова. Психологи называют их "смысловыми вехами", на них приходится опираться при раскрытии смысла фразы [7]. По мнению лингвистов, эти слова в силу особенностей семантики могут быть соотнесены непосредственно с содержанием текста и служить своеобразными "динамическими центрами" в канве смыслов [8, с. 96-103].

В методической литературе четкое определение данному понятию дано в книге "Речь. Речь. Речь". Ее авторы под опорными словами понимают такие слова, которые передают самое главное, самое важное в тексте. Они отражают тему, основную мысль текста и служат как бы опорой при его воспроизведении [9, с. 187].

В психологической литературе поднимается интересный вопрос о природе процесса отбора слов и предложений в соответствии с замыслом высказывания [10, с. 83]. Так, для описательного ССЦ говорящий, видимо, отберет слова с категориальным значением предметности и слова с категориальным значением признака. А из предложений – двусоставные с именными предикатами, может быть, распространенные определениями, или односоставные подлежащие конструкции. Для повествовательного ССЦ – слова с категориальным значением действия чаще в форме совершенного вида, причем с прямым значением, из предложений – двусоставные.

В данных разысканиях исследуется роль ключевых слов в формировании смыслового своеобразия ССЦ динамического типа, причем на языковом материале произведений писателей коми: В.Куратова, В.Иванова, А.Попова, В.Ширяева, М.Турубанова и др., опубликованных в журнале "Войвыв кодзув".

Как в русском, так и коми языке в ССЦ повествовательного типа дается представление о развитии описываемых событий, об их последовательности. На первый план выдвигается порядок протекания действий, процессов, явлений. Главное средство организации повествования – аористивная функция: глаголы динамического действия, последовательно сменяя друг друга, ведут сюжет от завязки к развязке [1, с. 27]. Примеры из Пушкинских текстов: (Гости) Князю поклонились, Вышли вон и в путь пустились...; В руки яблочко взяла, К алым губкам поднесла, Потихоньку прокусила И кусочек проглотила... Иллюстрация из стихотворения В.Савина - Ётчыд арся лунё Батьё локтіс вёрысь, Ёдйё ыстіс менё Вёлёс кутны йёрысь... Нинём ме эг лысьты Батылы воча шуны, Торгана дом босьті, Котёрён пыр муні...

Максимально эффективно способствуют реализации динамики повествовательного ССЦ в коми языке (впрочем, как и в русском) акциональные глаголы, наиболее полно выражающие категориальное значение этой части речи. Это глаголы, обозначающие перемещение, движение (ветлан, мунан кадакывъяс), например: лэбны, котёртны, мунны, ветлёлдыны, петны, локны, лэччыны, кавшасьны, исковтны и многие другие; глаголы, обозначающие конкретное физическое действие (стёч керёмъяс петкёдлысь чукёр), например: вёчны, пёжасьны, тэчны, мыськыны, керавны, кыны, вурны, вундавыны, пуны, нойтны и многие другие. Представим их в ССЦ повествовательного типа: 1) [Том йёз] Шмонитёмён вуджисны туй коляссё и воисны посёлокё. Нина котёртіс пошта вылё. Миша нунис вир пробаяссё посёлокса ветстанцияё, колис найёс холодильникё (М.Турубанов); 2) Рытнас, фермаыс гортас воём бёрын, Павловна зэв тэрыба эштёдчис гортя уджъяснас. Пузёдліс самёвар, крепыда заваритіс тшайсё. Пызан вылас ваяліс

блюдыс да чашкаяс, чёскыдторыяс мыйсюрё. Агнияёс виччисигмоз босътчис вурун кепысь эштёдны пиыслы (В.Афанасьев). Если в первом ССЦ ключевые (опорные) слова представлены преимущественно глаголами с семантикой перемещения, то в другом - конкретного физического действия.

На наш взгляд, достаточно результативно способствует реализации динамики в рассматриваемом ССЦ следующая лексическая цепочка, назовем ее условно "идеальной" - мёддчыны > мунны > лэччыны (кайны) > матыстчыны > локны (воны).

Наполним смыслом эту лексическую цепочку, например: Зон мёддчис гортлань. Сійё зэв дыр муніс. Час мысти детинка матыстчис чужан сикт дорё. Воис Роман гортас стёч пажын кежлё. Чем мотивируется объединение компонентов в этой лексической цепочке?

Объединение глаголов одной тематической группы и разных тематических групп в лексические цепочки "обеспечивается тождеством референции соответствующих слов в масштабе сверхфразового единства, т.е. соотносением данных слов на протяжении сверхфразового единства с одним и тем же предметом реальной действительности (референтом)..." [2, с. 183].

В представленной "идеальной" лексической цепочке тождество референции сохраняется. Кроме того, все названные действия однонаправленные. Тождество референции сохраняется и тогда, когда представленная модель реализуется частично, например: Ёртъяс веськёдчисны Чудь мыльк вылё. Ёгор водзын муніс. Первойсё вель ёдйё шавксёдіс, а матыстчыны кутісны, да быттьё політырйи мёдіс кокъяссё пуктавыны (А.Попов). Цепочка глаголов: веськёдчисны – муніс – шавксёдіс – кутісны матыстчыны – мёдіс пуктавыны кокъяс (направились – шел – шел крупным размашистым шагом – начал приближаться – начал передвигать ноги). "Идеальная" лексическая цепочка представлена тремя компонентами: веськёдчыны, мунны, матыстчыны, где глагол веськёдчыны - семантический синоним глагола мёддчыны.

В лексической цепочке "компонент с семантикой движения + компонент с семантикой конкретного физического действия" спаянность структурных элементов мотивируется: 1) тождеством референции, 2) тождеством однонаправленности действия, 3) тождеством объектности, например: Николай видзчысьтёг нин писькёдчис лымыя кустьяс пыр кёинлань. Матыстчис да мый вынсьыс косьёбтіс прикладнас кёинлы юрас. Шабанов нёшта лёсыштіс кёрёс джагёдысь зверлы паськыд кымёсас, лэдзис винтовкасё... (Пик Артеев). Цепочка глаголов: писькёдчис – матыстчис – косьёбтіс – лёсыштіс – лэдзис (пробирался – подошел – ударил – опустил). В данной цепочке может нарушаться тождество объектности. В таких случаях динамика повествовательного ССЦ частично размывается, становится не такой устойчивой, например: Олькөсей пыр жё звиркнитіс крёвать вывсьыс. Термасьёмён гынкёмасис, шкаф пельёс сайсьыс кватитіс ружьёсё, ыджыд пач водзас ломзьёдіс пёнар. Кётшасьыс кватитіс кышёдсё да петіс посводзас (Г.Горчаков). Цепочка глаголов (смысловая вежа): звиркнитіс – гынкёмасис – кватитіс – ломзьёдіс – кватитіс – петіс (спрыгнул – надел валенки – схватил – зажег – схватил – вышел), ср. объекты - гынсапёг, ружье, пёнар, кышёд.

В лексической цепочке "глагол, обозначающий конкретное физическое действие + глагол, обозначающий конкретное физическое действие" спаянность компонентов в структуре повествовательного ССЦ объясняется тождеством референции и тождеством объектности, например: Медводз батысь ичётджык фанеркасё гёгёрыс дорёсалис да быд пельёсё поныв сувтёдіс рейка. Сэсся рейка йывьяссё йитіс жё рейкаяснас. Медбёрын мёд фанеркасё шёри пилитіс да вёчис вылысас, керка выланьс моз, кык пёката вевт. Артмис ичёттик чом (Г.Горчаков). Цепочка глаголов: дорёсалис – сувтёдіс – йитіс – пилитіс – вёчис – артмис (обработал – поставил – соединил – распилил – получился). В представленной иллюстрации - тождество референции (референт - бать) и тождество объектности (объект - чом). Спаянность компонентов в описываемой лексической цепочке может частично утрачиваться в том случае, если не сохраняется тождество их объектности, например: Вась курталіс ытшкышталёмсё да чукёртіс моздорнас посныдык пасынок - зорёдё. Кыдза раскысь перйис туис кыш. Кулис сьёртсьыс кач да куим нёбовтас лэччёдіс пыжас (Тима Вень). Цепочка глаголов: курталіс – чукёртіс – перйис – кулис – лэччёдіс (сгреб – собрал – снял – содрал – спустил – унес). Объекты: ытшкышталём, туис, кыш, кач.

Таким образом, динамика ССЦ повествовательного типа создается максимально эффективно, если в структуре опорных лексических цепочек включены акциональные глаголы перемещения, движения; глаголы, обозначающие конкретное физическое действие (глагол движения + глагол движения; глагол движения + глагол, обозначающий конкретное физическое действие; глагол, обозначающий конкретное физическое действие + глагол, обозначающий конкретное физическое действие).

Ориентация на ССЦ повествовательного типа мотивируется наличием в их семантической структуре элемента динамики действия.

Указанные лексические цепочки предикатов в структуре повествовательного типа ССЦ максимально эффективно способствуют реализации его динамики в том случае, если их компоненты максимально устойчивы. А максимальная устойчивость создается благодаря тождеству референции и тождеству объектности в одних случаях, тождеству референции, тождеству однонаправленности, тождеству объектности - в других.

Наблюдения над исследуемым языковым материалом показали, что неустойчивость компонентов опорной лексической цепочки, как правило, создается отсутствием тождества их объектности. В таких случаях динамика повествовательного ССЦ становится недостаточно осязаемой, а само повествовательное ССЦ начинает терять "свое лицо".

Литература и источники

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка.- М., 1998.
2. Москальская О.И. Грамматика текста.- М.: Высшая школа, 1981.
3. Величко Л.И. Работа над текстом на уроках русского языка.- М.: Просвещение, 1983.
4. См. работы: Коми язык. Энциклопедия.- М., 1998; Игушев Е.А. Современный коми язык. Синтаксис. Учебное пособие.- Сыктывкар, 1980; Лудыкова В.М. В.А.Савин 20-ӧд воясса гижӧдъяслӧн синтаксис/Журн. "Чужан кыв", 1999, № 3; Она же. Глагольные бессубъектные безличные предложения в коми языке/ Онйа кадӧ коми кывлӧн сӧвмӧм: могъяс да кӧсьӧмъяс.- Сыктывкар, 2000; Лудыкова В.М., Канева Т.В. Эжва йывса сёрнисикасын сказуемӧйлӧн аслыспӧлӧслун/ Пермистика - 7 .- Сыктывкар, 1999., др.
5. Канева А.Ф., Канева Н.Н. Коми кыв. Мӧдӧд классын велӧдчан книга.- Сыктывкар: Коми книжное изд., 1996; Грабежова В.М., Каракчиева Н.И., Карманова Т.И., Хозяинова Г.В. Коми кыв. Витӧд класслы пробӧнй (видлӧм вылӧ) книга.- Сыктывкар: Коми книжное изд., 1995; Они же. Коми кыв.- Морфология да орфография, 6-7 классъяслы пробӧнй велӧдчан книга.- Сыктывкар: Коми книжное изд., 1997.
6. Манова Н.Д. Коми кыв. Кыдзи артмӧ текст. Аскежся удж динӧ индӧдъяс.-Сыктывкар, 1998.
7. Жинкин Н.И. Механизмы речи.- М., 1958; Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти.- М., 1966.
8. Пелевина Н.Ф. Слово и смысловая структура текста/Слово в организации высказывания.- Калининград, 1984.
9. Речь. Речь. Речь. Книга для учителя/ Под.ред Т.А.Ладыженской.- М., 1990.
10. Маркова А.К. Вопросы усвоения стилистики в школе/ Журн. Вопросы психологии, 1968, №4.

КОМИ-МАНСИЙСКИЕ КОНТАКТЫ ПО ДАННЫМ ФИЛОЛОГИИ

Е.А.Игушев
Сыктывкар

С обскими уграми (хантами и манси) коми объединяет как общность происхождения, так и длительные культурные и хозяйственные контакты. Венгерский профессор Давид Фокош-Фукс убедительно доказал, что многочисленные заимствования из коми языка в обско-угорские проникли ещё до XVII в. н.э. (Fokos-Fuchs 1953: 214), когда в коми диалектах ещё не произошло перехода звука *л* в *в* перед согласными и в конце слова.

Из истории народа коми известно, что в средние века в верховьях Печоры и Вычегды обитали обские угры. Коми заселили эти места сравнительно позже, в XVII-XVIII вв. (История коми 1978: 46), и поэтому верхневычегодский и печорский диалекты относятся к сравнительно поздним образованиям.

Печорский диалект существует немногим более 300 лет, он образовался благодаря переселению в верховья Печоры верхневычегодских, среднесыольских и ижемских коми. Верхневычегодский диалект сформировали коми переселенцы с нижней Вычегды, Выми и Сысолы. В говорах верхневычегодского диалекта до сих пор обнаруживаются фонетические признаки первых насельников этих мест: чередование *л / в*, как на нижней Вычегде, чередование *л / нуль звука*, как на Выми, отсутствие чередования *л* в закрытом слоге и конце слова, как на Сыsole (Сорвачева 1961: 458).

Исследователь фольклора обских угров Йожеф Папай, исследуя название *Югра*, писал, что от своих соседей зырян обские угры получили название *йӧгра*. «Это наименование довольно близко к сло-

вам *югра* и *угор*. В такой форме могли произнести это имя русские, в речи которых нет звука ц. По имени народа *йёгра* стали называть те обширные земли, где проживали вогулы (манси). Надо иметь в виду и то, что русские венгров также называют *югрой*, хотя восточным народам мы более известных как *маджары*. Не могли ли быть коми в современном произношении *йёгра* и старинные *югра* одним именем? Точно так же, как и *манси* (самоназвание *вогулов*) и *мадьяр* (самоназвание *венгров*) – однокоренными словами? Это, без всякого сомнения, предмет наиважнейшего исследования» (Папай, 1996).

В коми топонимии обнаруживается большой угорский пласт. Официальное название большой коми реки *Вычегды* академик Б.А.Серебрянников объяснял из мансийского *va t* ‘луг’ сравн. коми *видз* и финск. *ehta* ‘протока’. Коми название *Эжва* объясняется как калька с мансийского ‘река, бегущая по лугу’.

В монографии М.А.Сахаровой, Н.Н.Селькова и Н.А.Колеговой “Печорский диалект коми языка” (Сыктывкар, 1979) приведен словарь топонимов, где зафиксированы микропонимы с определением *йёгра*: *йёгра ласта*, *йёгра ёль*, *йёгра видз*, *йёгра яг* (заливной луг, ручей, бор, которые принадлежат обским уграм).

Топонимистами приток Печоры *Мылва* также этимологизируется средствами мансийского языка ‘глубокая вода’, сравн. манс. *mil*, венгр. *mély* ‘глубокий’. В коми фамилиях также обнаруживается мансийский компонент. В переписных книгах XVII в. на Вычегде была зафиксирована фамилия *Мингалев*. В настоящее время Мингалевы живут в верховьях Вычегды, в Пожеге. Эта фамилия Е.С.Гуляевым этимологизируется из мансийского слова *мингаланкве*, имеющего значение ‘отделиться, зажить обособленно’ (Плесовский 1998: 67).

Большой пласт топонимов угорского происхождения в бассейнах Ижмы и Печоры выявила З.П.Ануфриева. Эти топонимы объединяет структурный признак – конечный компонент *я*. По-мансийски *я* – река. *Шугор* по-мансийски *Щекуръя* < манс. *сак* ‘обвал’ + *ур* ‘гора’ + *я* ‘река’; *Унья* < манс. *ün* ‘толстая палка, вбиваемая в рыболовную запруду; к ней привязывают рыболовный снаряд (морду), чтобы течением его не снесло’; *Кисунья* < *кис* ‘круг’ + *ун* + *я* ‘река с округлыми запрудами’. В топониме *Созла* – правый приток Печоры – зафиксировано мансийское *сосл* ‘ящерица’ (*Kálmán*).

Ряд микропонимов бассейна Печоры З.П.Ануфриева также объясняет средствами мансийского языка: луг *Вольма* < манс. *воль* ‘плес’; ложбина *Ляга* < манс. *ляк* ‘пойма реки’; *Нёрым* < манс. *нёрум* ‘пологий’ (МРРМ).

Название притока Печоры *Илыч* ею возводится к мансийскому *ольс* ‘тетива’. Так метафорично называли манси стремительную реку, которая с горы впадает в Печору.

Топонимический материал дает большую помощь в изучении этнической истории, т.к. этносы, обживавшие верховья Печоры и Вычегды, не оставили письменных памятников, и географические названия могут многое поведать о древних насельниках края.

В монографии “Печорский диалект коми языка” авторы фиксируют ряд диалектизмов, отсутствующих в ССКЗД, их этимология не объясняется средствами коми языка. Они имеют явно угорское происхождение:

1. *бот* ‘еда из пареной репы’ < манс. *potxe* ‘gerührte Suppe’ (*Kálmán*).
2. *бадög* ‘палка, которую продевают в ячейки сети сверху донизу’ манс. *pātis* ‘сеть для ловли птиц’ (*Kálmán*).

Звонкому коми согласному *б* в мансийском соответствует глухой *n*. По семантике палка, которой придерживают рыболовную сеть, близка к палке, которой поддерживается сеть для ловли птиц.

Коми позаимствовали у манси название сети для ловли птиц и этим именем стали называть палку, поддерживающую рыболовную сеть. Морфологическое освоение слова произошло с помощью словообразовательного суффикса *-ög*, образующего имена от глаголов (сравн. *отсög* < *отсавны* ‘помочь’; *быдмög* < *быдмыны* ‘расти’).

3. *патрак* ‘шалаш’ < манс. *pätirälun̄kve* ‘зайти (о солнце), *pätirmatun̄kve* ‘спрятаться’ (МРРМ). Семантически коми *патрак* и мансийское *pätirā* близки: шалаш нужен для укрытия от непогоды, мансийский глагол манифестирует ‘скрыться с глаз, стать невидимым’.

4. *узым* ‘слабый, немощный’; этой лексеме соответствуют хантыйские имена прилагательные: *уксюм* ‘плохой, неопрятный’ и *үрүм* ‘слабый, немощный’ (ХРРХ), которые контаминировались на коми почве в форму *узым*.

5. *уйлög* ‘ручеек, вытекающий из озера’ < манс. *ujyali* ‘herausschwimmen’; *ujjyli* ‘hin-und zurückschwimmen’ (*Kálmán*).

6. *möldas* 'настил из досок в лодке' < манс. *tolyi* 'ловить рыбу сетью'; *tolyen* *χār* 'лодка с неводом' (Kálmán). Слова *möldas* и *tolyen* семантически близки: в коми словом *möldas* обозначают настил в лодке, а в мансийском *tolyen* именуется лодка с неводом.

Перечисленные шесть лексических единиц ранее не рассматривались как обско-угорские заимствования. Но их вполне можно причислять к таковым: они обозначают этнографические реалии и характеристику рельефа земли, заимствованные коми переселенцами у местных жителей три века тому назад.

Венгерский академик Дюла Ортутаи писал: "Мера ценности фольклора любого народа проявляется в его национальном своеобразии" (Ethnographia, Вр, 1966).

Особенностью фольклора обско-угорских народов является то, что имена героев их описательны (История народа: 45).

К обско-угорским фольклорным памятникам близки коми эпические песни, в которых имена героев носят оценочный характер, как-то: *Керча ю көзяин* 'хозяин реки Керча', *Пу горыша да лы горыша* 'С деревянным горлом и костяным горлом', *Бöжса ку парка* 'горностаевый совик' и др.

Коми эпические произведения, в которых говорится о героическом сватовстве, как и в обско-угорских героических песнях, несомненно, испытали влияние восточных соседей.

Исторические контакты коми с обскими уграми привели к взаимному влиянию в культуре и хозяйстве наших народов, что отчетливо выявляется в языке, топонимии, фольклоре.

Литература и источники

Ануфриева – Ануфриева З.П. Топонимы угорского происхождения в бассейне Печоры.- Сыктывкар, 1985. (Серия «Научный доклад» Коми филиал АН СССР).

История Коми – История Коми АССР с древнейших времён до наших дней.- Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978.

История народа – Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов).- Сургут, 1993.

Папай – Йожеф Папай Божество слова (Вспоминая Антала Регули).- Сургут, 1996.

Плесовский – Плесовский Ф.В. Комиын овъяс.- Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998.

Сорвачёва – Сорвачёва В.А. Краткий грамматический очерк диалектов коми языка // Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов.- Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.- С. 456-489.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов /Под ред. В.А.Сорвачёвой.- Сыктывкар, 1961.

МРРМ – Мансийско-русский и русско-мансийский словарь.- М.: Просвещение, 1982.

ХРРХ – Хантыйско-русский и русско-хантыйский словарь/Сост. Е.А.Немысова, В.А.Молданова.- М.: Просвещение, 1983.

Fokos-Fuchs – D.R.Fokos-Fuchs, Aus dem Gebiete der Lehubbeziehungen / Acta linguistica, Вр., 1953., т. III, тетр. 3-4, стр. 211-214.

Kálmán – Kálmán Béla, Wogulisches Wörterbuch, Budapest, Akadémiai Kiadó, 1975.

ВАРИАТИВНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ТОПОНИМИИ СОВРЕМЕННЫМИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

И.С.Карабулатова
Тюмень

Современные проблемы любого российского региона можно в полной мере оценить и понять только в контексте его исторического развития, характера освоения его территории титульными этническими группами. Ярким примером может послужить и Тюменская область, которая издавна является центром приложения трех крупных этнических сил: угорской, тюркской и славянской. Сегодня на исходе столетия здесь четко прослеживается трехуровневая структура общероссийского этнического уклада: европейцы, тюрки и угры. Каждая из этих этнических сил создала свою оригинальную систему номинации топообъектов, в процессе этногенетического строительства процессы взаимодействия коснулись и топонимии региона. Нами были получены на 1241 стимулов, представляющих собой в основном топонимы юга Тюменской области, различные реакции, отражающие вариативность восприятия топонимов современными носителями русского языка (300 чел.), которые можно условно разделить по уровню обра-

зования, возрасту, полу, хотя традиционно в ономастической литературе считается, что субстратные топонимы функционируют как квазислова. Проведенный нами массовый свободный ассоциативный эксперимент показал, что при восприятии субстратной топонимии смысл выступает как результат творческого интерпретационного процесса. Например: гидроним *Алуа* тюрк. “мед” дал около 80 реакций, где самыми частотными были *алое* (25 чел.), *аллилуйя* (19), *цветок* (16).

С точки зрения психологии ассоциативные компоненты мышления характеризуются неподчиненностью намерению и произвольностью связывания друг с другом, относясь к предметным элементам и к тем характеристикам возможных взаимосвязей между ними, которые зависят прежде всего от частоты встречаемости соответствующих сочетаний... “а не специфики активной деятельности самого субъекта” [Веккер 1976: 104]. За внешним разнообразием реакций лежат разные стратегии поиска ассоциаций на исходный топоним-стимул. Поскольку мы не можем непосредственно наблюдать поиск ассоциации, построение типологической классификации достаточно сложно. На наш взгляд, такая классификация может основываться на двух принципах: на отношении реакции к стимулу и на том направлении ассоциирования, благодаря которому у испытуемого возникают такого типа реакции. По всей видимости, соотношение реакции и стимула является лишь следствием определенной стратегии ассоциирования, поэтому разграничение двух основ построения классификации реакций достаточно формально. На основе анализа межъязыковых сопоставлений ассоциативных норм выявлены типы так называемых “универсальных референтов”, на основе которых формируются ассоциативные связи в любом языке. Эти типы, выявленные в свое время Л. Мораном, были дополнены А.А. Залевской [1979]. По их мнению, можно выделить пять типов ассоциативных реакций: 1) перцептуальный референт, на основе которого устанавливаются связи “существительное + прилагательное” и наоборот, где стимулу приписывается некоторый признак или качество; 2) объектный или функциональный референт, при котором между стимулом и реакцией устанавливается субъектно-объектная связь (типа: *Абакиша - жена Абака*); 3) концептуальный референт, предполагающий, что стимул и реакция отражают некий концепт, являясь или синонимами, или гипо-гиперонимами, в принципе это установление субъектно-предикатной связи (*Анохино - село*); 4) дайменциональный референт (от английского измерение, деление), позволяющий установить между стимулом и реакцией антонимические и другие координационные связи; 5) имплицативный референт, отражающий логическую структуру мышления. Данная типология универсальных референтов действительно отражает реально существующие и зафиксированные в ассоциативных нормах типы ассоциаций. Однако вне поля зрения остаются реакции на план выражения стимула: реакции-рифмы (*Аюатколь - Ау!Отколь?*), каламбуры, паронимы. Конечно, с точки зрения формального отношения слова-стимула к слову-реакции традиционно выделяются синтагматические и парадигматические реакции. Под синтагматическими понимаются реакции, принадлежащие к иной, чем стимул, части речи и составляющие с ним грамматически оформленное словосочетание (подробно см. Клименко 1974), например: *Бадагово - неприятная; Атырган - ругается*). Под парадигматическими понимаются реакции, принадлежащие к той же части речи, что и стимул, отличающиеся от него не более чем одним семантическим признаком [Клименко 1974]. Таким образом, становится понятным, что продуцирование синтагматических и парадигматических реакций происходит по разным направлениям: синтагматические появляются на основе частой совместной встречаемости в текстах, парадигматические – на основе знания испытуемыми семантического сходства – противопоставления на уровне лексической системы языка, а также способности стимула и реакции замещать друг друга в некотором контексте.

Однако распределение всего количества реакций только на парадигматические и синтагматические не охватывает всего разнообразия даже случайных и достаточно частотных реакций, не говоря уже о единичных. Кроме того, реакции, порождаемые на основе функционального типа референции (*Барсук - лес*) не могут быть охарактеризованы ни как синтагматические, ни как парадигматические, иными словами не могут быть порождены не по одному из правил Г. Кларка. В литературе такие реакции принято называть тематическими [Клименко 1970], хотя некоторые ученые считают довольно спорным выделение таких реакций в самостоятельный тип [Уфимцева 1983]. Можно предположить, что тематические реакции в отличие от синтагматических и парадигматических возникают в результате действия других путей ассоциирования. Детальное исследование их природы наводит на мысль о необходимости разграничения собственно лингвистических, “истинных” ассоциаций от ассоциаций, относящихся к области референции слова. Собственно лингвистические ассоциации основываются на языковой природе топонима-стимула, его контекстном окружении (синтагматические) и системных отношениях с другими единицами (парадигматические); в то время как экстралингвистические ассоциации – на взаимодействии денотата (или сигнификата) топонима-стимула с другими объектами реального мира (или, точнее, отра-

жении этого взаимодействия сознанием). Поскольку топонимикон юга Тюменской области разнороден по своей языковой принадлежности (здесь встречаются и угорские, и тюркские, и славянские названия), массив полученных реакций весьма разнообразен [Карабулатова 1999: 56-61].

Представляется интересным использовать типологию, предложенную в свое время А. Р. Лурией [Лурия 1928], согласно которой реакции можно подразделить на адекватные и неадекватные. Адекватные реакции характеризуются наличием семантической связи между стимулом и реакцией. В свою очередь неадекватные реакции – ее отсутствие. Всего А.Р.Лурия выделяет семь типов реакций, среди которых первые три типа относятся к неадекватным реакциям, остальные – к адекватным. Применительно к нашему материалу большой процент субстратных топонимов вызывает неадекватные реакции. Первый тип – это отсутствие реакций (молчание; реагирование словами *А? Что? ответ Не знаю*). Второй тип – экстрасигнальные, представляющие собой своеобразную форму невыполнения инструкции и отражающие неустойчивый характер нервно-психических процессов (например: *Тарнаколь – наркоман, Баян – шприц*). В этом типе А.Р.Лурия выделяет несколько групп: 1 – реакции на стимул, исходящие из окружающей среды (таковы реакции у большинства русских опрошенных на субстратные топонимы-стимулы); 2 – реакции по поводу самого эксперимента: *Надоело отвечать. А скоро кончите?* (эти реакции отражают недостаточную степень концентрации внимания на сам эксперимент); 3 – реакции вслед прежнему стимулу (персеверация от раздражителя), как, например, на стимул *Амелино* было дано свыше 25 реакций *Америка*, потому что предыдущим стимулом был топоним *Американское*. Сюда же относятся реакции, являющиеся продолжением собственных предыдущих реакций (персеверация от реакций), типа: *Абак – имя мужчины кавказской национальности, Абакиша – жена Абака*. Как показывает наш материал, такие реакции могут составлять самостоятельные цепные ряды; 4 – стереотипные реакции, при которых реагирование одинаково при любых стимулах (в условиях нашего эксперимента это постоянное реагирование на любые топонимы словами *река, село*); 5 – экстрасигнальные реакции невыясненного происхождения (*Никишино – машина “Ауди”*). К третьему типу относятся звуковые реакции, являющиеся ответом на форму топонима-стимула и показывающие процесс восприятия слова. Со стороны звучания реакции могут возникнуть как результат эхолалии, реакции по созвучию, простая звуковая связь, начальная аллитерация, неполная аллитерация, или ассонанс, словоизменения и словодополнения: *Алуа – алое, Кумдыкуль – дым над домом, Лекан – декан, Абак – собака, Акуак – ква-ква*. Четвертый тип составляют предикативные реакции, в которых респондент заканчивает единую целостную структуру:

а) собственно предикативные реакции (типа: *Авдонское – одуреть, Балаир – стоит здоровая толпа пацанов, Балачиха – чихать*);

б) реакции-определения (*Балаир – могучий, Бардаиха – беспорядочная*);

в) реакции-дополнения (*Андроново – завуч*).

К пятому типу относятся реакции по привычной связи, т.е. реакции, воспроизводящие привычные сочетания (*Лебяжье – комплекс, Агитка – коммунистическая*), синонимы и контрасты (*Волчье – заячье, Чистое – светлое*), отношения сосуществования и смежности по наблюдениям за внешней средой (*Новоандреевка – моя станция*). Шестой тип объединяет реакции, в которых респондент идет по пути “наибольшего сопротивления”: связь между стимулом и реакцией имеет сложную структуру, указывая на функциональную и причинную связь (*Исток – устье, Таежное – глухое, Речка – вода*), на класс (*Таежное – степное*), некие абстракции, выходящие за пределы конкретного отношения (*Рауда – Будда*). Седьмой тип включает в себя опосредованные и индивидуальные реакции, которые весьма разнообразны при восприятии субстратной топонимии. Наиболее частотной реакцией у большинства респондентов при предъявлении субстратного топонима-стимула было *имя человека*. Выявление частотных и индивидуальных реакций позволяет проследить историю “народной этимологии” того или иного топонима.

Большая часть адекватных реакций, отмеченных в свое время в типологии А.Р.Лурии, соотносится с тремя основными типами: сложные соотносительные и синонимы и контрасты – с парадигматическими, предикативными и часть реакций по привычной связи – с синтагматическими, остальные – с тематическими. Если говорить о сложности реакций, то наиболее простыми оказываются синтагматические, наиболее сложными – тематические, отражающие прежде всего индивидуальные ассоциации респондента. Однако среди тематических встречаются и сравнительные простые реакции, воспроизводящие стандартные ситуации.

До сих пор среди ученых нет четкой концепции в распределении реакций разных типов в ассоциативном поле слова-стимула [Залевская 1979; Холодная 1990; Караулов 1993 и др.]. Как правило, наиболее частотными оказываются парадигматические и синтагматические реакции, несмотря на то, что в ассоциативном поле стимулов-существительных велика доля повторяющихся тематических реакций [см.

Словарь ассоциативных норм русского языка 1977]. Частотностью, стандартностью парадигматического и синтагматического ассоциирования определяется довольно-таки малая ценность таких ассоциаций в рамках анализа индивидуальных стратегий речевого поведения. Сложные соотносительные реакции, содержащие личностно значимую информацию, обычно являются тематическими или парадигматическими с большим количеством пропущенных звеньев. Настоящий обзор не претендует на полноту, поскольку включает только базовые классификации вербальных ассоциативных реакций.

Несомненно, что разные типы реакций возникают как результат разных стратегий ассоциирования. Эти стратегии являются своеобразными направлениями поиска реакции на тот или иной стимул. Выбор той или иной стратегии происходит спонтанно, неосознанно, поскольку зависит от опознания и осознания стимула. Самоконтроль и саморедактирование возможны на более поздних этапах, когда отсеиваются аффективные реакции, тормозятся нежелательные, хотя и в этом случае убежденно говорить о саморедактировании можно лишь с определенной долей условности. Ближе всего к глубинным структурам психики оказываются тематические ассоциации. Скрытая в ассоциативной паре стратегия поиска реакции на стимул проявляется при развертывании на основе этой пары высказывания или небольшого текста. Развернутые высказывания имеют свойство диагностировать тип реакции, поскольку парадигматические, синтагматические и тематические ассоциативные пары провоцируют свои конкретные специфические особенности структуры и семантики предложения [Овчинникова 1994]. Несмотря на то, что нами были предложены в качестве стимулов топонимы, было выявлено, что в каждом топониме заложен различный текстообразующий потенциал. Интересно, что субстратные топонимы с неизвестной для респондентов семантикой показали преобладание адекватных реакций перед неадекватными, вскрыв механизм удержания в оперативной памяти заимствованного топонима. Существенными для опознания незнакомой или субъективно редкой периферийной единицы (какой и является по существу региональный топоним) оказываются звуковые реакции, включая словоизменительные и словодополнительные. Предпочтение этой стратегии в нашем эксперименте свидетельствует, на наш взгляд, о достаточной языковой компетенции. Мотивированность знака в сознании говорящего обусловлена системностью языка: каждый фрагмент языковой картины мира взаимосвязан с целым и зависим от него.

Таким образом, анализ природы вербальных ассоциаций позволяет обнаружить скрытые в ассоциативных методиках возможности исследования индивидуальности, в том числе языковой. Реакции, полученные на топонимы-стимулы, не являются случайными, а они – своеобразные ключи к переводу вербально представленной информации в невербальный образ и наоборот. В языкознании уже отмечено, что более значимым, чем понятийное ядро, для функционирования слова является коннотативный компонент значения, который включает “характеристики эмоционального, оценочного и собственно семантического характеров” [Кузнецова 1989: 27]. Топоним может интерпретироваться как единица прототипического уровня, включающая коннотат (или в традиционной терминологии - эмоциональный и оценочный компонент значения), базирующаяся на сложной сети эмоций и оценок. Окружающий мир, в свою очередь, воспринимается человеком через призму культуры посредством слова. В целом ассоциации позволяют вскрыть ненаблюдаемые процессы формирования семантики и взаимодействия единиц национального словаря в синхронии и диахронии.

Топонимическая система, объекты которой тесно связаны с деятельностью человека, ориентирована на такую номинацию, при которой ключевую роль в процессе генезиса топонима играет внутренняя форма наименования, выступающая как результат языковой объективации некоего пучка ассоциаций, сопровождающих идеальный образ топообъекта. Следовательно, феномен внутренней формы топонима обращен к элементам мыслительного и языкового кода.

Различия между культурами (порождающей и заимствующей) приводят к актуализации различных частей оного, при восприятии слов-реакций монолингвов и билингвов выявляются особенности восприятия субстратных топонимов. Так, реакции билингвов показывают высокую проницаемость метакоммуникативных функций даже в тех случаях, когда второй язык локализуется в правом полушарии. Полученные нами ассоциации отражают глубинные связи и вместе с тем показывают различные основания для установления сходства, которые соотносятся с разными уровнями как внутреннего лексикона, так и психики респондентов: *Баян - шприц* (на арго наркоманов), *Гаутамак - Будда*, *Тарнаколь - шприц медицинский*. Если попытаться локализовать сам механизм ассоциирования, то следует отметить, что специалистами по психологии изучалось его действие в подсознании и бессознательном [о соотношении бессознательного и подсознания см.: Лейбин 1990].

Функционирование вербальных ассоциаций в подсознании заключается в том, что они представляют собой особую подсистему, гарантирующую одновременно концентрацию внимания на идее и ее

осознании. Однако не все исследователи психоанализа, гипноза и психотерапии придают большое значение осознанию болезненных конфликтов и их вербализации, скептически оценивая исключительность речи в качестве лечебного фактора [Налимов 1991]. Однако даже наш топонимический материал позволяет “нащупать” внутренние конфликты респондентов: *Попов Увал - Игорь дурной, Яровское - Валя гулящая, Тарнакол - шприц медицинский*. Правое полушарие мозга, перерабатывающее конкретную информацию, обычно продуцирует синтагматические реакции, а “логичное” левое – системные парадигматические реакции. Однако при внимательном рассмотрении синтагматические ассоциации правого полушария строятся не столько на основе языковой компетенции, сколько на основе “существования” обозначенных словами объектов или явлений реального мира (типа: *Баян - “Слово о полку Игореве”*). Правое полушарие оперирует иконическими знаками, и подобные реакции (например, *Абакииха - толстая женщина в цветастой юбке в кабаке*) основываются на образном представлении некоторой ситуации, оказываясь референциальными. Левое полушарие анализирует глубинные структуры частотных, типичных взаимосвязей. Выбор правополушарного или левополушарного пути ассоциирования предопределяется, на наш взгляд, глобальным (правополушарным) или поэлементным (левополушарным) представлением объекта, обозначенного топонимом-стимулом. Устойчивость проявления того или иного механизма ассоциирования при реагировании на различные слова-стимулы формирует индивидуальную стратегию – “привычный” для индивида поиск реакций. К тому же, чем меньше контроль сознания, тем больше информации об индивиде содержат ассоциативные ряды и цепочки.

Процесс ассоциативного реагирования может быть обусловлен как направленностью во внутрь вертикали концептуальной структуры, так и движением сознания вширь, по горизонтали, если топоним активизирует связанное с ним внутреннее слово и те или иные его связи с единицами внутреннего лексикона. Например: *р.Карасуль - караси, каруселька (дети 5-6 лет), р.Карасуль - караси, красуля (взрослые)*. Очевидно, что такая разнообразная направленность ассоциативного реагирования и приводит к возникновению того многообразия реакций, которое может быть получено в результате опроса респондентов. Из всех возникающих ассоциаций респондент, по всей видимости, выбирает пучок наиболее важных с позиций своего смыслового задания, которые, выкристаллизовываясь, осмысливаются как признаки обозначаемого, релевантные для создания или воспроизведения топонима. Эти ассоциации, как показывает наш материал, могут быть не только фонетическими, но и словообразовательными, грамматическими, цитатными, парадигматическими, синтагматическими и так называемыми тематическими.

Итак, ассоциативные структуры являются одной из форм отражения взаимосвязей объектов реальности. Благодаря произвольности, ассоциирование не только отражает реально существующие, но и устанавливает новые, значимые для индивида связи топообъектов, объектов, идей. Иерархическая структура наших знаний способствует тому, что при восприятии топонима как лексического знака полностью или частично активизируется сложная многоуровневая структура, включающая в себя иконическое изображение того или иного топообъекта или события, связанного с ним, а также их прототипические представления.

В ходе осмысления того или иного топонима индивид создает такую ментальную модель содержания слова, которая включает в себя знания о мире в целом, выходящие за пределы анализируемого слова. Таким образом, попытки современных носителей русского языка как-то осознать и осмыслить доставшееся в наследство топонимическое богатство приводят к возникновению вариативности восприятия субстратной топонимии, способствуя ее сохранению в оперативной памяти людей.

Литература и источники

- Веккер Л.М. Психологические процессы: В 4 т.- Л., 1976- Т.2.
Залевская А.А. Межязыковые сопоставления в психолингвистике.- Калинин, 1979.
Карабулатова И.С. Ассоциативное поле восприятия субстратной топонимии.-Тюмень, 1999. (Вестник Тюменского государственного университета, № 4).
Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка.- М., 1993.
Клименко А.П. Вопросы психолингвистического изучения семантики.- Минск, 1970.
Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка.- М., 1989.
Лейбин В.М. Психоанализ и современная западная философия.- М., 1990.
Лурия А.Р. Речь и интеллект в развитии ребенка.- М.,1928.
Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков.- М., 1991.
Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика.- Пермь, 1994.

ЯЗЫК УДМУРТСКОГО ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЙ, ИЗДАННЫХ В 1847 г.

Б.И. Каракулов
Глазов

В связи с господствовавшей до последнего времени социолингвистической политикой, язык многих нерусских письменных памятников дооктябрьского периода не получал должного внимания. Интересующие нас памятники, наравне с другими, составленными ранее второй половины XIX в., до появления «системы Ильминского», попадали в группу в лингвистическом плане менее ценных, как осуществленных по установке синода, где переводчики неуклонно следовали букве канонических текстов [см. об этом: 1, с.184-185].

Нам представляется, что язык удмуртских евангелий, изданных в 1847 г., и других частей евангелия, оставшихся в рукописи, заслуживает научного исследования, поскольку в процессе работы над языком этих священных текстов была выработана практика переводов с древнерусского языка на удмуртский, тем самым заложены основы удмуртского литературного языка. История работы переводчиков этих евангелий более или менее, в отличие от других, хорошо известна [см.: 2, с.5-7].

К сожалению, первоначальный рукописный вариант переводов этих евангелий и напечатанное в 1823 г. начало евангелия от Матфея, использованные академиком Ф.И.Видеманом при классификации удмуртских диалектов, при составлении словаря и грамматики удмуртского языка, нам обнаружить пока не удалось.

В переводах сохранившихся евангелий наблюдаются напластования местных говоров и особенностей языка переводчиков. И, конечно же, в них служители православного культа не могли не сохранять языковой строй священного текста. Например, некоторые переводы сохранили не только структуру древнерусского стиха, но и знаки препинания:

<i>Ибо во дни тѣ будетъ такая</i>	<i>Со нунальйосынъ лубъзъ бенъ</i>
<i>скорбь, какой не было отъ на-</i>	<i>ичъ куйкй, кечъ эйвалъ-на у-</i>
<i>чала творенія, которое сотворилъ</i>	<i>вазънырысь та дуннийнъ, кудъзъ</i>
<i>Богъ, даже донинъ, и не будетъ.</i>	<i>Иймъръ лэстйз, та дырьдъзъ,</i>
	<i>Узь-нолұ-икъ (Мрк, Гл.13,19).</i>

Подобные примеры встречаются в Гл.4,2; Гл.13, 20 и т.д. Священность стиха сохранялась в неизменных формах русских лексем и заимствований: *Пётръ* (Мрк,Гл.5, 37), *Фарисейсѣ* (Мрк,Гл.2, 24), *Христос* (Мрк,Гл.14, 61), в иноязычных вкраплениях оригинала: *талиѡа кумй!* (Мрк,Гл.5, 41), *Еффаѡа* (Мрк,Гл.7, 34) *Элой! Элой! Ламма савахѡанй* (Мрк, Гл.15, 34).

Изданные параллельно в отдельных книгах евангелия от Матфея имеют своего адресата в лице носителей глазовского и сарапульского наречий. Сопоставление языка этих евангелий может определить диалектное отличие, выявленное составителями этих памятников. Кроме того, при сравнении текстов встречаются общие ошибки и опечатки, допущенные в обоих параллельных переводах (например, *Глава двадцатая* ошибочно дается *иръ дасъукмысѣти*), что позволяет допустить влияние одного варианта перевода (глазовского) на второй.

В тексте сарапульского варианта в скобках обозначены отличия от глазовского: *осмѣянъ* Гл.2, 16 - *мыскылъ* (глаз. *серѣмъ*) *карэмъзъс*), однако эти толкования, не все представляют диалектные признаки (да *сбудетсѣ* Гл.2, 15 - *медъ тупалдъзъ* (глаз. *быдѣсмозъ*); не *дасть ли дидрахмы* (*двѣ драхмы*) Гл.17, 24 - *уз меда сѣдтъ дидрахма-ѣзъ* (Глаз. *кызъ вить кондѡнѡнъ-ѣзъ*); *сто денаріевъ* Гл.18, 28 - *сю динарйй* (Глаз. *вить сю конй*); изображение Гл.22, 20 - *сульдѣрь* (Глаз. *бамъ*). Наряду с этим диалектные параллели в обоих евангелиях не приводятся, например: *гробъ* Гл.23, 27 - *коросъ* (глаз.), *тусъ* (сар.); *подкопать* Гл.24, 43 - *копасаъ* (глаз.), *гудзисаъ* (сар.), *рабъ* Гл. 25, 21, 23 - *медѡ* (глаз.), *варъ* (сар.).

Диалектные признаки на фонетическом и морфемном уровнях также не обозначаются не *собирает* Гл.12, 30 - *уг люба* (Мтф, глаз.), *угъ юба* (Мтф, сар.); *поднесли Ему дары: Золото, Ладанъ и Смирну* Гл.2,11 - (Мтф, глаз.): *кузмазы Солы: Зарнизъ, Ладанъзъ, Смирназъ-но;* (Мтф, сар.): *кузмазы Солы: Зарни, Ладанъ, Смирна -но.*

Синтаксис русского текста лучше сохранен в глазовском переводе: структуры сложноподчиненных предложений в сарапульском варианте переведены простыми предложениями, включающими обороты. Например, сложноподчиненное предложение с придаточным определительным *звезда, которую видѣли на востокѣ...* Гл.2,9 передано в Мтф, глаз.: *кизилй, кудзѣ шундѣ джужанъ-паланъ адзиллямзы...*, а в Мтф, сар.- *шундѣ джужанъ паланъ адскѣмъ кизилй...* Такие же факты можно выявить с определительным придаточным в Гл. 8, 17, Гл.11, 14, с придаточным степени в Гл.13,54, с придаточным изъяснительным в Гл.21,2 и т.д.

Кроме обозначения в скобках некоторых различий параллельных удмуртских текстов сарапульского и глазовского евангелий от Матфея комиссия вводила в сарапульский вариант свои дополнения, например, русское слово обоих евангелий *Всѣхъ Гл.1,11*, в сарапульском варианте переведенному диалектизму приводят в скобках два глазовских слова *воцъ (Глаз. вицякъ или долакъ)*, хотя в глазовском варианте текста приводилась одна лексема *Вицякъ*. Такой перевод находим и для других слов и конструкций: *Ангель Гл.1,20* - *Кылдысинъ, Ангель (Мтф, глаз.), в Мтф, сар.: (аль Кылдысинъ) Ангель (Глаз. воршудъ)*; *сына своего первенца Гл.1, 24* - *увазынырьсь пизѣ (Мтф, глаз.), в Мтф, сар.: первой (велись или увазынарьсь пизѣ)*; *всѣхъ Первосвященниковъ Гл.2, 4* - *зѣкъ вицякъ попѣюсъ (Мтф, глаз.), в Мтф, сар.: Воцякъ въсь асабазѣсъ (Глаз. бадзѣмъ попѣюсъ)*; *да сбудется Гл.2, 15* - *медь тупалдѣъ (Мтф, глаз.), в Мтф, сар.: медь тупалдѣъ (глаз. быдѣсмосъ).*

Не менее ценно сопоставление переведенного текста с древнерусским оригиналом, представленным параллельно в одном памятнике. В этих целях можно использовать Евангелие от Марка, язык которого был ориентирован на глазовский диалект, так как на него не мог повлиять язык других одновременно переведенных текстов. Этот перевод до последнего времени был известен только в совместном издании с Евангелием от Матфея на глазовском наречии. Он нами обнаружен также отдельной книгой (в опубликованной нами статье эта работа ошибочно представлена как евангелие от Матфея) [см. 2, с.5].

Текстологическое сопоставление позволяет выявить в языке большей части стихов евангелия стремление передать смысл. Происходит отход от дословного перевода, ориентация на разговорную стихию, т.е. переводчики при всем своем уважительном отношении к священным текстам начинают изменять своим принципам. Это видится нам: а) в замене лексем, выражающих чужие понятия, словами, обозначающими жизнь и быт удмуртов, *зданія (Мрк, Гл.13,1) - гидъкъдъ, за триста денаріевъ (Мрк, Гл.14,5) - къинъ пуй-лѣсь-но*; б) в описательном, толкующем переводе непонятных терминов и выражений русского текста *старѣйшины (Мрк, Гл.11, 27) - перецьюсъ-но терѣ муртъюсъ; насадить виноградникъ (Мрк, Гл.12, 1) - мертѣзь вина узѣ пузѣ; Лобное мѣсто (Мрк, Гл.15,22) - вѣднѣ интѣ; багряницу (Мрк, Гл.15, 17) - дисьсѣ бадзѣмъ Эксѣйлѣнъ кадъ*. Также описательно, близко к разговорному варианту, переведены целые стихи (*Мрк, Гл.3, 21, Гл.4, 36, Гл.12,7; Гл.12,27; 13,8*):

<i>Но виноградаріи тѣ сказали друг другу: это насльдникъх; пойдѣмъ, убьем его, и насльдство будет наше.</i>	<i>Со ужасѣюсъ бенъ огѣзъ огѣзъ-лѣ верѣзы; тѣ солѣнъ аслѣзь пиэзь, кузѣд-но; мыномъ, вишѣмъ соѣ, долакъ заводѣзъ-но милѣмъ лудъзъ (Мрк, Гл.12,7).</i>
---	---

в) в переводе топонимов на удмуртский: *при горѣ Масличной (Мрк, Гл.11,10) - Пувъѣд гурѣзь бордынъ, на гору Масличную (Мрк, Гл.14, 26) - пувъѣд гурѣзь-вылѣ*; г) в фонетическом написании русских заимствований, видимо, уже освоенных удмуртским языком *вънецъ (Мрк, Гл.15, 17) - венцѣ; Крестъ (Мрк, Гл.15, 21) - Крѣсс; и въ храмъ (Мрк, Гл.11,11) - цѣркѣ-но*; д) в замене латинской графемы *g* русской буквой *г*: *Галилея (Мрк, Гл.1, 16)* [см. об этом: 3].

В связи с последними наблюдениями интересно заметить: некоторые стихи русского перевода в удмуртском варианте усложнены дополнительными предикативными частями и представлены сложноподчиненными предложениями или сложными синтаксическими конструкциями. Возможно, это результат работы переводчиков, а не предложения адресатов:

<i>И говорилъ имъ въ ученіи Своемъ: остерегайтесь отъ книжниковъ, любящихъ ходить въ длинныхъ одеждахъ, и принимать привѣтствія въ народныхъ сборищахъ.</i>	<i>Верѣлѣзъ-но соѣослы дышѣ-тонъ-дырѣя: вѣзскелѣ книгѣ тодысѣдсѣлѣсь, кудыосѣзь я-ратѣ кузь таза-но дисѣн ветлыны, калыкѣлѣсь-но аслѣзь сѣ каронъзъ адзинѣ калыкъ люкасъконѣюсъинѣ (Мрк, Гл.12,38).</i>
---	---

Подобные примеры встречаются в Гл.6,7, Гл.9,17.

В этих переводах начинает проявляться синкретизм двух религий в форме использования слов и выражений, отражающих языческое мировоззрение, для нужд православия. Так понятие *ангела* начинает выражать языческое родовое и семейное божество *воршуд* (Мтф, глаз. Гл.16,18), а *Господь* – *Инмарь Кылдысинь* (Мрк, Гл.12,29). Рядом с христианским богом приводятся в переводе языческие ритуальные обращения: *Ты ли Христось, Синь Благословенного* (Мрк, Гл.14,61) – *Тонь-а Христось, Козмамь-Остэ Инмарь Пи*. Сравни в тексте удмуртских куриськонов: *Остэ Инмарэ, Кылдысинэ, Квасьэ, Воршудэ Дурга, Чабья!* «Помилуй нас, о Инмарь, Кылдысинь, и вы Воршуды Дурга и Чабья!» [4, с.36]. А для выражения понятия *ад*, отсутствующего в языческой религии, словосложением был создан термин *шайпыдэс* «дно кладбища, (букв. кладбище +дно)»: *врата адовы* (Мтф, Гл.16,18) – *шайпыдэсь-лэн-но зэзи-юсь (глаз)*, – *шайпыдэсь-лэн капка-эзь-но (сар)*.

Итак, изданные в 1847 г. евангелия, хотя имеют специального адресата, их язык нельзя приравнять к какому-нибудь диалекту или наречию. В этих памятниках обнаруживается смешение языка переводимого текста подлинника, переводчика, членов комиссии и адресата. Такой работой в удмуртских клирических переводных текстах была достигнута наддиалектность. Эти переводы лучше других сохранившихся памятников письменности отражают состояние удмуртского языка до середины XIX в.

Литература и источники

1. Каракулов Б.И. Принципы изучения ранних текстов (на материале удмуртского языка) // Типы коммуникации и содержательный аспект языка: Сб. науч. трудов/ Ин-т языкозн. АН СССР.- М., 1987. С.184-191.

2. Каракулов Б.И. Роль переводов евангелий издания 1847 г. в истории удмуртского литературного языка // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития: Материалы междунар. науч. конф. Часть I. Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека – книга – читатель.- Глазов, 1997.- С.3-8.

3. Каракулов Б.И. Из истории обозначения удмуртского взрывного заднеязычного /г/ латинской графемой g // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность: Материалы региональной научной конференции, посвященной Д.К. Зеленину.- Глазов, 1999. С.71-74.

4. Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцевъ Глазовскаго уезда. Эскиз III.- Вятка, 1888.

Условные сокращения

Букв. – буквально, Гл. – глава, глаз. – глазовский; Мрк, глаз. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелие отъ св. евангелиста Марка на русскомъ и вотякскомъ языках, Глазовскаго наречія. Казань, 1847.- 135 с.; Мтф, глаз. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелие отъ св. евангелиста Матфея на русскомъ и вотякскомъ языках, Глазовскаго наречія // Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелистов Матфея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языках, Глазовскаго наречія. Казань, 1847 – С.1-234; Мтф, сар. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелиста Матфея на русскомъ и вотякскомъ языках, Сарапульскаго наречія. Казань, 1847.- 234 с.

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Н.М.Краснова
Йошкар-Ола

Проблема словосочетаний всегда привлекала внимание исследователей марийского языка, однако данную группу составляющих синтаксического уровня нельзя считать полностью изученной. Обзор существующей научной литературы по проблеме глагольно-именных словосочетаний показывает, что вопрос рассматривался от случая к случаю, поэтому он не получил достаточного освещения к настоящему времени.

Наиболее подробно разработка проблемы глагольно-именных словосочетаний лугомарийского литературного языка представлена в монографии Л.А.Петуховой «Глагольно-именные словосочетания в марийском языке» (1980). Автор, опираясь на теорию о словосочетании В.В.Виноградова (1975), впервые дает подробный анализ рассматриваемого типа словосочетаний, раскрывая смысловые отношения между

компонентами, определяя виды связей сочетающихся компонентов. Думается, что для изучения данного вопроса в марийском языке необходимо рассмотреть аналогичные словосочетания и в горномарийском литературном языке.

Глагольно-именные словосочетания представляют собой тесные семантические и структурные единства, характерным свойством которых является наличие определенной смысловой целостности, семантической завершенности. Основой семантической завершенности глагольно-именных словосочетаний является наличие в его составе не менее двух полнозначных слов, т.е. глаголов и именных частей речи, которые и образуют его семантическую и структурную основу. Наряду с семантической завершенностью отличительной особенностью глагольно-именных словосочетаний является структурная замкнутость, которая проявляется, прежде всего, в наличии в нем стержневого слова, и ему подчинен другой компонент словосочетания. Вышеуказанные признаки позволяют определить глагольно-именное словосочетание, как обладающую собственной моделью синтаксическую единицу, образующуюся в результате семантического и грамматического объединения не менее чем двух полнозначных слов.

Если же внешняя форма всего глагольно-именного словосочетания в целом определяется морфологическими свойствами стержневого слова, то для организации его внутренней структуры используются различного рода смысловые отношения, виды морфолого-синтаксических связей.

Объектные отношения в глагольно-именных словосочетаниях возникают при семантико-грамматическом взаимодействии глаголов как с именами существительными, так и с субстантивированными частями речи: Ыштымы *цепошкавлӓжӓм* ма шке *ана выжалы* (Игнатьев 1995:25) 'Изготовленные цепочки мы сами не продаем'. - Весиргодым *ӓтят* пазарышкы *кеӓ, мӓйжарашым нӓлаш сӓра*, - *двамжы манеш* (Игнатьев 1995:26) 'Отец обещал послезавтра поехать на рынок, он собирается купить материал для кафтана'.

Л.А.Петухова считает, что переходность глагола относится к числу его основных грамматических свойств. Ею определяется синтаксическая связь глагола с объектом в форме винительного падежа (Петухова, 1980:25).

В горномарийском литературном языке в глагольно-именных словосочетаниях, выражающих объектные смысловые отношения в большинстве случаев глагол требует распространения прямого объекта в винительном падеже, например: - Ави, *шергиндым кадай*, - манеш Павыл (Игнатьев 1995:25) 'Мама, принеси лепешку, - попросил Павел'. *Митрин Ондрим* утлаок *мыскылена ылы* (Игнатьев 1995:21) 'Мы сильно издевались над сыном Митри, Андреем'. *Мӓнь ӓвамын* ирок *ыдылмыжым ӓшындырышым* (Игнатьев 1995:25) 'Я вспоминал как мама утром молилась'. Следует отметить, что подобные словосочетания семантически ограничены: главное слово обозначает действие, восприятие, состояние, а зависимое - объект этого действия, восприятия, состояния: *Лапавындашышкем ыӓргеньы окса арам пиштыш, охыр ямдарым кычыктыш* (Игнатьев 1995:20) 'Он дал мне в руки деньги и пустую бутылку'. *Изи ылым курымыштемок шуку короным ужынам* (Игнатьев 1995:25) 'За свои годы повидал много гробов' *Ти шаяжы гӓц мӓнь пишок лӓдын колтышым* (Игнатьев 1995:41) 'Я сильно испугался его слов'. В глагольно-именных словосочетаниях глагол также может обозначать движение, а именная часть иметь пространственное значение, например: *Соланам эртӓмыкы* веле, *ӓтам мӓнь* (Павыл) *донем попаш тыгалы* (Игнатьев 1995:37) 'Только после того, как мы прошли через село отец заговорил со мной'. Сочетания, образуемые переходными глаголами, в винительном падеже составляют наиболее употребительный тип глагольно-именных словосочетаний и преобладают в количественном отношении.

Нельзя однозначно утверждать, что переходность глагола является основным признаком, определяющим объектные отношения в глагольно-именных словосочетаниях. В горномарийском литературном языке встречается немало примеров глагольно-именных словосочетаний, выражающих объектные смысловые отношения, где управляемое слово является непереходным глаголом, например: *Эдем пӓжвыд доно* тиды *мындырлана* (Игнатьев 1995:41) 'Он живет за чужой счет'. - *Мӓнь тӓды гишӓн ынем поны*, - Павыл *пелештыш* (Игнатьев 1995:56) 'Я не хочу о нем разговаривать, - сказал Павел'.

Объектные отношения в глагольно-именных словосочетаниях возникают и при сочетании глаголов разных семантических групп с именами в дательном падеже, например: *Паянвлӓлан* (цепошкавлӓм) *пузӓйт* нӓныжы *Кышкыжмы* пазарышкы *выжалаш* нӓнгеат *дӓ* *Москвашкы* *моло* *колтат* (Игнатьев 1995:24) 'Отдадим цепочки богатым, а они поедут продавать их на рынок в Большой Сундырь или даже в Москву'. *Мокмырешӓжы ӓракалан* тиды *колта*. Манеш: - *Митрин Матыве* *докы* *кен* *толай* (Игнатьев 1995:20) 'Он попросил сходить меня за водкой к Митри Матыве'. - *Тырын киок!* Эче *мӓйжар!..* - *ӓвам сӓгырал* *колтыш* *дӓ ӓзамланжы* эче *пурынок* *попа*, манеш: - *Атят* *Миколай* *Никонор* *докы* *оксалан* *кеш* (Игнатьев 1995:26) 'Лежи тихо! Кафтан еще! - мама закричала, а потом спокойно сказала брату: - Отец

пошел к Миколой Никонору за деньгами'. В данных типах словосочетаний имя лишь тогда становится объектом, когда вступает в отношения с глаголом и переходность не является основным свойством глагола для реализации его значения.

В глагольно-именных словосочетаниях именные части речи с послеложными конструкциями также вступают с глаголами в объектные отношения, например: Мäät когораквädжым йймдылына молодат, кынамжы мäмнам *нуж доно поктыл колтат* (Игнатъев 1995:22) 'Из-за того, что мы надсмехались над старшими, они пугали нас крапивой'. Тагү- äнят вес лык öлица доно йлыштанш доно шишкен-мырен куза (Игнатъев 1995:19) 'Кто-то идет по улице и слышится свист'. Иктä коклы эдем гйц постоялый дворым ядыштынам. Чуть-чуть монам (Игнатъев 1995:36) 'Примерно у двадцати человек я спрашивал о местонахождении постоянного двора. Еле-еле нашел'. В данном случае переходность-непереходность глагольной лексемы не играет никакой роли, определяющим фактором объектных отношений в рассматриваемых типах словосочетаний является направленность действия на объект.

Если же говорить о морфолого-синтаксической связи между компонентами глагольно-именных словосочетаний, выражающих объектные смысловые отношения, то управление является единственным видом подчинительной связи, при котором главный компонент объединяется с зависимой формой имени существительного в косвенном падеже на основе возникающих между ними отношений. Л.А.Петухова считает, что грамматической формой выражения объектных отношений является сильное управление, обусловленное как лексическим значением глагола, так и его грамматической категорией переходности (Петухова 1995:64). Связь между стержневым компонентом – глаголом и зависимым словом – именной частью речи может быть тесной или менее тесной – в зависимости от этого различают сильное и слабое управление. При сильном управлении имеется необходимая связь между переходным глаголом и управляемым словом, например: Кудвичышкы пырымыкөм, пöрт гйц ваштарешем лäкшы äтямым вäшлим (Игнатъев 1995:20) 'Во дворе я встретил отца, выходявшего из дома' Садвичышкы пырышна, äтям левичй сагашы үз укшым кйры (Игнатъев 1995:21) 'Мы пошли в сад и отец сорвал ветку ивы'.

Таким образом, объектные отношения в глагольно-именных словосочетаниях формируются, во-первых, в результате взаимодействия общих значений слов: действия и объекта этого действия; во-вторых, на основе возможностей компонентов словосочетания выражать свою морфолого-синтаксическую связь друг с другом. Поскольку словосочетания формируются в предложении, естественно, что свои синтаксические отношения они конкретизируют в предложении под влиянием контекста.

Литература и источники

Игнатъев Н.В. Айырөн нälмй произведенивлä: Кок том доно лäктеш. I том / Н.С.Кадыков поген.-Йошкар-Ола: Мары книга издательство, 1995.- 468 с.

Петухова Л.А. Глагольно-именные словосочетания в марийском языке. - Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1980.- 108 с.

ПАРАЛЛЕЛИ СЕВЕРНОРУССКИХ СЛОВ *ДА/ДАК* НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ

Марья Лейнонен
Тампере, Финляндия

I. Особенность частиц *да/дак* в конце предложения отмечалась в русской диалектологии неоднократно, так как современному русскому языку не свойственно употребление конечных служебных формантов ни на морфологическом, ни на синтаксическом уровне. А.Б.Шапиро отметил в своей монографии «Очерки по синтаксису русских народных говоров», что «видимо, до полного истолкования этих особенностей ещё далеко: необходимо прежде всего накопить фактический материал, разобраться в нём и затем уже искать объяснение установленных фактов... Возможно, что в дальнейшем для окончательного решения затронутого вопроса придётся обратиться к синтаксису других языков, которые могли в данном случае оказать влияние на синтаксическую структуру предложения некоторых северновеликорусских говоров, например, к синтаксису языков финской группы» (Шапиро, 1953: 20-21).

Русская диалектология, однако, продолжала рассматривать употребление частиц *да/дак* в разных позициях высказывания без учёта ареальной лингвистики. Например, Р.Ф.Пауфошима, исследуя просо-

дию севернорусских говоров пришла к выводу, что союз *дак*, вероятно, выполняет ритмическую функцию (Пауфошима, 1983: 76).

С.К.Пожарицкая (Русская диалектология, 1997: 126-131), говоря о севернорусских диалектах, отмечает, что частота встречаемости *дак* в диалектной речи обусловлена тем, что этот союз употребляется в конце синтагмы как показатель её границ, выполняя одновременно и ритмизирующую роль, и функцию коннектора с неопределённой семантикой: Мать умерла *дак* / семь штукшек ребятишек осталось *дак* / отец старой был *дак* / сторожил все / на дворах / а заболел *дак* / умер уж / годов тридцать есть уж.

В.В.Колесов (Русская диалектология, 1997: 166) обращает внимание только на позицию в середине: он называет *дак* актуализатором высказывания. В севернорусской речи *дак* вводит обычно наиболее важную в коммуникативном отношении часть высказывания, его ядро: А черника-то *дак* та уж завя-залась, она, говорят, бела, ей не убило, не опсхло.

Специально на конечную частицу *дак* обратила внимание М.Н. Преображенская, отмечая, что синтаксическая функция частицы принципиально отличается от её функции в начале предикативной единицы, где можно говорить об аналогичном статусе *дак* и коррелята *так* общерусского языка. «Здесь же мы имеем дело с особым формантом, с помощью которого строятся сложные конструкции с широким кругом семантико-синтаксических отношений обстоятельственного характера между частями» (Преображенская, 1985: 68).

Далее, она отметила, что употребление частицы *дак* в позиции заключительного компонента предложения является «самым экзотическим, необычным для носителей русского языка». По её мнению, могло иметь место ареальное влияние, так как севернорусские говоры долго развивались в тесном контакте с речью нерусских жителей Севера. Ссылаясь на К.Е. Майтинскую (1982), Преображенская высказывает гипотезу, согласно которой местные жители при освоении русского языка сохраняли модель употребления замыкающего союза *да* при выражении как сочинительных, так и подчинительных семантико-синтаксических отношений и одновременно усваивали русскую модель с коррелятом *так* в начале второй части подчинительных конструкций. Это могло привести к обобщению *дак* как форманта подчинения. Модель с замыкающим служебным словом продолжала работать и для *дак* (при подчинении), и для *да* (при сочинении) (Преображенская, 1985: 68).

По данным Архангельского областного словаря, функции конечных частиц *да/дак* частично совпадают: пояснение (С рыбой пироги – рыбкины *да*, Обратная сторона – лева *дак*), усиление смысловой завершенности (Опеть так в горле болид *дак*), законченность (Него тут уж заклевали оводы *да*), причинно-следственные отношения (А мало нонь ходят – некогда *да*, Она давно не роботат, больна *дак*). Конечное *дак* передаёт также условные (Фставай буди, охота *дак*) и временные отношения (Восток реку ставит, восток реку и плавит, задуйод *дак*) (АОС, 10, 1999).

II. На параллели между севернорусскими говорами и пермскими языками указал Б.А. Серебренников, отмечая, что конечное положение, столь типичное для пермских подчинительных союзов, присуще также некоторым союзам в севернорусских говорах, например: Иди, пошёл, *дак*. – т.е. Иди, если пошёл. (нижня Вычегда) (Серебренников, 1963: 376).

Дак в коми литературном языке не употребляется, зато активизируется употребление конечного союза *да* во временной и каузальной подчинительной функции, причём подчинительная часть может или предшествовать, или следовать главной части. Отношения могут быть сочинительные: Онi абу тов, ыв-лаын шойтоны том йозыд ю берегын пукалоны *да* «Сейчас не зима, на улице гуляет молодёжь, и сидят на берегу реки» (Напалков, 1997), временные: Сiйö шуас: «Дядьö, ме тэныд мыйкö сыла, доддяд пукся *да!*» – «Он скажет: «Дядя, я тебе что-то спую, как сяду в твои сани!» (Wichmann, 1916: 77), каузальные: При-станьодз миянсянь куим верст: пароход тутостом борын этша нин суан: вит минут сомын сулало *да* – «До пристани от нас три версты: после свистка парохода не успеешь на него: всего пять минут стоит» (Небдiна Виттор, 1985) или обосновывается речевой акт или действие: Эн бöрд, Öгаш, ме ловья *да* – «Не плачь, Агафья, я ведь живой». (Шахов, 1998). Контекст решает интерпретацию данного отношения, но при конечном *да* значения временного следования и обоснования действия преобладают. В простых предложениях часто имеется оттенок закрепительности (Лейнонен, Лудыкова. Рукопись).

Вторая часть гипотезы Преображенской предлагает *дак* как скрещение частиц *да* и *так*. Некоторые явления прибалтийско-финских языков могут применяться в защиту такого предположения.

В финском языке *niin* «так» как коррелят между предложениями имеет старые корни, в грамматических описаниях XIX в. оно является нормальным, хотя факультативным элементом (Vilkuna, 1997: 55-56). В устной диалектной речи *niin* также употребляется в конце высказывания, придавая ему оттенок закрепительности, утверждения, очевидно так же, как и севернорусское *да*: Jokin oli sitte astia, mista sai

juara *niin* «Какой-то был потом сосуд, из которого можно было пить *да*» (Hattula, 1878 Архив КОТУС). В восточных диалектах употребляется даже двойной коррелят *niin ni*: Ja kevvaalä jos oes mannam Mikkeli taek kaorpuntii niinkum Mikkeliin *niin ni*, ei ne kalliita ollu, isotkaak kalag satavakkaa kilo *nii* (Juva, KOTUS) «И весной, если бы поехать в Миккели или в город такой, как Миккели то так, они не были дорогие, и большие рыбы и сто не стоили кило да».

В вепском языке соотносительным словом является *ka* «то/так» (< katso «смотри») (Kettunen, 1943: 551-556). В 30-е гг. финский исследователь истолковал конечное слово *ka* как эллипсис последующей предикации (Parahod ej azotanuze, d'ol om *ka*... «Пароход не остановился, ветрено есть да») (Kettunen, 1943: 221). Так же, как и в севернорусских диалектах, видимо, эллипсиса тут нет, а *ka* является инструкцией искать связность с предыдущим, обусловленность: Nece neidine pirgaized ajaskanz, kasttihe *ka* «Эта девушка начала пироги скать, велели дак». (Vepsän rahvhan sarnad, 1996: 61, 63).

В словаре карельского языка *ka/ka/ga* даётся как союз или коррелятивное слово между предложениями, а также как наречие без определённой семантики: Eletah ollah *ga* «Живём поживаем да» (Karjalan kielen sanakirja II, 1974).

III. Вепсы и карелы находились в длительных контактах с восточными славянами. Северные ареалы Карелии, однако, продолжали иметь контакт с финскими диалектами, что поддерживал и приток переселенцев из Финляндии. Таким образом, в северной Карелии *n'i* продолжало употребляться как коррелят. В итоге получается следующая схема:

	S «то» S	конец
Финский	<i>niin</i>	<i>niin</i>
Карельский	<i>n'i/ka/ga</i>	<i>ka/ga</i>
Вепский	<i>ka</i>	<i>ka</i>
Русский	<i>дак/так</i>	<i>да/дак</i>
Коми	<i>сэки</i>	<i>да</i>

Таким образом, функции *niin*, *ka*, *дак* и *да* совпадают как коррелят. Конечное слово *дак* в русском и коми *да*, очевидно, развили более сильную функцию причинно-следственности. При подобном параллелизме и переименовании функций представляется возможным, что при смене языка применяли новое слово в уже знакомых функциях, в знакомой позиции. Употребление таких коротких служебных слов представляет собой универсальную тенденцию создания связи между предикациями. Ареальное влияние, в свою очередь, проявляется при смене языка именно в фонетике и синтаксисе, между тем как лексика и морфология чужого языка будут освоены полностью, кроме названий местных реалий и топонимики. В то же время, долговременное соседство языков приводит к частичному билингвизму, при котором оба языка могут претерпевать одинаковые изменения на всех уровнях языка (адстратное влияние) (Thomason, Kaufmann, 1988).

Литература и источники

- Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. В.10 т.- М., 1999.
- Лейнонен М., Лудыкова В.М. Конечное слово *да* в коми языке и в севернорусских говорах. Рукопись.
- Майтинская К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках.- М., 1982.
- Пауфощима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах.- М., 1983.
- Пожарицкая С.К. Русская диалектология.- М., 1997.
- Преображенская М.Н. Служебное слово *дак* в севернорусских говорах // Восточные славяне: Языки. История. Культура. К 85- летию академика В.И. Борковского.- М., 1985. С. 65-72.
- Русская диалектология / Под. ред. В.В. Колесова.- М., 1998.
- Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков.- М., 1963.
- Karjalan kielen sanakirja II.- Helsinki, 1974.
- Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. SUST LXXXVI, Helsinki.
- Thomason, S.G., Kaufmann, T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley and Los Angeles. University of California Press. 1988.
- Vepsän rahvhan sarnad. Вепские народные сказки/ Сост. Н.Ф.Онегина.- Петрозаводск, 1996.
- Wichmann, Y. Syrjänische Volksdichtung. SUST 38, 1916.
- Vilkuna, M. The particle *ni* in Finnish. // Jenny Cheshire, Dieter Stein (ed.) Taming the Vernacular. From Dialect to Written Standard Language. London and New York, Longman 1997, 51-67.
- Напалков В. Шойтцм крест // Войвыв кодзув, 1997.- № 6.- С. 3-42.

ЯВЛЕНИЕ ОМОНИМИИ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

А.С.Лобанова

Пермь

Коми-пермяцкая омонимия как многоплановое языковое явление до настоящего времени не была предметом научного исследования. Так, в вузовском учебнике "Коми-пермяцкий язык" 1962 г. омонимии уделено 19 строк.

Учитывая неоднозначное отношение к названному языковому явлению ученых-лингвистов, в частности, в области разграничения, омонимии и полисемии, омонимии и категориально недифференцированных слов, придерживаемся определения, предложенного в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «омонимия – звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом» (1990: 344-345).

В первом опыте выявления отдельных моментов омонимии коми-пермяцкого языка мы не можем претендовать на окончательное решение рассмотренных здесь вопросов. В названном языке можно выделить лексические омонимы, омоформы, омографы, омофоны, оморфемы, синтаксические омонимы. Имеют место и омонимичные фразеологизмы, которые следует рассматривать в составе лексических омонимов. В данной работе мы оставляем без анализа синтаксические и фразеологические омонимы.

Лексические омонимы, или собственно омонимы – слова, которые по своему звуковому составу совпадают во всех грамматических формах. В коми-пермяцком языке таких омонимов немного, как правило, это имена существительные. Приведем некоторые из них: **бан** "береста" и "лицевая часть"; **боба** "дитяtko" (фолькл. герой) и "бабочка, мотылек"; **кыр** "дятел", "самец", "обрыв" и др.

Данную группу слов дополняют омонимы, в составе которых встречаются диалектные и устаревшие слова: **дзез** "брюхо" и чур. "пищуха" (птица); **ляпа** "вошь, живущая в волосистой части" и нердв. "мелкая рыба, мальки"; **сой** "сестра" и уст. "рука от кисти до плеча" (ср. лит. **кисой** "предплечье"); **сю** "зерно" и уст. "кишка" (ср. лит. **сітансю** "толстая кишка") и др.

Собственно омонимы могут образовываться и под влиянием русского языка, напр.: **сыр** "бахрома" и "сыр"; **раб** "гуша" и "раб"; **кабала** "письмо — обращение к лешему, написанное на бересте и обязательно содержащее определенную просьбу" и "кабала" и др. Сегодня в речи коми-пермяков довольно распространены и такого рода заимствования, как **ложа** "ложе" (в театре) и "ложе" (ружья), **лишай** "лишай" (мед.) и "лишайник" (бот.); **мат** "мат" (спорт.) и "мат" (шахм.) и др., т.е. чисто русские омонимы.

К собственно омонимам относятся и такие примеры, как **баба** "баба, бабушка" и лев. "бабуха"; **бобыль** "бобыль" и сев. "бабочка"; **бурундук** "бурундук" и "площадка в сенях"; **стопа** "куча" и "ступня".

Лексические омонимы изредка встречаются и среди глаголов, напр.: **кыйны** "ткать" и "ловить"; **вачкисьны** "быть похожим" и "хлестать себя"; **мынтыны** "заплатить" и сев. "освободить"; **воны** "зреть" и "становиться".

Т.И.Прокушева в коми-зырянском языке в составе собственных омонимов рассматривает и омонимы частичные. К ним относятся группы слов, у которых при словоизменении или словообразовании появляются так называемые вставочные звуки **к, т, м, й** (Прокушева 1984: 41). Для коми-пермяцкого языка это явление менее характерно, хотя аналогичные примеры нами также зафиксированы: **кос** [коск] "поясница" и **кос** "промежек, часть зарода между двумя стожарами"; **кось** [коськ-] "мель, пережат" и **кось** сев. "сражение, драка".

Самую значительную группу в коми-пермяцком языке составляют омоформы, когда совпадают только отдельные формы слов.

Во взаимоотношение могут вступать различные части речи, как знаменательные, так и служебные; в этом языковом явлении принимают участие и изобразительные слова. Как и в случае полной омонимии, в составе омоформ встречаются диалектизмы и заимствованные слова.

Рассмотрим отдельные случаи омоформ:

1. Коррелятивы существительного в начальной форме и глагола повел. накл. ед. ч., а также отрицательной формы глагола 1, 2, 3 л. ед. ч. наст. и очев. прош. времени: **сей** "глина" и "ешь"; **кай** "пти-

ца” и “поднимайся”; **кер** “бревно” и “делай”; **кор** “листва” и “проси”; **шыр** “мышь” и “стриги”; **пу** “де-рево” и (эг) **пу** “я не варил”; **дор** “край” и (он) **дор** “ты не куешь” и др.

2. Омоформы в исследуемом языке составляют и коррелятивы имени существительного и прилагательного (как качественного, так и относительного, как одноморфемного, так и прилагательного, состоящего из нескольких морфем): **горш** “горло” и “жадный”; **сера** онк. “смола” и “серый”; **кока** “крестная мать” и “ножной, с ногой”; **быд** “постриг с одной овцы” и “любой, всякий”; **вõра** “вымя” и “лесистый”; **дуб** “дуб” и “несоленный”; **гов** “голавль” и “бедный” и др.

3. Омоформой следует считать и такой коррелятив, как качественное и относительное прилагательное, формы которых совпадают только в исходном положении и в форме множественного числа, а степени сравнения и степени качества присущи только качественному прилагательному: **гора** “звонкий” и **гора (керку)** “печной, дом с печкой”.

4. Имя существительное и наречие: **тшõка** “подбородок” и “густо”; **кызд** “берёза” и “каким образом”; **сёрõн** “перекладиной для одежды” (форма твор.пад.) и “поздно”; **рама** “рама” и “скромно, смиренно” и др.

Приведенные далее коррелятивы в коми-пермяцком языке являются менее употребительными.

5. Существительное и причастие: **герскан** “коростель” и “скрипучий”.

6. Существительное и частица: **вон** “брат” и част. “вон”; **ли** “комбий, мезга” и част. “ли”; **вот** ист. “подати” и част. “вот” и др.

7. Существительное и послелог: **етш** “сила” и посл. “приблизительно, около”, **ведра етш** “с ведро”.

8. Существительное и союз: **коли** сев. “шишка” и “если, поскольку”.

9. Прилагательное и глагол: **вежа** “святой” и “я поменяю”.

10. Глагол и частица: **разь** “разбери” и “разве”; эд (**гижõ**) “вы не написали” и “ведь” и др.

11. Прилагательное и изобразительное слово: **тшõк** “густой” и **тшõк мунны** “поперхнуться, подавиться”; **кам** “сильный, крепкий (человек)” и **кам усьны** “упасть с шумом, грохотом” и др.

12. Наречие и послелог: **гõгõр** “повсюду” и “около кого-, чего-нибудь”.

13. Существительное и изобразительное слово: сев. **няп** “шиповник” и **няп керны тырплезõн** “шлёпнуть губами”; **паз** “паз” и **паз лõгасьны** “разругаться, сильно поссориться”.

14. Существительное и междометие: **ой** “ночь” и межд. “ой”; **Ой, кызд ме повзи**. “Ой, как я испугался”.

Омофоны — слова, которые одинаково произносятся, но у которых разное написание; в коми-пермяцком языке они встречаются довольно редко, как правило, это лексемы, где происходят различного рода ассимилятивные явления и при их написании учитывается морфологический принцип орфографии, напр.: южн. **вуксõ** [вуксõ] (< вук < лук “лук”) и **вугсõ** [вугсõ] (от вуг “скоба”), оба слова в винит. падеже при лично-притяжательном склонении; **пõртчõтись** “превращающий во что-либо” (от **пõртчыны** (превращаться)) и **пõрччõтись** “разувающий” (от **пõрччõтны** “разувать”) и др.

В отличие от коми-зырянского языка в коми-пермяцком имеют место омографы — слова, имеющие одинаковое написание, но различное ударение. Рассмотрим некоторые примеры: **тыõt** “по озеру” и **тыõt** “заманчивый”; **тури** “журавль” и **тури** “я много ходил, напрасно ходил” (**турны** от избр. сл. **турбар**); **карта** “карта” (геогр.) и **карта́** “хлев”; **сюри** “я попался” и **сюри** “цевка, катушка для пряжи”; **нõра** “жалобно, скорбно” и **нора́** “нора”; **пола** “я боюсь” и **пола́** “пола”; **дõрись** “крайний” и **дõрись** “кующий” и др. Как показывают приведенные выше примеры, при образовании омографов значительная роль отводится русским заимствованиям (по сравнению с другими видами омонимии, когда собственно омонимы, омоформы, омофоны в большей части базируются на исконном языковом материале).

Наряду с перечисленными выше группами омонимов в коми-пермяцком языке имеют место и многочисленные омоморфемы. Подробный анализ и описание этого интереснейшего явления требует целого исследования, в большей части связанного с исторической грамматикой коми-пермяцкого языка. В представленной работе, ограниченные определенными рамками, мы остановимся лишь на отдельных случаях.

1. В исследуемом языке обычным явлением считается наличие в составе одного слова двух омонимичных суффиксов. Как правило, один суффикс — словообразовательная морфема, другой — словоизменятельная морфема.

Например:

-**ось**: **са-ось-ось** “запачканные сажей”, от **са** “сажа”; **ви-ось-ось** “запачканные маслом” от **ви** “масло”; **бус-ось-ось** “запыленные” от **бус** “пыль” и др. По мнению Г.В.Федюновой, “с’-овые суффиксы существительных и прилагательных имеют общий источник” [Федюнова 1985: 51];

-**ыт**: **ыдж-ыт-ыт** “твой большой”; **вольк-ыт-ыт** “твой гладкий”; **неб-ыт-ыт** “твой мягкий” и др.;

-**от**: **йорт-от-от** (**пырис**) “зашел через загон”; **пык-от-от** “по подпорке”; **чышк-от-от** “по полотенцу” и др.;

-**ись**: **Уджались** [уджал-ис’-ис’] **петас** толк. Из рабочего выйдет толк”. Эта **велотисись** [влот-ис’-ис’] **ме** пола. “Этого учителя я боюсь.” и др.

Список примеров аналогичного характера можно продолжить.

2. Вторую подгруппу составляют идентичные суффиксальные морфемы, также выполняющие различные функции и встречающиеся в составе отдельных слов:

-**а**: как адъективирующий суффикс: **чышьяна** “в платке”; **деньгаа** “денежный” и др.; как показатель наст. и будущ. прост. врем. ед. ч. 1 л. у глаголов: **гига** “я пишу” и “я напишу”; **муна** “я иду” и “я пойду” и др.;

-**от**: как суффикс порядковых числительных: **куимот** “третий”, **витот** “пятый”; как словообразовательный суффикс глаголов: **гördötnы** “покраснеть”, **лöзötnы** “посинеть”; как субстантивирующий суффикс: **отсöt** “помощь, поддержка”; **шогöt** “болезнь” и др.;

-**ов**: как словообразовательный суффикс имен существительных: **оськöv** “шаг”, **юкöv** “пробор” и др.; как показатель степени качества прилагательных: **ыджытöv** “великоват”, **небытöv** “мягковат” и др.;

-**ө**: как суффикс вступительного падежа: **вөрө** “в лес”, **киө** “в руку” и др.; как показатель 3 л. наст. вр. ед. ч. у глаголов: **вөрө** “он шевелится”, **мунө** “он идет” и др.; как лично-притяжательный суффикс 1 л.ед.ч. **вөрө** “мой лес”, **вонө** “мой брат” и др.

Аналогичных оморфем, имеющих место в коми-пермяцком языке, сегодня довольно много. Коми-пермяцкий язык богат различными видами омонимов, большая часть которых образовалась за счет своих внутренних источников.

Литература и источники

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1976.
Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. - М., 1985.
Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // В.В.Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М., 1975.
Коми-пермяцкий язык. Учебник для вузов.- Кудымкар, 1962.
Лингвистический энциклопедический словарь.- М., 1990.
Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). - М., 1974.
Прокушева Т.И. К вопросам омонимии в коми языке // Вопросы лексикологии и словообразования в коми языке. - Сыктывкар, 1984.
Рогов Н.А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. - СПб., 1969.
Современный коми язык. Лексикология. - М., 1985.
Федюнова Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. - М., 1985.
Цыпанов Е.А. Разграничения оморфем в коми языке. - Сыктывкар, 1988.

Условные сокращения

- лев. — левичанский говор косинско-камского диалекта коми-перм. языка
нердв. — нердвинский диалект коми-пермяцкого языка
оньк. — оньковский диалект коми-пермяцкого языка
сев. — северное наречие коми-пермяцкого языка
чур. — чураковский говор косинско-камского диалекта коми-перм. языка
южн. — южное наречие коми-пермяцкого языка.

ношения, которые дополняются указанием на содержание. В большинстве случаев данное прилагательное выполняет предикативную функцию, но может быть и в роли определения. Если прилагательное озыр выступает в качестве предиката, то управляемое им слово находится справа от него, а само управляющее стержневое слово – в постпозиции по отношению к субстантивному слову в номинативе: Уна пув вотісны, парма озыр вöлі вотöснас (Напалков 1988: 152) «Много брусники (они) собрали, парма богата была ягодами».

Если же данное прилагательное выполняет атрибутивную функцию, то облигаторный зависимый компонент находится в левой позиции, его местоположение является фиксированным, как и любое определяющее слово должно находиться в препозиции по отношению к определяемому. Само же прилагательное располагается перед определяемым существительным, которому оно подчиняется. Управляемое субстантивное слово и прилагательное озыр представляют собой информативно неделимое сочетание, занимают одну синтаксическую позицию: Чöсмасынторьясöн озыр пызан сайын пукалісны Ольга, Нина Петровна (Напалков 1994: 112) «За столом, богатым угощениями, сидели Ольга, Нина Петровна».

Прилагательное озыр без зависимого распространителя может быть использовано только в широком значении «всем богатый», когда не имеет ограничительного значения «чем-то богатый»: Сійö зэв озыр «Он очень богатый».

Противоположное по значению прилагательное скуп «скупой» также способно управлять творительным падежом, кроме того, оно управляет и послеложным существительным, в этом случае наблюдается двойное управление: Батьö скуп челядыс дорö, мян дорö, сёрнинас, ошкöмнас ... (Шахов, 1988: 55) «Отец (наш) скупой к детям, к нам, и разговором, и похвалой».

Творительным падежом управляет и прилагательное тыр «полный». Оно для выражения полноценного значения, для конкретизации своего содержания обязательно требует зависимого распространителя. Распространяющее субстантивное слово в форме творительного падежа выполняет объектно-ограничительную функцию. При выполнении данным адъективом предикативной функции зависимый компонент – как и при адъективе озыр – занимает первую позицию (а), а если же оно выполняет роль определения, то распространяющее слово занимает левую позицию (б): (а) Зептыс öд сылön век тыр юмов кампетьясöн (Изъюров 1984: 50) «Его карманы всегда полны сладкими конфетами». (б) Клоп корсис первосортій вör, но таысь на ёнджыка сылы коліс озырлунöн тыр Коми крайысь му площадь (Юхнин 1981: 229) «Клоп искал первосортный лес, но больше этого ему нужны были площади земли Коми края, полного богатствами».

В предикативной функции часто употребляется заимствованное из русского языка прилагательное рад «рад, радостный», выражающее эмоциональное отношение субъекта к объекту. Названное прилагательное управляет дательным падежом имени существительного или местоимения, который является облигаторным, при его вербальном отсутствии передающему и принимающему информацию он бывает известен из речевой ситуации или контекста. Прилагательное рад требует обязательного одушевлённого подлежащего; объектом, на которое распространяется данное эмоциональное отношение, может быть одушевлённый и неодушевлённый предмет: Кёр дорын ветлысьяс пыр радöсь ловья мортыдлы (Рочев 1984: 429) «Оленеводы всегда рады живому человеку». ...абу рад пырöмыслы, мыктавны кутіс (Шахов 1988: 107) «... не рад (он), что зашёл (букв. его заходу), заикаться начал».

Валентность прилагательного рад является вариативным (или дублетным). Оно может также управлять и послеложными субстантивными или местоименными словами: Марпа аддзис, мый верöсыс ас вылас абу рад, да водзö эз мöд юасыны (Юхнин 1981: 44). «Марфа заметила, что муж (её) себе (букв. на себя) не рад, и дальше расспрашивать не стала», ср. Аслыс абу рад «Себе не рад».

Способностью управлять дательным падежом обладает и прилагательное дона «дорогой», выступающее в предикативной функции и выражающее оценочное значение. Сильноуправляемая форма дательного падежа обозначает адресата: Арся дженьыдик лунъясыс вöралысьяслы вöліны донаöсь сідзи жö, кызди пöк лэдзысь черияслы донаöсь тувсов лунъяс, кöть кутшöм лёкöсь найö эз вöвны (Юхнин 1981: 113). «Короткие осенние дни для охотников (букв. охотником) были так же дороги, как и нерестящимся рыбам дороги весенние дни».

Без зависимого компонента происходит сдвиг в значении данного прилагательного, оно начинает выражать своё прямое значение: Лавкаас öні ставыс зэв дона «В магазине сейчас всё очень дорого».

Падежной формой зависимого слова способно управлять прилагательное мелі «ласковый». Оно является информативно достаточным, может употребляться абсолютно не требуя облигаторного распространителя. Но в отдельных высказываниях при нём возможно использование зависимого компонента, выражающего объектно-ограничительное значение. Предикативный адъектив мелі требует одушевлённо-

го подлежащего и постановки распространяющего слова в соединительном падеже: Сійб пыр вõлі мелі том уджалысьяскõд, кужліс казавны налысь унатор (Изьюров 1984: 298) «Она всегда была ласкова с молодыми работниками, умела у них многое заметить».

Управлять способны и прилагательные востер «бойкий, остёр», дошлõй «ловкий, смыслённый, дошлый прост.», сюсь «сообразительный, понятливый, толковый, умелый», зиль «старательный, трудолюбивый, работающий», горш «жадный», дыгыл «медлительный, ленивый», крут «крутой», которые дают качественную характеристику, оценку предмета. При прилагательном востер (в определённом контексте – при горш) распространяющие компоненты облигаторны; между стержневыми и зависимыми словами устанавливаются объектно-ограничительные отношения. При других из вышеназванных прилагательных управление, как правило, факультативно; зависимые компоненты при них указывают на объектно-целевые, объектно-ограничительные отношения. Все названные адъективы управляют послеложными существительными. Все они требуют одушевлённого подлежащего. Распространяющее слово располагается слева от прилагательного: Тõда, кыв вылад тэ востер (Изьюров, 1984: 77) «Знаю, ты остёр на язык». Тэ ачыл тõдан, Мишкалы колõ вежбра да удж вылõ зиль гõтыр (Юхнин 1981: 71) «Ты сам знаешь, Мишке нужна толковая и работающая (букв. старательная на работу) жена». Дедõ мян удж вылад вывтї горш да зиль вõлõма (...) (Куратова 1983: 6) «Дедушка наш был очень жадным на работу и старательным».

Отсутствие зависимого компонента при некоторых прилагательных (горш, востер) может свидетельствовать об изменении его значения: расширении или сужении, например, в последнем примере при изъятии управляемого послеложного существительного удж вылад «на работу» значение прилагательного расширится и обозначает признак «вообще жадный, жадный на всё».

В конструкциях, выражающих объектно-целевые отношения, зависимое послеложное существительное можно заменить синонимичным целевым инфинитивом: удж вылõ горш «на работу жадный» и уджавны горш «работать жадный».

Послеложными распространяющими существительными может управлять и прилагательное дась «готовый», выражающее модальное значение и реализующееся в предикативной функции. Управляемое зависимое субстантивное или местоименное слово с послелогом вылõ «на» ограничивает семантику прилагательного дась, обозначает готовность/неготовность субъекта на реализацию только данного объекта: Василий вõлі дась та вылõ (Шахов 1988: 114) «Василий был готов к этому (букв. на это)».

Таким образом, отдельными косвенными падежами или послеложными существительными способна управлять семантически ограниченная группа прилагательных.

Литература и источники

Изьюров 1975 –Изьюров И. Судзõд меным õшкамõшка.- Сыктывкар, 1995; Изъюров 1984 – И.Изьюров Миян грездса нывъяс.- Сыктывкар, 1984; Касаткин 1995 –Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта.- М., 1995; Коданёв 1967 –Коданёв И. Водз чеччан, унджык адзылан.- Сыктывкар, 1967; Куратова 1983 –Куратова Н. Бобõнянь кõр.- Сыктывкар, 1983 Лыткин 1985 –Лыткин В. Дзордзав жõ, Коми му.- Сыктывкар, 1985 Напалков 1988 –Напалков В. Томъяс.- Сыктывкар, 1988; Напалков 1994 – В. Напалков. Ме тиянõс радейта.- Сыктывкар, 1994; Образцы – Образцы коми-зырянской речи.- Сыктывкар, 1971; Рочев 1984 – Рочев Я. Изъва гызьõ. Му вежõм.- Сыктывкар, 1984; Торопов 1982 –Торопов И. Тян.- Сыктывкар, 1982; Ульянов 1992 –Ульянов А. Сьõд ар.- Сыктывкар, 1982; Шахов 1988 –Шахов П. Лõз патефон.- Сыктывкар, 1988 Юхнин 1955 –Юхнин П. Алõй лента.- Сыктывкар, 1955; Юхнин 1981 –Юхнин В. Алõй лента.- Сыктывкар, 1981.

ПРОЗВИЩА ЮЖНЫХ КОМИ

А.Г.Мусанов
Сыктывкар

Прозвища являются одним из ценных источников изучения коми антропонимии, которая до сих пор остается недостаточно разработанной. В данной статье рассматриваются личные прозвища жителей южной части Прилузского района Республики Коми. Часто коми прозвища, данные кому-либо из членов традиционной коми семьи, закреплялись за получившим его лицом и передавались потомкам из поколения в поколение. Такие антропонимы могли появиться еще в языческий (дохристианский) период.

Прозвище, как правило, указывало на то или иное свойство или признак данного лица, часто с отрицательным оттенком. Прозвища подобного рода по своему грамматическому значению чаще всего были именами существительными (*Лагун* "ёмкость для вина из солода"; *Бёчка* <рус. бочка), указывающими на тот или иной признак, реже – именами прилагательными (*Ичёт* "маленький"; *Паськыд* "широкий").

Если говорить о структуре прозвищ южных коми, наиболее распространены прозвища, состоящие из одного компонента. Реже встречаются прозвища-словосочетания и крайне редко – прозвища-предложения, не нужно смешивать с дразнилками. Это объясняется тем, что для языка характерно стремление к упрощению средств выражения. Гораздо удобнее произносить прозвища, состоящие из одного слова, поэтому именованья часто сокращаются за счет устранения одного из компонентов прозвищ-словосочетаний или прозвищ-предложений. Остается лишь главная часть, несущая смысловую нагрузку. В языке закрепляются лишь наиболее звучные, выразительные и легко произносимые прозвища-словосочетания (*тридцать три девизии*) и прозвища-предложения (*не жени меня, мама*) и т.п.

При определении происхождения того или иного прозвища следует иметь в виду тот факт, что слово, от которого происходит прозвище, иногда используется не в прямом, а в переносном значении, причём переносных значений бывает, как правило, несколько. В таких случаях остается лишь предполагать, по какому свойству прозвище присвоено данному лицу, например, *Француз* – прозвище дано человеку, носящему фамилию *Русских*. Некоторые догадки подтверждаются благодаря существованию рассказов и легенд о том или ином имени, например, прозвище *Порсь Катя* «Свинья Катя», появилось потому, что Катя долгое время работала свинаркой в колхозе.

Интенсивное взаимодействие коми и русского языков не могло не отразиться на антропонимической системе коми языка. Появились антропонимы, связанные с этнонимом *Роч*–русский, а также русские по происхождению прозвища: *Шнурок, Лапоть* и т.п.

До сегодняшнего дня сохранили прозвища, связанные с Октябрьской революцией (*Чекист, Опер*). Некоторые из них были присвоены в честь исторических личностей: *Ленин, Сталин, Буденный, Чапай, Гитлер*.

В настоящее время значительное количество прозвищ появляется благодаря кинофильмам и рекламе (*Каратист, Рембо, Шварц, Сникерс*).

Приступая к классификации системы коми прозвищ, необходимо рассмотреть некоторые спорные вопросы.

Наибольшие разногласия вызывают прозвища-рифмующиеся образования, например: *Ольбш-кльбш, тину нёш, гёрд чуман, мыссян доз* – "Алексей-клевш, осиновый чурбан, красный берестяной короб, умывальник"; *Иван Васька-трёш пёрьяська* – "Василий Иванович–круглый обманщик"; *Югов Вань-дыжкуль, странь* – "Югов Иван–лентяй". Эти образования, применяющиеся в конкретных эмоциональных ситуациях, иногда как дружеские именованья одномоментного характера. Автор статьи склонен рассматривать их как своего рода дразнилки.

Второй спорный момент заключается в возможности определения личного имени как прозвища. Поводом для этого может служить адаптация официального имени в коми языке, например, Алексей–коми *Ольбш*, Андрей–коми *Онь* (*Оньчу*), Афанасий–коми *Опонь*, Касьян–коми *Кассян*, Лев–коми *Лёва*, Николай–коми *Микёл*, Петр–коми *Петыр*, Трофим–коми *Трёш* и т.п. Однако, особый характер произношения имени не делает его прозвищем, как и именованья-патронимы типа *Иван Васька* "Василий, сын Ивана", *Паш Онь* "Андрей, сын Павла", *Рёман Мить* "Дмитрий, сын Романа", *Гер Вась* "Василий, сын Герасима", *Онь Як Вась* "Василий, сын Якова, сына Андрея", *Паш Вась Як* "Яков, сын Василия, сына Павла", именованья со словом *-ни* "сын": *Оксёён ни* "сын Аксёна", *Васька ни* "сын Василия", *Грибан ни* "сын Грибана", *Лёгин ни* "сын Логина", *Тима ни* "сын Тимофея", именованья со словом *нук* <рус. внук: *Матвейнук* "внук Матвея", *Фотяну* "внук Фоти". Эти именованья автор относит к личным именам. В данных антропонимах вместо современной трехчленной модели официального именованья, состоящей из фамилии, имени и отчества, наблюдается двучленная формула, включающая в себя фамилию, образованную от имени отца с добавлением или опущением слова *ни* «сын», и имя самого носителя фамилии (ср. арабские именованья по предкам (*Nasab*), включающие имена родителей и более далеких предков с материнской и отцовской стороны: "*Abd ibn umm Kilab*", "*Abd al-rahmān ibn umm al Nakat*" (Казтани 1915: 139; Суперанская 1988: 17) и по предкам (*Nisba*): *al-Aşma'i* - "потомок человека по имени *Aşma'*", *al-Bakari al Siddiqi* – настоящий или вымышленный потомок Абу-бакара, *al-Fāṭimi* – потомок Фатимы бинт Мухаммад (Казтани 1915: 223, 225; Суперанская 1988:17), азербайджанские именованья, в основе которых лежат личные имена отцов: «*Мәммәдгулузада Чәлил*»–«*Чәлил (Джәлил)*, рожденный от *Мәммәдгу-*

лу»; «Афамалыоглу Семәдфа» – «Семәдфа, сын Арамалы» (Саадиев 1988: 88-89), английские именованья (в латинских хартиях именованья образовывались от имени отца в родительном падеже, которому предшествовало слово *filius* «сын»): *Alanus filius Bricii*, *Dugaldus filius Nigelli*, иногда слово *filius* только подразумевалось: *Andress Mauricii*. Наиболее распространенной моделью образования именованний в английском языке стало добавление к личному имени отца слова *son* «сын»: *David Thomson*, *John Thomson*, *Donald Symonson* (Jervise 1882: 166; Федосеева 1988: 194), как и в шведском языке, где слову *son* предшествует имя отца в родительном падеже: *Lars-Gunnar Larsson*, *Nils Karlsson*, *Janet Wagesson*, *Magdalena, Eriksson*.

В семантическом плане прозвища можно подразделить на следующие основные группы: 1. Прозвища, имеющие своей основой слова, обозначающие названия животных, птиц, рыб, насекомых и других представителей фауны: 1) прозвища по названиям домашних животных: *Барко* «баран», *Бычко* «бык», *Мөс* «корова», *Порсь* «свинья»; 2) прозвища по названиям диких животных: *Ош* «медведь», *Кöин* «волк», *Руч* «лиса»; 3) прозвища по названиям птиц: *Вөрөбей* <рус. воробей, *Пака* «ворона», *Тар* «тетерев», *Чыкыш* «ласточка»; зоофорные имена с компонентами названий животных являются наиболее древними и характерны для многих языков, например, у древних германцев: *Wolfrabun* («волк»+«ворон»), *Eberhard* (eber «орел»), у арабов: *Asad* и *Layth* «лев», *Firas* «лев терзающий», *Abas* (бедуин. «лев»), *Arslan* (тюрк. «лев») (Каэтани 1915: 96; Суперанская 1988: 11-12); 4) прозвища по названиям рыб: *Ёди* «лещ», *Ёкыш* «окунь», *Палтус*; 5) прозвища по названиям насекомых: *Гут* «муха», *Комар*, *Лудик* «клоп», *Мазі* «шмель», *Муха*; 2. Прозвища по названиям растений: *Жабрей*, ср. рус. жабрей, жабрик «зябра (раст.) *Galeopsis tetrahit* «пикульник, курятник, петушьи головки, барылек» (Даль, I, 524), *Пину* «осина», *Берега*; 3. Прозвища, отражающие сословие, профессию или пристрастность к какому-нибудь занятию: *Архирей* <рус. архиерей, *Поп*, *Почтар* <рус. почтарь, *Танцор*; 4. Прозвища, характеризующие, положительные или отрицательные черты характера человека: *Горш* «жадный», *Тэрыб* «торопливый», *Баламут*, ср. рус. баламут «сплетник, поселяющий раздор, ссоры» (Даль, I, 41), *Борзый*, *Шарап*, ср. рус. обл. *шарап* «условный грабёж»; *взяты на шарап* «расхватать по рукам, что кому попадет» (Даль, IV, 622); 5. Прозвища, отражающие внешние признаки его носителя: *Гөрба* «горбатая», *Гöгыл* «круглый», *Кузь* «длинный», *Сушник*, ср. рус. сушняк, *Чотысь* «хромая», *Крөмй* <рус. хромой, *Лётнук*, лёт «слабый, вялый», нук <рус. внук – «внук вялого»; 6. Прозвища – названия частей тела человека: *Кватъ чуня*, кватъ «шесть», чуня «с пальцем» – «с шестью пальцами», *Рушк* «живот, брюхо», *Борода*, *Однопалый*.

Предварительный обзор прозвищ, зафиксированных автором на территории южной части Прилузского района, указывает на разнообразие их как в отношении семантики, так и грамматической формы и структуры.

Литература и источники

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз. Т.1. А–З, 1981. – 699 с.; Т.2. И–О, 1981. – 779 с.; Т.3. П, 1982. – 555 с.; Т.4. Р–У, 1982. – 683 с.
2. Саадиев М. Структурные типы азербайджанских фамилий // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М., 1988. – С. 87-93
3. Суперанская А.В. К проблеме типологии антропонимических основ // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М., 1988. – С. 8-19.
4. Федосеева Н.Д. Развитие формул именования людей в Шотландии // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М., 1988. – С. 191-199.
5. Jervise A. History and traditions of the Land of the Lindsays in Angus and Mearns. – Edinburgh, 1882. Vol.2. – P. 166.
6. Caetani L., Gabrieli G. Onomasticon Arabicum. – Roma, 1915. V.1.

ПРИЧАСТИЯ В КОМИ ТОПОНИМАХ
(на материале топонимии верхнего Прилузья)

А. Г. Мусанов, В. В. Понарядов
Сыктывкар

Одной из распространенных моделей образования топонимов является использование атрибутивной конструкции. Множество примеров такого рода можно привести, наверное, из любого языка: рус. *Нов-город*, *Бел-город*; коми *Сыктыв-кар* 'Сысольский город', *Виль-горт* 'новый дом'; англ. *Ox-ford* 'бычий брод'; тур. *Kızıl Irmak* 'красная река'; кит. *Пе-кин* или *Бэй-цзин* (в зависимости от диалекта) 'северная столица', тюрк. *Ак-тау* 'белая гора'; тадж. *Нова-бад* 'новый город'; азербайдж. *Гара-су* 'черная река'.

Для коми топонимии весьма характерны случаи, когда географические объекты именуются по какому-либо действию или событию, с ними связанному, например: *Марья кырём лог* 'ложбина, проделанная Марией'. С грамматической точки зрения каждый такой топоним представляет собой трансформу, описывающего событие предложение. Для приведенного примера это *Марья кырис лог* 'Мария проделала ложбину'. Имя нарицательное, превращающееся в определяемое в трансформе, в исходном предложении выступает как один из актантов глагольного сказуемого, а это сказуемое в процессе трансформации преобразовывается в причастие (или имя действия — в конкретных случаях интерпретация может быть спорной) на *-ан* (для настоящего времени) или *-ём*, диал. *-эм* (для прошедшего времени), которому оказываются подчинены все остальные члены исходного предложения.

Ниже мы для краткости называем такие формы причастиями, даже если предпочтительно (или возможно) понимание их как отглагольных существительных. Это тем более правомерно, что исходным для них, по-видимому, действительно было причастное значение [Понарядов 1999: 146-147]. Как пишет Е. А. Цыпанов, "причастия коми языка сохраняют многие архаичные черты, которые составляют их идеоэтнический элемент, отражающийся, главным образом, в системе образования причастий и их грамматической семантике" [Цыпанов 1997: 4], что проявляется и в совпадении с отглагольными существительными — именами действия.

В зависимости от того, каким членом исходного предложения является определяемое причастием существительное, возможны следующие случаи:

а) подлежащее: *Жборган шор*, *Борган шор*, *Борган ёль*, *Брунган ёль* — все со значением 'шумящий ручей' (образованные от звукоподражаний глагольные основы передают разные виды шума) < *шор* (ёль) *жборгё* (*боргё*, *брунгё*) 'ручей шумит'; *Борган ты* 'шумящее озеро' < *ты боргё* 'озеро шумит';

б) прямое дополнение: *Марья кырём лог* 'ложбина, проделанная Марией' < *Марья кырис лог* 'Мария проделала ложбину'; *Дороня кырём видз* 'луг, созданный Дороней' < *Дороня кырис видз* 'Дороня устроил луг'; *Гёром видз* 'вспаханный луг' < *видзё гёрёмаёсь* 'луг вспахали';

в) обстоятельство места: *Митрей вёйём гён* 'лука, где утонул Дмитрий' < *Митрей вёйис гёнтё* 'Дмитрий утонул в луже'; *Ош кулём му* 'поле, где медведь умер' < *ош кулис (тайо) му вылас* 'в поле умер медведь'; *Тарас чери кьян места* 'место, где Тарас ловит рыбу' < (*тайё*) *местаас Тарас чери кыйё* 'в (этом) месте Тарас ловит рыбу'; *Сур пуан лог* 'ложбина, где варят пиво' < (*тайо*) *логас сур пудны* 'в ложбине варят пиво'; *Вёрёнечё каян туй* 'дорога, по которой забираются в воронек (сырую лесистую ложбину)' < *туй кузя кайёны вёрёнечё* 'по дороге забираются в воронек'.

Особенностью фигурирующих в коми топонимах глагольных форм на *-ан* и *-ём* является их многозначность: они выступают и как активные причастия (*кёчёс кыйём пон* 'собака, поймавшая зайца'), и как пассивные причастия (*кыйём кёч* 'пойманный заяц'), и как отглагольные существительные — имена действия (*кёч кыйём* 'ловля зайцев'). В определительных конструкциях синтаксическое различение этих значений не всегда возможно. В топонимах положение усугубляется отсутствием контекста и повсеместным отсутствием специфически аккузативного оформления у прямого дополнения при глагольной форме. Поэтому очень часто здесь имеет место амбигуэнтность. Приведем два примера.

Кёбыла сёйём нюр может быть понято и как 'болото, поглотившее (букв. 'съевшее') кобылу' (при исходном предложении *кёбылаёс нюр сёйис* 'кобылу поглотило болото'), и как 'болото, где съели кобылу' (< *нюрин кёбыла сёйисны* 'на болоте съели кобылу'), и даже как 'болото, съеденное кобылой' (< *кёбыла сёйис нюр* 'кобыла съела болото'). Конечно, последний перевод с точки зрения семантики сомнителен, но и без него остаются две равновероятных возможности. Грамматически все три перевода совершенно правильны.

Еще больше возможных толкований у топонима *Ош косялём видз*. Это и 'луг, на котором дрались медведи' (< *видз вылын ошъяс (ёта-мёдныхсё) косялісны* 'на лугу медведи (друг друга) драли'), и 'луг, на котором кто-то драл медведя' (< *видз вылын (кодкё) ошкёс косявліс* 'на лугу (кто-то) драл медведя'), и 'луг, который драл медведь' (< *видзсё ош косяліс* 'медведь драл луг'), и даже (теоретически) 'луг, который драл медведя' (< *видз ошкёс косяліс* 'луг драл медведя'). Если событие, послужившее основой для именования, забыто, то определить, какое понимание правильно, совершенно невозможно.

В процессе трансформации, описывающего событие или действие исходного предложения в определительную конструкцию (образующую топоним), отдельные его члены могут быть эллиптированы. Уже приводившиеся примеры трансформируемых в топонимы бесподлежащих предложений со сказуемым в форме 3 л. мн. ч., где действие воспринимается как обобщенно-личное (*Сур пуан лог* 'ложбина, где варят пиво' < (*тайё*) *логас сур пуёны* 'в ложбине варят пиво'; *Вёрёнечё каян туй* 'дорога, по которой поднимаются в Воронец' < *туй кузя кайёны вёрёнечё* 'по дороге поднимаются в Воронец'), могут интерпретироваться и как случаи эллипсиса подлежащего с неопределенно-личным значением: (*кодкё*) *логас сур пуё* '(кто-то) в ложбине пиво варит', (*кодкё*) *туй кузя кайё вёрёнечё* '(кто-то) по дороге забирается в воронец'. Другой распространенный случай — эллипсис нарицательного названия географического объекта, определяемого причастием, типа *Пёрём* < **Пёрём видз* 'заваленный луг' < *видз пёрис* 'луг был завален'. Имеются и более сложные случаи, например: *Васька ош кьян туй* 'дорога, по которой Васька ходит охотиться на медведей' < *Васька туй кузя ветлё ош кыйны* 'Васька по дороге ходит охотиться на медведей' (сказуемое исходного предложения *ветлё* 'ходит' не находит отражения в трансформе, а вместо него в причастие преобразован семантически более значимый целевой инфинитив *кыйны* 'охотиться').

С другой стороны, состав топонима может быть расширен за счет определений к нарицательному имени географического объекта, не входящих в состав исходного предложения (и соответственно его трансформы). Например, в топониме *Виль суйём видз* 'новый луг, очищенный от кустарника', таким определением служит прилагательное *виль* 'новый'.

Выступающие как определения к нарицательному имени географического объекта причастные конструкции с синтаксической точки зрения должны быть охарактеризованы как причастные обороты (обычные — в случае совпадения субъекта исходного предложения с определяемым трансформы, абсолютные — в случае их несовпадения).

Глагольные (причастные) конструкции встречаются в топонимии многих народов — например, финно-угорской, кавказской, тюркской, ср. ненец. *Луца-Хавы-То* 'озеро, где умерли русские'; *Лабанганахой* 'обрушивающийся хребет' [Матвеев 1985: 31]; манси. *Лувыхайтумсяхл* 'гора убежавших лошадей' ('гора, где убежали лошади' - авт.); *Ёвтахниттос* 'ручей висящего лука' ('ручей, где висит лук' - авт.) [Матвеев 1985: 38]; хант. *Kārās ūwtam sāŋxam* 'яр, где высокий (кто-то) крикнул', *Xq wqš am lər* "озеро, где человек потерялся" [Дмитриева, Панченко 1993: 169]; лезг. *Хараринмюг* "впадина, подвергшаяся градобитию" [Ханмагомедов 1990: 16]; казах. *Акантугантал* "тальник, где родился Акан"; *Малахайжогалткан* "где тубетейку потеряли" [Султаньяев 1971: 71], *Бабайульген* "где погиб Бабай" [Керимбаев 1984: 185]; башк. *Галлямбатканурын* "место, где утонул Галлям" [Матвеев 1985: 47].

Общность распространения этой модели в финно-угорской, кавказской, тюркской топонимии должна быть признана вполне закономерной и, по-видимому, связана "в большей степени с кочевым бытом в широком смысле этого слова, чем с земледельческим" [Матвеев 1977: 12-13]. Если сравнить с русской топонимией, то для нее причастные конструкции не характерны, глагольные названия типа *Забегай*, *Разломинога*, *Сядьпокури* и т.п. чаще всего являются императивными [Березович 1998: 137].

Литература и источники

Березович Е.А. Семантическая типология русских топонимов: проблемы, возможности, перспективы // Ономастика и диалектная лексика II. -Екатеринбург, 1998. -С.129-148.

Дмитриева Т.Н., Панченко С.В. Ситуативные названия в топонимии казымских ханты // Язык и прошлое народа. -Екатеринбург, 1993. -С. 169.

Керимбаев Е.А. Об основных типах оронимов Южного Казахстана // Тюркская ономастика. - Алма-Ата, 1984. -С. 185.

Матвеев А. К. Топонимия Урала.- Свердловск, 1985.

Матвеев А.К. Образное народное видение и проблемы ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов //Вопросы топонимастики. -Свердловск, 1977. -С. 12-13.

Еще больше возможных толкований у топонима *Ош косялём видз*. Это и 'луг, на котором дрались медведи' (< *видз вылын ошъяс (ота-мёднысё) косялісны* 'на лугу медведи (друг друга) драли'), и 'луг, на котором кто-то драл медведя' (< *видз вылын (кодкё) ошкёс косявліс* 'на лугу (кто-то) драл медведя'), и 'луг, который драл медведя' (< *видзё ош косяліс* 'медведь драл луг'), и даже (теоретически) 'луг, который драл медведя' (< *видз ошкёс косяліс* 'луг драл медведя'). Если событие, послужившее основой для именования, забыто, то определить, какое понимание правильно, совершенно невозможно.

В процессе трансформации, описывающего событие или действие исходного предложения в определительную конструкцию (образующую топоним), отдельные его члены могут быть эллиптированы. Уже приводившиеся примеры трансформируемых в топонимы бесподлежащих предложений со сказуемым в форме 3 л. мн. ч., где действие воспринимается как обобщенно-личное (*Сур пуан лог* 'ложбина, где варят пиво' < (*тайё*) *логас сур пуёны* 'в ложбине варят пиво'; *Вөрёнечё каян туй* 'дорога, по которой поднимаются в Воронеж' < *туй кузя кайёны вөрёнечё* 'по дороге поднимаются в Воронеж'), могут интерпретироваться и как случаи эллипсиса подлежащего с неопределенно-личным значением: (*кодкё*) *логас сур пуё* '(кто-то) в ложбине пиво варит', (*кодкё*) *туй кузя кайё вөрёнечё* '(кто-то) по дороге забирается в воронеж'. Другой распространенный случай — эллипсис нарицательного названия географического объекта, определяемого причастием, типа *Пёрём* < **Пёрём видз* 'заваленный луг' < *видз пёрис* 'луг был завален'. Имеются и более сложные случаи, например: *Васька ош кьян туй* 'дорога, по которой Васька ходит охотиться на медведей' < *Васька туй кузя ветлё ош кыйны* 'Васька по дороге ходит охотиться на медведей' (сказуемое исходного предложения *ветлё* 'ходит' не находит отражения в трансформе, а вместо него в причастие преобразован семантически более значимый целевой инфинитив *кыйны* 'охотиться').

С другой стороны, состав топонима может быть расширен за счет определений к нарицательному имени географического объекта, не входящих в состав исходного предложения (и соответственно его трансформы). Например, в топониме *Виль суйём видз* 'новый луг, очищенный от кустарника', таким определением служит прилагательное *виль* 'новый'.

Выступающие как определения к нарицательному имени географического объекта причастные конструкции с синтаксической точки зрения должны быть охарактеризованы как причастные обороты (обычные — в случае совпадения субъекта исходного предложения с определяемым трансформы, абсолютные — в случае их несовпадения).

Глагольные (причастные) конструкции встречаются в топонимии многих народов — например, финно-угорской, кавказской, тюркской, ср. ненец. *Луца-Хавы-То* 'озеро, где умерли русские'; *Лабанган-хой* 'обрушивающийся хребет' [Матвеев 1985: 31]; манси. *Лувйтхайтумсяхл* 'гора убежавших лошадей' ('гора, где убежали лошади' - авт.); *Ёвтхантсос* 'ручей висящего лука' ('ручей, где висит лук' - авт.) [Матвеев 1985: 38]; хант. *Kāräs ūwtəm sāŋxəm* 'яр, где высокий (кто-то) крикнул', *Хр врә әт ләр* 'озеро, где человек потерялся' [Дмитриева, Панченко 1993: 169]; лезг. *Хараринмюг* 'впадина, подвергшаяся градобитию' [Ханмагомедов 1990: 16]; казах. *Акантугантал* 'тальник, где родился Акан'; *Малахайжогалткан* 'где тубетейку потеряли' [Султаньяев 1971: 71], *Бабайульген* 'где погиб Бабай' [Керимбаев 1984: 185]; башк. *Галлямбатканурын* 'место, где утонул Галлям' [Матвеев 1985: 47].

Общность распространения этой модели в финно-угорской, кавказской, тюркской топонимии должна быть признана вполне закономерной и, по-видимому, связана 'в большей степени с кочевым бытом в широком смысле этого слова, чем с земледельческим' [Матвеев 1977: 12-13]. Если сравнить с русской топонимией, то для нее причастные конструкции не характерны, глагольные названия типа *Забегай*, *Разломинога*, *Сядьпокури* и т.п. чаще всего являются императивными [Березович 1998: 137].

Литература и источники

Березович Е.А. Семантическая типология русских топонимов: проблемы, возможности, перспективы // Ономастика и диалектная лексика II. -Екатеринбург, 1998. -С.129-148.

Дмитриева Т.Н., Панченко С.В. Ситуативные названия в топонимии казымских ханты // Язык и прошлое народа. -Екатеринбург, 1993. -С. 169.

Керимбаев Е.А. Об основных типах оронимов Южного Казахстана // Тюркская ономастика. -Алма-Ата, 1984. -С. 185.

Матвеев А. К. Топонимия Урала.- Свердловск, 1985.

Матвеев А.К. Образное народное видение и проблемы ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов //Вопросы топониматики. -Свердловск, 1977. -С. 12-13.

Понарядов В. В. Групповое оформление в коми языке // Пермистика: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками.- Сыктывкар, 1999.- С.143-150.

Султаньяев О.А. Принципы номинации в казахской топонимике Кокчетавской области // Вопросы топонимастики. -Свердловск, 1971. -С 71.

Ханмагомедов Х.Л. Топонимия Дагестана. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения. -Красноярск. 1990. -С.16.

Цыпанов Е. А. Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция.- Екатеринбург, 1997.

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОНЕМЫ *j* В КОМИ-ЗЫРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Г.А.Некрасова
Сыктывкар

Во всех диалектах коми-зырянского языка прапермская фонема **j* сохраняет свою фонематичность. Она функционирует во всех позициях фонетической структуры слова, без особых синтагматических ограничений. Например,

анлаут: кз. вв. вым. иж. нв. печ. скр. уд. *йи*, вс. лл. сс. кп. *йы*, удм. *йö* 'лёд; ледяной' < пер. **jō* < **jä* *ηe* (ССКЗД 139; КЭСК 111); кз. кп. кя. *юр*, удм. *йыр* 'голова' < пер. **jur* < **jüre* (ССКЗД 452; КЭСК 335); кз. л. (Об.) скр. кп. *йыв*, вв. (Крч.) вс. лл. печ. сс. удм. *йыл*, вв. (Бог.) вым. иж. *йыы*, нв. уд. *йив*, кя. *йөл* 'вершина; острие; конец' < пер. **jül* (ССКЗД 143; КЭСК 113); кз. л. (Об.) нв. скр. уд. кп. *йöв*, вв. (Крч.) вс. лл. печ. сс. удм. *йöл*, кя. *йöл* 'молоко' < пер. **jel* < **jölz* (ССКЗД 141; КЭСК 112); кз. кп. удм. *яг* 'бор' < пер. **jag* (ССКЗД 454; КЭСК 337);

инлаут: кз. вым. нв. печ. скр. уд. *майтöг*, вв. иж. *майтег*, вс. лл. сс. *майдöг*, удм. *майтал* 'мыло' < пер. **majt-* (ССКЗД 216; КЭСК 168); кз. вс. вым. лл. скр. сс. уд. *майöг*, вв. иж. нв. *маег*, удм. *майыг* 'кол' < пер. **majzg* (ССКЗД 216; КЭСК 168); кз. вым. иж. нв. печ. уд. (Гл.) *сайкыд*, вв. (Бог.) *сайкид*, кп. *саймыт*, кя. *сайкөт*, удм. *сайкыт* 'прохлада, свежесть; прохладный, свежий' < пер. **sajkit* (ССКЗД 328; КЭСК 248).

ауслуаут: кз. кп. кя. удм. *сай* 'пространство, место за кем-чем-либо' < пер. **saj* (ССКЗД 328; КЭСК 248); кз. *вый*, кп. кя. *ви*, удм. *вöй* 'масло' < пер. **vøj* < **wöje* (ССКЗД 71; КЭСК 71); кз. *мой*, удм. *мый* 'бобр' < пер. **toj* < **taja* (ССКЗД 222; КЭСК 173), кз. вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. кп. *сой*, вс. *срй*, удм. *суй* 'рука (от плеча до кисти)' < пер. **soj* < **syja* (ССКЗД 342; КЭСК 260).

При наличии определенных фонетических условий в диалектах коми-зырянского языка отмечаются две противоположные тенденции: сужение и расширение дистрибуции согласного *j* во всех позициях в фонетической структуре слова, что связано с такими процессами, как отпадение, протеза, эпентеза, изменение, ассимиляция. Подробное описание данных явлений в диалектах пока не представляется возможным, отметим лишь основные ареалы распространения каждого из них.

Отпадение фонемы *j* наблюдается во всех позициях в фонетической структуре слова, преимущественно в сочетании с фонемой *i* в пост- или препозиции:

1) в анлауте перед фонемой *i* (реже *ï*) < пер. **i* .:

а) во всех коми-зырянских диалектах, а также в коми-пермяцком языке и коми-язьвинском наречии, например, кз. кп. кя. *ид*, удм. *йыды* 'ячень' < пер. **jüdi* < ф.-перм. **jewä* (КЭСК 109; ССКЗД 136), л. (Об.) скр. *идравны*, лл. печ. вс. сс. *идралны*, вв. (Крч.) *идралні*, вв. (Бог.) *идрооні* 'убирать, прибрать' < пер. **jüdr* (-- Н.Г.) < **jygyr* (ССКЗД 136; КЭСК 109), скр. *иславны*, вс. сс. *ислалны*, л. (Об.) нв. уд. *ыславны*, вв. (Дер.) *ыславні*, лл. *ыслалны*, вв. (Крч.) *ыслалні*, вым. иж. *ыслооны*, вв. (Бог.) *ыслооні*, печ. *исласьны* 'кататься на лыжах' < к. **jüsl-* (-- Н.Г.) < **jysz* (КЭСК 110; ССКЗД 138);

б) в группе диалектов: кз. вс. вым. лл. нв. скр. кя. *иган*, вв. вым. (Вес.) иж. печ. сс. *йиган*, уд. *йигöд*, удм. *йыган* 'засов, задвижка; шеколда' < пер. **jüg-* (КЭСК 109; ССКЗД 135); вс. печ. скр. сс. кп. *йитны*, вв. *йитні*, лл. *йытны*, вым. нв. уд. *итны*, кя. *итнө* 'соединить, связать' < пер. **jüt-* (КЭСК 112; ССКЗД 141);

в) в одном диалекте (говоре): вс. вым. иж. лл. печ. скр. сс. кп. нв. уд. *йирны*, вв. *йирні*, л. (Об.) *ирны*, кя. *йөрнө* 'грызть' < пер. **jür-* < **jürz* (КЭСК 112; ССКЗД 141), лл. печ. скр. сс. кп. вв. уд. (Ваш.) *йир*,

л. (Об.) *ир*, кя. *йер* 'омут, глубокое место в воде' < к. **jir*- < **jürk* (КЭСК 111; ССКЗД 140), вс. вым. л. (Пор.) лл. печ. скр. сс. нв. уд. *йиджны*, вв. *йиджні*, л. (Об.) *иджны*, кя. *йиджнə* 'проникнуть, впитаться' < пер. **jür*- < **jznc* (КЭСК 111; ССКЗД 140).

В удорском, нижевычегодском, вымском и лузско-летском диалектах, коми-язьвинском наречии отмечается функционирование вариативных слов с анлаутным *j* и без него, например, уд. *йи* 'лед' - *кокыд из'ас* 'кокыд йизьяс', *йирт* - *ирт* 'бревенчатый потолок', *йирс'ыны* - *ирс'ыны* 'пасться', *йиш* - *иш* 'омут' (УД 27), лл. Об. *ир* - Лет. Пор. Ч. *йир* 'омут', Об. Пр. *ирмыны* - *йирмыны* 'дрожать, трястись' (ЛЛД 33), нв. *йирка* - *ирка* 'прошва' 'прошивка' (НВД 103), кя. *им* - *йим* 'иголка', *йики* - *ики* 'ость, усик (ячменя)' (КЯД 119), вым. К. Онеж. Синд. *иган*, Вес. *йиган* 'шеколда, задвижка, зашелка' (ВД 243).

2) в ауслауте корневой морфемы:

а) после *i* (< **ü*, **i*) последовательно в коми-язьвинском наречии, спорадически в большинстве диалектов коми-зырянского языка: кз. *вый*, кп. кя. *ви* 'масло' < пер. **vöj* (КЭСК 71; ССКЗД 71; КИРС 70; КЯД 96), кз. вым. иж. лл. кп. печ. вс. скр. сс. нв. *луйны*, вв. *луйні*, уд. *ліны*, кя. *линə* 'выстрелить' (ССКЗД 208; КЯД 140; КИРС 232), вым. иж. печ. скр. сс. уд. нв. *вины*, вв. *вийні*, лл. *вийны*, кя. *винə* 'убить' < пер. **vij*- < **wjδz* (ССКЗД 51; КЯД 98; КЭСК 57);

б) после фонемы *a* спорадически в северных коми-зырянских диалектах: вс. лл. печ. скр. сс. кп. *кайны*, вв. *кайні*, кя. *кайнə*, вым. иж. нв. уд. *каны* 'подниматься' < к. **kaj*- < **kxje*- (ССКЗД 145; КЭСК 115);

3) в инлауте в интервокальном положении во всех коми-пермяцких диалектах, например, лев. *мышь* *мый* 'если что', в.-к. *көин сёис* 'волк съел', доег. *вöис* 'утонул' (КПД 50), спорадически в удорском, вымском, лузско-летском, нижевычегодском, верхнесысольском диалектах: печ. скр. сс. *сийöс*, вс. вым. лл. уд. *сийс*, вв. иж. нв. удм. *сиес* < пер. **s tjes* (ССКЗД 335; КЭСК 255), уд. (Косл.) *муа инö оз шуны* 'почему же не говорят' (УД 27).

Отпадение согласного *j* в анлауте перед переднерядными гласными наблюдается в других родственных и неродственных языках, а именно: в венгерском, мордовских, марийском, финском, а также скандинавских, азербайджанском, турецком. Б.А. Серебренников данное явление объясняет качеством согласного *j*, который относится к слабо артикулируемым фонемам и обнаруживает тенденцию к исчезновению, особенно перед и после гласных переднего ряда (Серебренников 1974, 96-97).

В результате различных фонетических процессов во всех диалектах коми-зырянского языка наблюдается расширение дистрибуции фонемы *j* во всех позициях в фонетической структуре слова.

Протеза фонемы *j* отмечается перед фонемой *e* в коми-пермяцком языке и в коми-язьвинском наречии: кп. *ештыны*, кя. *ештинə*, кз. *эштыны* 'успеть' < пер. **ešt*- (КЭСК 333), кп. *еновтыны*, кз. *эновтны*, удм. *аналтыны* 'оставить, забросить' < пер. **enəlt*- (КЭСК 332); кп. *етиша*, кз. *этиша*, кя. *итиша* 'мало' < пер. **eč*- (КЭСК 332); кп. *ежа*, кз. *эжа*, кя. *ижа*, удм. *ожо* 'дёрн' < пер. **eža* (КЭСК 331). Данное явление не характерно для коми-зырянских диалектов, даже для южной группы, только в вымском диалекте нередко наблюдается протеза *j* в русских заимствованиях с анлаутным *e*: вым. (К.) *экзамент* 'экзамен', *этап* 'этап' (ВД 46). Протеза согласного *j* возможно была в словах: кз. кя. *ен* 'бог', удм. *ин* < пер. **jen*т- (?**en*т - Н.Г.) < **il*та, кз. *ем*, кя. *им*, *йим* 'иголка' < к. **e*т < **ajmā* (КЭСК 99).

Во всех коми-зырянских диалектах, а также в коми-пермяцком языке и коми-язьвинском наречии встречается эпентеза *j* на стыке двух морфем при определенных морфонологических условиях:

1) при стыке корневой морфемы с ауслаутным консонантом и суффиксом -*V(C)*-. В данном случае фонема *j* исторически выступает:

а) как элемент алломорфа корневой морфемы, например: кз. *пон* 'собака' - *понйөн* 'с собакой' - *понлань* 'в сторону, к собаке', удм. *пуны* < пер. **röni* (КЭСК 224), *лым* 'снег' - *лымйөн* 'снегом' - *лымтöг* 'без снега', удм. *лымы* 'снег' < пер. **lüt*з (КЭСК 164), **lüt*и (Н.Г.), кз. *куд* - *кудийыс*, удм. *куды* 'лукошко' < пер. **kudi* (КЭСК 144), кз. кп. *гез* 'веревка' - *гезйөн* 'веревкой' < пер. **gez*з (КЭСК 76). В.И.Лыткин рассматривает согласный *j* рефлексом конечного гласного *i*, отпавшего в коми языке (Лыткин 1957, 66-67).

б) как вставочный звук, возникший по аналогии, например, кп. лл. З. Н. Об. Пор. Ч. *зепйын*, Лет. Ловл. Об. *дзепйын*, ср. вс. нв. *зепын*, лет. Пр. Сл. *дзепын*, вым. иж. скр. уд. *зептын* 'в кармане' (КПД 51; ССКЗД 461; ЛЛД 27), кп. коч. *зепйын* (КПД 51), вым. скр. *бонйыс*, лет. *бонмыс* 'мочало' (ССКЗД 462).

В коми-зырянских диалектах наблюдается непоследовательность эпентезы. Она спорадически проявляется в южных диалектах, особенно в верхнесысольском. В результате взаимовлияния слов со

вставочными согласными и без них развилась междialeктная корреспонденция инлаутных согласных *j* // Ø, *j* // *m*, например, вс. *пoныс*, вым. нв. скр. уд. *пoнйис*, лет. иж. *пoнмыс* 'его собака', вс. *лымыс*, вым. иж. лет. скр. *лымйис*, нв. *лымйис* 'этот снег' (ССКЗД 461). По наблюдениям Р.М.Баталовой, в коми-пермяцких диалектах эпентеза *j* постепенно сужается, на более ранних этапах их развития вставочный *j* употреблялся шире (КПД 51).

2) в интервокальном положении, когда одна или обе фонемы переднеязычные. Такое явление характерно для присыктывкарского, особенно для говоров сс. Вильгорт и Шошка, нижневычегодского, верхневычегодского, лузско-летского, среднесысольского диалектов, непоследовательно проявляется в верхнесысольском диалекте: вс. (Гр. Уж.) *войин*, (Уж.) *воим* 'мы пришли', в коми-язьвинском наречии также при остальных фонемах. Например: кя. *керкуйё* 'в дом', *пуйён* 'деревом', *сайёсь* 'запачканный сажей', *идъя* 'ячменный' (КЯД 57), л. (Об.) лет. скр. сс. *шондя*, вс. вым. иж. л. (Пор.) нв. уд. (Гл.) *шондыа*, уд. (Ваш.) *шоньгея*, кя. кз. вв. вс. скр. сс. нв. *шондя* 'солнечный' (ССКЗД 433), вв. скр. нв. *кяс* 'в руке' (ПСД 31; ССД 22; ССКЗД 462), вв. вым. нв. скр. уд. *кйин*, вс. лл. печ. сс. кп. *кйин*, кя. *кйин*, удм. *кион* 'волк' (ССКЗД 170). В лузско-летском диалекте в интервокальном положении при условии, если одна из фонем переднерядная, а другая лабиализированная, возможно употребление вставочных согласных *j* и *v*: лл. Лет. Об. *пуйисны*, З. *нуйины*, Лет. Пр. Сл. *нувисны*, Пор. *нувины* 'они унесли (увезли)', лл. Лет. Об. *шуйисны* 'они сказали', Об. *шуйи* 'я сказал' (ЛЛД 30). Эпентеза *j* в интервокальном положении в коми-пермяцких диалектах не наблюдается (КПД 52).

В удмуртском языке согласный *j* появляется перед начальными гласными суффиксов после конечной гласной основы слова лишь в некоторых случаях, например, в суффиксах падежей существительных, начинающихся с гласного э: *укноетй* 'из окна', *кульчоен* 'кольцом' (ГСУЯ 45).

В большинстве диалектов коми-зырянского языка отмечается междialeктная корреспонденция фонемы *j* с боковыми согласными или с фонемой *v*.

Корреспонденция согласных *j* // *l*'. Спорадическая замена *j* > *l*' отмечается в большинстве диалектов коми-зырянского языка:

а) в анлауте в говорах сс. Объячево, Ношуль, Читаево лузско-летского диалекта, редко в некоторых говорах верхневычегодского диалекта: вв. вс. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд. *йён*, л. *льён*, удм. *йёны* 'осот полевой' < пер. **jǝ* *һз* (ССКЗД 142; КЭСК 113); вс. лл. печ. скр. сс. *ельдӧг*, вв. *ельдэг*, л. (Об.) *лельдӧг* 'груздь' < ? пер. **jel* *д-* < **jǝ* *һз* (КЭСК 99); кз. *ёль*, л. *лель* 'небольшая лесная речка, лесной ручей' < кз. **jol*', вв. (Устьк.) *лигедчині* 'стучаться', вв. (Нив.) *Люля* 'Юля' (ВВД 68), в вымском, нижневычегодском, присыктывкарском, печорском диалектах иногда в русских заимствованиях: иж. л. нв. *лясьли*, вым. иж. печ. *лясьни*, вв. вс. иж. лл. нв. скр. сс. *ясьли* 'детские ясли' (ССКЗД 455) нв. скр. *лентар* 'янтарь; янтарный' (ССКЗД 196; НВД 129);

б) в инлауте в сочетании со смычным или сонорным согласным: вс. лл. печ. скр. сс. *тупйӧд*, вв. иж. нв. *тупьед*, вым. л. (Об.) уд. *тупльӧд* 'затычка' (ССКЗД 381), вв. л. (Об.) нв. (Гам) скр. сс. *ӧбледь*, нв. (Жеш.) *ӧблидь*, л. (Пор.) *ӧбидь*, уд. *ӧбйӧд*, вым. иж. *ӧбьед*, вс. лет. *ӧбьед* < рус. *объедья* (ССКЗД 263), лл. нв. печ. скр. сс. *ваймыны*, вв. *ваймині*, вс. *вальмыны*, вым. иж. уд. (Гл.) *воймыны* 'истопиться, протопиться' (ССКЗД 36).

Корреспонденция *-j-* // *-l'* имеет нерегулярный характер. Случаи вариативного употребления *-j-* и *-l'* в структуре одного и того же слова отмечается в пределах одного и того же диалекта, например, скр. сс. *войдӧр*, сс. *вольдар* 'прежде, раньше' (ССКЗД 56), уд. (Гл.) *сайпаксьыны*, уд. (Удор.) *сальпаксьыны* 'остыть, стать тепловатым' (ССКЗД 329).

Междialeктная корреспонденция согласных *j* // *l* // *v* развилась после изменения фонемы *l* в ауслауте и в инлауте в сочетании перед другим консонантом (*-l* или *-lC(-)*). Замена фонемы *l* фонемой *j* отмечается преимущественно нуль-эловых, в редких случаях вз-эловых диалектах коми-зырянского языка. Субституция фонемы *l* на *j* происходит:

1) после фонемы *e*:

а) в ауслауте в ижемском и вымском (кроме Синдора) диалектах, реже в говоре с. Усть-Кулом, в качестве исключения в удорском диалекте:

вым. иж. уд. (Остр.) *зэй*, нв. скр. уд. *зэв*, вв. (Крч.) вс. печ. сс. *зэл*, вв. (Бог. Мыелд.) вым. (Син.) *зээ* 'очень' (ССКЗД 134),

вв. (Устьк.) вым. иж. *ней*, л. (Об.) нв. скр. уд. *нев*, вв. (Крч.) вс. лл. печ. сс. *нел*, вв. (Бог.) вым. (Син.) *неэ* 'большой палец' (ССКЗД 278),

вым. иж. *кей*, вв. (Дер.) л. (Об.) уд. *кев*, вс. лл. печ. сс. *кел*, вв. (Устьк.) *кез*, лл. *тел*, вым. *тез* 'невестка (жена одного брата для жены другого)' (ССКЗД 151);

б) в инлауте в ижемском, вымском, удорском, лузско-летском, нижневыхегодском диалектах:

вым. иж. л. (Об.) *кеймыны*, нв. *теймыны*, скр. *кевыны*, печ. сс. *келмыны*, Вв. (Крч.) *келмині*, вв. (Бог. Устьк.) *кезмині* 'молить, умолять' (ССКЗД 151),

вым. иж. уд. *вейт*, л. (Об.) скр. уд. (Гл.) *вевт*, вв. (Крч.) вс. лл. печ. сс. *велт*, вв. (Бог. Дон) вым. (Синд.) *вет* 'крыша, кровля' (ССКЗД 40),

вым. иж. уд. (Остр.) *вейся*, л. (Об.) нв. скр. уд. *вевся*, вв. (Крч.) лл. печ. сс. *велся*, (Бог.) вым. (Синд.) *везся* 'один на другом' (ССКЗД 40),

нв. (Гам) *вейявыны*, вым. *вейёоны*, нв. скр. уд. (Гл.) *вевъявыны*, печ. сс. *велъялыны*, вв. (Крч.) *велъялні*, вым. (Синд.) *везёоны*, вв. (Бог.) *везёоні* 'успевать, успеть' (ССКЗД 41).

2) после фонемы *i* в вымском и ижемском, реже удорском диалектах:

вым. иж. *пий*, нв. уд. *нив* 'туча, облако' (ССКЗД 186),

иж. *пийдны*, уд. *пивъяссыны*, уд. (Гл.) *пивдыны* 'заволакиваться тучами' (ССКЗД 186);

уд. *ний пу*, нв. уд. *нив пу*, л. (Об.) скр. *ньыв*, *ньыв пу*, вв. (Крч.) печ. *ньыл*, вв. (Бог.) вым. иж. *ньыы*, нв. *нив*, уд. (Остр.) *нилѳ* 'пихта' (ССКЗД 250).

3) после фонемы *a* в двусложных словах в ижемском и вымском диалектах:

вым. иж. *майтас*, вв. (Дер.) л. (Об.) нв. скр. *мавтас*, вв. (Крч.) вс. лл. печ. сс. *малтас*, вв. (Бог.) *маатас* 'смазка, мазь' (ССКЗД 215),

вым. иж. *майтны*, л. (Об.) нв. скр. *мавтны*, вв. (Крч.) *малтні*, вв. (Дер.) *мавтні*, вс. лл. печ. сс. *малтны*, вв. (Бог.) *матні* 'мазать, намазать' (ССКЗД 215).

4) после фонемы *ĭ* редко в некоторых говорах удорского и верхневыхегодского диалекта:

уд. (Лопт.) *пыйсян*, вым. иж. вв. (Бог.) *пыысян*, лл. печ. сс. вв. (Крч.) *пылсян*, л. (Об.) скр. уд. нв. *пывсян* 'баня' (ССКЗД 310), вв. (Устьн.) *кыйсис* 'стало известным' (ВВД 50).

Изменение *j* - > *l'* наблюдается во всех удмуртских диалектах, преимущественно перед *-Vk(-)* да *-Vg(-)*, например, кз. *юкны*, удм. *люкыны* 'делить' < пер. **juk*- (КЭСК 334), кз. *йѳг*, удм. *лѳг* 'шишка, волдырь; нарост на дереве' < пер. **jōg* (КЭСК 112). В некоторых диалектах анлаутный *j*- заместился также согласными *d'*, *ʒ* или *dʒ*. Ср., кз. *юр*, удм. *йыр*, *д'ыр*, *ѳр*, *д ѳр* 'голова', кз. *йѳв*, удм. *йѳл*, *д ѳ ѳ ѳ*, *ѳ ѳ ѳ ѳ* 'молоко' (Кельмаков 1993, 41-43; Кельмаков 1998, 94-95). Процесс деканья в коми языке отсутствует. В.К. Кельмаков отмечает, что изменение *j* > *l'* появилось в удмуртском языке по внутренним законам, раньше деканья (Кельмаков 1993, 42-43; 1998, 96).

Корреспонденция согласных *t' // jt*, *d' // jd*. В большинстве диалектов коми-зырянского языка в ин- и ауслауте фонема *j* в сочетании велярными смычными *t* и *d* образует пару с *t'* и *d'*: *t' // jt*, *d' // jd*. Изменение палатальных смычных согласных получило широкое распространение в северных диалектах, особенно в ижемском, вымском, нижневыхегодском. В южных диалектах наблюдается лишь sporadическое изменение. Например,

d' // jd:

ауслаут: вым. иж. лл. печ. скр. сс. вв. *дадь*, уд. (Ваш.) нв. *дайѳ*, уд. (Мез.) *дайѳь* 'санки' (ССКЗД 98), вым. иж. лл. печ. скр. сс. вв. *додь*, вс. *дрдь*, нв. уд. (Вач.) *дойѳ*, уд. (Мез.) *дойѳь* 'сани' (ССКЗД 109), л. печ. скр. сс. вв. *кодь*, вс. *крдь*, вым. иж. уд. нв. вв. (Бог.) *койѳ*, уд. (Мез.) *койѳь* 'как, подобно' (ССКЗД 159);

инлаут: лет. скр. сс. *кодьѳѳѳм*, вс. *крдьѳѳѳм*, вым. иж. вв. *кодьѳѳѳм*, скр. *кодьѳѳѳм*, уд. *койѳѳѳѳм*, *койѳѳѳѳи*, нв. *койѳѳѳѳѳм* 'как, подобно' (ССКЗД 160), вым. лл. печ. скр. сс. *садьѳѳѳѳны*, вв. *садьѳѳѳѳѳнѳи*, уд. нв. *сайѳѳѳѳѳѳѳны* 'разбудить' (ССКЗД 328), скр. сс. *войѳѳѳѳѳр*, вым. вв. (Бог. Крч.) *войѳѳѳѳѳр*, печ. нв. *войѳѳѳѳѳѳѳр*, сс. *вольѳѳѳѳѳѳѳр*, кя. *удѳѳѳѳѳѳѳр*, кп. *удѳѳѳѳѳѳѳѳѳр* 'прежде, раньше' < к. **qđ ȡr* (ССКЗД 56; КПРС 508; КЯД 190; КЭСК 60-61).

t' // jt:

ауслаут: вым. иж. нв. печ. скр. уд. вв. *квайѳт*, вс. лл. сс. *кватъ* 'шесть' (ССКЗД 150), вв. вым. иж. нв. скр. уд. *шайѳт*, вс. лл. печ. сс. *шатъ* 'длинный прут, розга, тонкий шест' (ССКЗД 424), вв. вым. нв. печ. скр. уд. *няйѳт*, печ. сс. *нятъ*, вс. *нетъ* 'грязь, грязный' (ССКЗД 254), вым. нв. *пѳлайѳт*, иж. лл. печ. вс. скр. сс. уд. нв. вв. *пѳлатъ* 'полать' (ССКЗД 288);

инлаут: вым. (Тур.) скр. нв. вв. (Бог. Крч.) *войтва*, вым. (Вес.) печ. вс. сс. *вотьва* 'дождевая вода' (ССКЗД 57), вым. иж. печ. скр. уд. нв. *квайтымын*, вв. *квайтимин*, вс. сс. *кватъымын*, лл. *квадьдас* 'шестьдесят' (ССКЗД 151).

Можно предположить, что в определенный период развития коми-зырянского языка начался процесс веляризации палатальных согласных, изменение $C' > jC$ перед гласными непятого ряда. Изменению подверглись не только мягкие смычные согласные, но и другие консонанты. Например, $s' > js$: вс. скр. сс. вв. нв. (Кокв. Паль. Сл. Час.) *ёсь*, уд. (Гл.) нв. (Айк. Гам Жеш. Меж. Т.-К. Шеж.) *ёйс*, вым. *юёс*, иж. *юэс*, нв. (Айк. Гам Жеш. Меж. Т.-К. Шеж.) *ёйс* 'острый', нв. печ. скр. сс. *ёстыны*, вв. *ёстини*, уд. (Гл.) нв. *ёстыны*, вым. *юёстыны*, иж. *юэстыны*, нв. *ёистыны*, кя. *ёстын* 'заострить' < **jos* 'люб' < **jos* < **jops* (ССКЗД 121; НВД 104; КЯД 121; КЭСК 101), вв. (Бог. Крч.) лл. печ. скр. сс. *восьса*, вым. иж. *воиса*, нв. *войиса*, уд. *вёйса*, вс. *рсьта* 'открытый' < пер. **rs t-* (ССКЗД 61; КЭСК 64); $n' > jn$: вв. вым. лл. нв. скр. сс. кп. *жонь*, кп. гаин. уд. *жойна*, л. (Пор.) печ. *дзойна*, лет. скр. *жонь кай*, кя. *жунь* 'снегирь' < к. **žon* < **š ɣn* (ССКЗД 124; КПРС 142; КЯД 114; КЭСК 102), л. печ. *кёйнёс*, иж. *кёйнэс*, кя. *кёнис*, кп. *кёньёс* 'деревянная посуда, кадушка' < пер. **kɣ ɣ-* ($-ɛs$ да $-an$) (ССКЗД 170; КПРС 192; КЯД 129; КЭСК 139). Веляризация ауслаутных, частично инлаутных, согласных, возможно, компенсировала процесс палатализации анлаутных согласных, особенно в сочетании с переднерядными гласными. Оба фонетических процесса получили широкое распространение в северных диалектах коми-зырянского языка. В коми-пермяцких диалектах и коми-язвинском наречии, спорадически в южных коми-зырянских диалектах наблюдается обратный процесс: $t' < jt$, $d' < jd$, например, кз. вс. печ. скр. сс. *байдёг*, вв. *байдэг*, вым. иж. уд. *байдык*, нв. *байдук*, л. (Пор.) *бадьёг*, кп. *бадег*, кя. *бадюк* 'куропатка' < к. **bajdɣg* < **paδ'tz* (КЭСК 35-36; ССКЗД 17), зк. вым. нв. печ. скр. уд. *майтёг*, вв. иж. *майтэг*, вс. лл. сс. *майдёг*, кп. *матег*, кя. *матиг*, удм. *майтал* < пер. **majt-* (КЭСК 168; ССКЗД 216).

Ассимиляционные явления в сочетаниях согласных характерны для всех пермских языков. Наиболее распространенным является ассимиляция согласного j . В зависимости от характера ассимилятивного изменения согласных сочетания с j можно разделить на три основные группы: $-Cj- > -CC-$, $-Cj- > -CC-$.

1) $Cj > CC$:

скр. нв. *жельявны*, печ. вс. сс. *жельялны*, вв. (Крч.) *жельялні*, вым. иж. *желёоны*, вв. (Вв.) *жельлёны*, кя. *жельяно* 'занозить, зацепить' (ССКЗД 122; КЯД 39), скр. нв. *дулявны*, печ. *дулялны*, вв. (Крч.) *дулялні*, лл. вс. сс. *дуляны*, вв. (Бог.) *дулёни*, л. (Об.) *дуляны*, кя. *дўльлесьтн* 'слонить; наклонить' (ССКЗД 116; КЯД 39), скр. уд. (Гл.) *больявны*, скр. сс. *больясыны*, л. (Пор.) *ва больлясыны*, кя. *польлясьн* 'пузыриться, образоваться водяным пузырям' (ССКЗД 23; КЯД 166), л. (Об.) кп. скр. *додьявны*, лл. печ. сс. *додьялны*, вс. *додьялны*, вв. (Крч.) *додьяні*, вым. иж. *додьёолны*, вв. (Бог.) *додьёони*, вв. *дойдявны*, уд. (Венд.) *дойдявны* 'запрягать' 'запрячь' (ССКЗД 109; КПА 84), скр. *люзявны*, печ. сс. *люзялны*, вв. (Крч.) *люзялні*, иж. *люзьёоны*, уд. нв. *люзьявны*, вс. *люзьялны*, вым. *люзьёоны*, вв. (Бог.) *люзьёони*, лет. *лэзьялны* 'часто ходить, ездить; ходить вереницей, ползать' (ССКЗД 211);

2) $Cj > C'j > CC$:

вым. иж. л. печ. скр. вс. сс. уд. кп. *лыдьдыны*, нв. *лыдьдины*, вв. *лыдьдини*, лет. *лыдйыны*, кя. *ледьдин*, *ледьйин* 'читать; считать' (КЯД 39; КПА 84; ССКЗД 207), вым. скр. сс. *кодйыны*, нв. *кодйины*, вв. *кодйини*, иж. *коддьыны*, печ. *годйыны*, вв. *годйини* 'копать' (ССКЗД 159), л. (Об.) кп. скр. уд. (Гл.) *вевтьтыны*, нв. *вейтьтыны*, *вевтьтыны*, лл. печ. вс. сс. *велтьтыны*, печ. сс. (Иб) *велкйыны*, вым. иж. *веттьтыны*, вв. (Бог. Крч.) *веттьтини*, уд. *вейтьтыны*, уд. (Остр.) *вейтьтыны*, кя. *велтьтин* 'крыть покрыть' (ССКЗД 41; КПА 84; КЯД 39), печ. скр. вв. (Бог. Крч.) *джынъян*, сс. уд. нв. вв. (Дер.) *жынъян*, уд. (Удор.) *жынъян* 'колокол' (ССКЗД 102);

3) $Cj > CC$. Данный вид ассимиляции встречается в диалектах коми-пермяцкого языка, реже в коми-язвинском наречии. Например, кп. *кёссыны*, кз. *кёсйыны* 'хотеть', кп. *пышыны*, кз. *пышйыны* 'бежать' (КПРС 394), кп. *вешшыны*, кз. *вешйыны*, кя. *несётн* (КЯД 39), кз. *несйодны*, кп. *несйотны* 'чихнуть', кп. *морттэз* 'люди', кп. *шыррез*, кз. *шыръяс* 'мышь'.

Ассимиляции подвергается $-j-$:

1) вставочный: вым. иж. лл. скр. вс. сс. вв. *вёла-додья*, уд. *дойдя-вёла* 'запряженная в сани лошадь, запряженная повозка' (ССКЗД 65), вым. скр. *лөддзёсь*, иж. нв. *лөддзесь*, сс. *лоддэсь*, вв. *лөддзесь*, вс. уд. (Гл.) *лөдзёсь*, уд. *лөдзесь* 'изобилующий слепнями, оводами' (ССКЗД 203; ПСД 45), кп. *додья* 'с повозкой' (КПА 83);

2) словообразовательный суффикс: скр. *шпынявны*, сс. печ. *шпыньялны*, вв. (Крч.) *шпыньялні*, вв. (Бог.) *шпынёні*, л. (Об.) *шмыньявны*, нв. *пыньявны* 'улыбаться, ухмыляться' (ССКЗД 435), вым. иж. печ. скр. *медводдза*, лл. сс. вв. *медводдза*, уд. *медвѡддза*, вс. *медрѡддза* 'первый, самый первый' (ССКЗД 219), вым. иж. печ. скр. сс. *кырсьсыны*, нв. *кырсьсины*, вв. *кырсині* 'очищать, очистить от коры' (ССКЗД 188), вым. печ. сс. *визьёбдыны*, нв. *визьёдыны*, скр. сс. *визьёбдыны*, вв. (Крч.) *визьедліні* 'подчеркивать' (ССКЗД 50; НВД 28);

3) в составе суффикса множественного числа существительного: вым. лл. печ. вс. (кроме Кобры) сс. нв. (Меж. Жеш. Гам Айк. Т.-К. Кок.) *чаньяс*, уд. *чаньнес* 'жеребьята', вым. лл. печ. вс. (кроме Кобры) сс. нв. (Меж. Жеш. Гам Айк. Т.-К. Кок.) *кѡччас*, уд. *кѡччес* 'зайцы', скр. (Т.) *каньяс* 'кошки', скр. (В.) *виддзас* 'луга' (ВВД 39; ЛЛД 24; ПД 15; ПСД 45-46, НВД 28; ССД 23; УД 21);

4) в сложных словах: скр. уд. нв. *ульёбѡв*, сс. вв. (Крч.) *ульёбл*, вым. вв. (Бог.) *ульёбѡ* 'свежее молоко' (ССКЗД 398);

5) на стыке двух слов: вс. вым. иж. лл. скр. сс. *кок чунь йылын*, нв. уд. *кок чунь йылын*, печ. *кок чунь нбылын*, уд. *кок чуньнылын* 'на цыпочках' (ССКЗД 161; ПД 15; ССД 23), печ. *уллань нюрѡн*, сс. *он-нань нюрѡн* 'вниз головой' (ПД 15; ССД 23), лл. *чунь нбыл*, *чунь нбыв* 'кончик пальца' (ЛЛД 24-25), скр. *выль люкмѡс* 'новый колодец' (ПСД 45);

6) в заимствованиях: вс. скр. сс. *собраньёбѡ*, вым. иж. печ. вв. *собранье*, лл. *сѡбраньёбѡ*, уд. нв. *сѡбранье*, кп. *собранныѣ* 'собрание' (ССКЗД 341; КПРС 437), л. вс. скр. сс. *платьтѡбѡ*, вым. иж. уд. нв. вв. *платье*, кп. *платье*, иньв. *платтѣ* 'платье' (ССКЗД 287; КПРС 347), кз. *судьёдя* 'судья' (ССКЗД 349).

Следует отметить, что процессы отпадения, субституции и ассимиляционные явления согласного *j* в фонетической структуре слова были уже в прапермский период, например,

а) отпадение *j*:

кз. удм. *си* 'волос' < пер. **s i* < **säje* (КЭСК 254); кз. *шы*, удм. *ши* 'копье, штык' < пер. **šü* < **šije* либѡ **šoje* (КЭСК 325); кз. удм. *пель* 'ухо, уши' < пер. **pel* < **peljä* (КЭСК 218); кз. *ныв*, удм. *ныл* 'дочь, девушка' < пер. **nül* < **nejde* (КЭСК 196);

б) отпадение с ассимиляцией: **lj* > **l*!

**koljz* > пер. **kul* > кз. *куль* 'бес, черт', удм. *кылъ* 'зараза, болезнь заразная' (КЭСК 145);

в) изменение в результате ассимиляции: **lm* > **l'm* > **n'm* > **jm*:

**kolme* > пер. **kol'm* > **køjme* да **køn'te* > кз. *коймѡд*, куим, удм. *куинь* 'три' (КЭСК 128); **pelme* > пер. **pej'm*-, **pej'n*- > кз. *пѡим*, удм. *пень* 'зола' (КЭСК 228);

г) изменение: **j* > **d*!

кз. удм. *бадь* 'ива' < пер. **bad* < **pajz* (КЭСК 35), кз. *кодъ*, удм. *кадь* 'как, подобно' < пер. **kod* < **kija* (КЭСК 127).

Функционирование согласного *j* в коми-зырянских диалектах имеет много общего с его функционированием в других пермских языках. Однако эти общие черты появились уже в процессе самостоятельного развития пермских языков. На основе имеющегося материала можно констатировать, что на синхронном уровне общепермским является ассимиляция *j* (во всех пермских языках), корреспонденция *j* // *l* ('*l*' в южных диалектах коми-зырянского языка, во всех диалектах удмуртского языка), эпентеза *j* (во всех пермских языках, наиболее широкое распространение в коми диалектах). Общекоми характер имеет отпадение *j*, что началось, видимо, уже в общекоми период. Протеза согласного *j* отмечается в коми-пермяцком языке, спорадически в коми-язьвинском наречии. Только в коми-зырянских диалектах встречается корреспонденция согласных *l* // *j* // *v*, которое развилось в результате *l* > *j*, *v* (в нуль-эловых, спорадически в вз-эловых диалектах, имеет довольно позднее происхождение). Все фонетические процессы, связанные с согласным *j*, в коми-зырянских диалектах характеризуются междиалектной непоследовательностью. Рассматривая функционирование *j* на общепермском фоне, можно полагать, что изменения согласного *j* в коми-зырянских диалектах, с одной стороны, были заложены уже в недрах прапермского языка, с другой, имеют типологический характер в виду особенности данной фонемы в консонантной системе.

Литература и источники

ВВД - Сорвачева В.А., Сахарова В.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка.- Сыктывкар, 1966.

ВД - Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка.- Сыктывкар, 1999.

- ВСД - Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка.- М., 1975.
 ГСУД – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология.- Ижевск, 1962.
 ИД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка.- Сыктывкар, 1976.
 Кельмаков В.К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. - М., 1993.
 Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии.- Ижевск, 1998.
 КПД - Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология.- М., 1975.
 КППС - Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь.- М., 1985.
 КЭСК - Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка.- М., 1970.
 КЯД - Лыткин В.И. Коми-зыбвинский диалект.- М., 1961.
 ЛЛД - Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка.- М., 1985.
 Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка 1. Введение. Фонетика.- Сыктывкар, 1957.
 НВД – Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка.- М., 1978.
 ПД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка.- Сыктывкар, 1976.
 ПСД – Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык.- М., 1971.
 Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике.- М., 1974.
 ССД – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка.- М., 1980.
 ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. -Сыктывкар, 1961.
 УД - Сорвачева В.А., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми языка.- М., 1990.

Сокращения

Яыков, диалектов, наречий, говоров:

вв. - верхневычегодский диалект; в.-к. - верхнекамский диалект; вс. - верхнесысольский диалект; вым. - вымский диалект; доег. - доеговский говор; иж. - ижемский диалект; кп. - коми-пермяцкий язык; кя. - коми-зыбвинское наречие; л. - лузский говор лузско-летского диалекта; лев. - левичанский говор, лет. - летский говор лузско-летского диалекта; лл. - лузско-летский диалект; нв. - нижневычегодский диалект; к. - общекоми язык-основа; пер. - общепермский язык-основа; коч. - кочёвский диалект; печ. - печорский диалект; скр. - присыктывкарский диалект; сс. - среднесысольский диалект; уд. - удорский диалект; удм. - удмуртский язык.

Названий населенных пунктов:

Айк. - с. Айкино; Бог. - с. Богородск; Венд. - д. Вендинга, Вес. - д. Весляна; Гл. - с. Глоново, Гр. - д. Грива, Гур. - с. Гурьевка; Дер. - с. Деревянск; З. - с. Занулье; Жеш. - д. Жешарт; К. - д. Кони, Крч. - с. Керчемья, Кг. - с. Койгородок, Кокв. - д. Коквицы, Косл. - с. Кослан; Лет. - с. Летка, Ловл. - с. Ловля, Лопт. - д. Лоптюга; Меж. - д. Межог, Мыел. - с. Мыелдино; Н. - с. Ношуль, Нив. - с. Нившера; Об. - с. Объячево, Онеж. - с. Онежье, Остр. - д. Острово; Паль. - с. Палевицы, Пор. - с. Поруб, Пр. - д. Прокосьевка; Синд. - с. Синдор, Сл. - с. Слудка; Т.-К. - д. Туис-Керос, Тур. - д. Турья; Удор. - д. Нижний Удор, Уж. - д. Ужга, Устьк. - с. Усть-Кулом, Устьн. - с. Усть-Нем; Ч. - с. Читаево, Час. - с. Часово; Шеж. - д. Шежам.

ПРАУРАЛЬСКИЙ ПЛЮРАЛЬНЫЙ *-t: ВНЕШНИЕ СООТВЕТСТВИЯ

В. В. Понарядов
Сыктывкар

В финно-угорском ареале множественное число на *-t ~ -d ~ -D < *-t* представлено в прибалтийско-финских, мордовских и обско-угорских языках, ср. фин. *kala-t* 'рыбы', мд. *кудо-т* 'домá', мс. *lü-t* 'лошади'. Следы его сохранились также в марийском (в составе лично-притяжательных суффиксов и инновационного показателя множественности *-šamêč*) и, возможно, в пермских языках (используемый после специфического форманта множественного числа аккузативный *-ti ~ -di* в удмуртском и некоторых коми диалектах) [ОФУЯ 1974: 221-223].

В большинстве языков плюральный *-t* используется во всей деklinационной парадигме. Иное положение существует в некоторых прибалтийско-финских языках (а также саамском, где **-t > -k*). Здесь рассматриваемый показатель употребляется только в номинативе, а в других падежах множественность выражается с помощью *-i ~ -j* [ОФУЯ 1974: 223-225]: фин. *talo-t* 'домá', но *talo-i-ssa* 'в домах', *talo-j-en* 'домов'. Поскольку эта система имеет соответствия в самодийских языках, то предполагают, что она является изначальной и восходит к уральскому праязыку [ОФУЯ 1974: 223; Казанцев 1979: 27].

Во всех уральских языках множественное число противопоставлено единственному, которое обычно не имеет специального показателя, а кое-где и двойственному. Название "единственное число" в применении к уральским языкам несколько условно: соответствующая форма может использоваться и при указании на множественность предметов [ОФУЯ 1974: 219-220], ср. в коми языке: *Кык пон кӧч кыйӧны* 'Две собаки (букв. два собака) ловят зайцев (букв. зайца)'. Типологическое сходство современных уральских языков в этом параметре очень велико, поэтому не вызывает сомнения, что такая же система должна реконструироваться и для прауральского.

В использовании числовых показателей уральские языки резко отличаются от индоевропейских, но сходны, например, с алтайскими. В них точно так же словоформа, не снабженная специальным числовым показателем, часто указывает на множество объектов, ср. переводы вышеприведенного коми примера: тур. *iki köpek tavşan tutuyor*, монг. *Хоёр нохой туулай барина*. Но сходство не ограничивается этим. Характерный для уральских языков показатель множественного числа *-t ~ -d* (и другие его показатели) находит параллели в некоторых алтайских, дравидийских и прочих языках. Этот факт неоднократно привлекался для обоснования гипотез об их происхождении из общего источника (урало-алтайская, урало-дравидийская, ностратическая теории) [Казанцев 1979: 58, 68].

В то же время указывалось, что совпадение столь кратких, однофонемных показателей еще ни о чем не говорит; оно вполне может быть совершенно случайным. Данное замечание совершенно справедливо. Однако заметим, что случайное совпадение исключается, если обнаруживается значительное сходство не просто отдельных морфем, а их системного распределения в каждом из сравниваемых языков. В идеальном случае должно быть обнаружено соответствие между цельными словоформами. Классический случай подобного доказательства генетических связей — сопоставление спряжения русского глагола *брать* и его соответствий в разных индоевропейских языках*:

рус.	греч.	лат.	санскр.	перс.
<i>беру</i>	<i>pherō</i>	<i>ferō</i>	<i>bharāmi</i>	<i>baram</i>
<i>берешь</i>	<i>phereis</i>	<i>fers</i>	<i>bharasi</i>	<i>barī</i>
<i>берет</i>	<i>pherei</i>	<i>fert</i>	<i>bharati</i>	<i>barad</i>
<i>берем</i>	<i>pheromen</i>	<i>ferimus</i>	<i>bharāmas</i>	<i>barēm</i>
<i>берете</i>	<i>phereite</i>	<i>fertis</i>	<i>bharatha</i>	<i>barēd</i>
<i>берут</i>	<i>pheroysi</i>	<i>ferunt</i>	<i>bharanti</i>	<i>barand</i>

*Везде, кроме русского, этот глагол имеет значение «нести».

Казалось бы, в случае уральской морфемы множественного числа **-t* возможность подобного сопоставления систем отсутствует. Но не будем спешить с выводами.

Уже сказано, что единственное число в уральских языках обычно не имеет специального показателя. Однако *nulla regula sine exceptione* — в прибалтийско-финских языках имеются случаи, когда показатель множественности *-t* оказывается противопоставлен форманту *-n* в единственном числе. Так, императив финского глагола имеет в 3-м л. ед. ч. окончание *-koo-n*, а в 3-м л. мн. ч. — *-koo-t*: *anta-koon* 'пусть даст', *anta-koot* 'пусть дадут'. Возможно, то же самое чередование наблюдается и в словоизменении имен с суффиксом *-nen*: *hevo-ne-n* 'лошадь' — мн. ч. *hevo-se-t*. В карельском языке вопросительное местоимение *ken* 'кто' имеет мн. ч. *ket*; соответствующие формы имеются также в водском и ижорском языках [ЯН СССР III 1966: 70, 109, 126], а также в финских диалектах.

Последний случай имеет исключительно важное значение, так как указанные карельские словоформы — это точное соответствие в старописьменном монгольском языке: *ken* 'кто', мн. ч. *ked*. В современном монгольском и бурятском отличия чисто фонетические: *хэн, хэд*. Необходимо отметить, что полное совпадение наблюдается только в номинативе. В карельском языке косвенные падежи местоимения *ken* не различают числа, а в монгольском числовое противопоставление проявляется во всей парадигме, ср. генитив: карел. *kenen*; монг. ед. ч. *ken-ü*, мн. ч. *kedен-ü*.

При этом если в уральских языках случаи противопоставления *-n* и *-t* единичны, то в монгольских — имеется значительное количество “имен с неустойчивым конечным *-n*”, которое при образовании множественного числа заменяется на *-d*, ср. *morin* ‘конь’, *šibayun* ‘птица’, *modun* ‘дерево’ ~ мн. ч. *morid*, *šibayud*, *modud* [Санжеев 1953: 127-139]. Несомненно, чередование в местоимении *ken* имеет ту же природу.

Противопоставление *-n* ~ *-t* встречается и в тюркских языках: др.-тюрк. *tegin* ‘принц’, *tarqan* ‘тархан’ (титул), *erän* ‘муж, воин’, *qyryn* ‘мучение’ ~ мн. ч. *tegit*, *tarqat*, *erät*, *qyryt*; якут. *tojon* ‘господин’, *xotun* ‘госпожа’ ~ мн. ч. *tojot*, *xotut*. Впрочем, тюркологи говорят здесь о монгольском влиянии (или даже прямом заимствовании) [СИГТЯ 1988: 12-13].

Однако в личных местоимениях встречается и исконно тюркское чередование *-n* ~ *-z*, ср. тур. *ben* ‘я’, *sen* ‘ты’ ~ *biz* ‘мы’, *siz* ‘вы’. Соответствие тюркского ауслаутного *z* уральскому **t* и монгольскому *d* представляется вполне вероятным, так как имеются надежные примеры соответствия тюркского анлаутного *s* уральскому **-t* и монгольскому *č* < **t*, ср. тюрк. **sä-n* ‘ты’ ~ урал. **tš*, монг. *či* < **tš*; тюрк. **sümü-k* ‘кость’ ~ монг. *čimü-ge-n* ‘костный мозг’; тюрк. *taš* < **tšāl* (чуваш. *čul*) ~ монг. *čila-yu-n* < **tla-yu-n*.

В третьей большой ветви алтайских языков — тунгусо-маньчжурской — противопоставление *-n* в единственном числе и *-t* во множественном также имеется. Здесь оно наблюдается в лично-притяжательных показателях 3-го лица. Так, в негидальском языке *кото-нин* ‘его нож’ ~ *кото-тин* ‘их нож’; в нанайском *огда-ни* ‘его лодка’ ~ *огда-чи* ‘их лодка’; в удэгейском *кусигэ-ни* ‘его нож’ — *кусигэ-ти* ‘их нож’ [ЯН СССР V 1968: 114, 133, 216].

Далее на восток, уже за пределами алтайской общности, противопоставление *-n* ~ *-t* обнаруживается в чукотско-камчатских языках: чукот. *купрэ-н* ‘сеть’ ~ мн. ч. *купрэ-т*, коряк. *милг-ын* ‘огонь’ ~ дв. ч. *милг-ыт* [ЯН СССР V 1968: 253, 275]. Первоначальной функцией аффикса *-t* в чукотско-камчатских языках было обозначение двойственного числа; в таком употреблении он сохранился в корякском, алюторском и керекском языках. В чукотском языке двойственное число исчезло, но его старый показатель стал употребляться для обозначения множественного числа. Значение двойственного числа связывает чукотско-камчатский показатель *-t* с тюркскими языками, где тоже есть следы такого употребления форманта *-z* [СИГТЯ 1988: 10-11]. А обязательное наличие аффикса *-t* в формах двойственного (в чукотском множественного) числа всех существительных при отсутствии показателя единственного числа *-n* в части лексем напоминает факты монгольских языков, ср. чукот. *купрэ-н* ‘сеть’ ~ мн. ч. *купрэ-т*, но *милгэр* ‘ружье’ ~ мн. ч. *милгэр-ти*; монг. *mori-n* ‘конь’ ~ мн. ч. *mori-d*, но *nom* ‘книга’ ~ мн. ч. *nom-ud*. Наконец, значительная группа чукотско-камчатских имен различает числовые формы только в именительном (основном) падеже, но не в косвенных. Данное обстоятельство может быть поставлено в соответствие фактам уральских языков, где точно такое же положение наблюдается у карельского местоимения *ken* и, кроме того, показатель множественности *-t* изначально (и по сию пору в некоторых прибалтийско-финских и самодийских языках) используется только в номинативе, замещаясь в косвенных падежах на *-i/-j* (подробнее об этом см. выше).

Таким образом, несмотря на то что противопоставление *-n* ~ *-t* как формантов единственного и множественного числа из всех ветвей уральских языков встречается только в прибалтийско-финской, это явление может быть очень древним и восходить к периоду ностратической общности. Возникает вопрос: почему же из всех уральских языков оно сохранилось только в прибалтийско-финской группе? Не претендуя на его окончательное решение, отметим, что именно прибалтийско-финские языки в наилучшей степени сохранили прауральскую слоговую структуру. Представляется, что первопричиной утраты этого явления во всех остальных уральских языках вполне могли быть чисто фонетические изменения.

Литература и источники

- Казанцев Д. Е. Истоки финно-угорского родства.- Йошкар-Ола, 1979.
ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков).- М., 1974.
Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I.- М., 1953.
СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология.- М., 1988.
ЯН СССР III — Языки народов СССР, т. III. Финно-угорские и самодийские языки.- М., 1966.
ЯН СССР V — Языки народов СССР, т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки.- Л., 1968.

Т.И.Прокушева
Сыктывкар

В связи с изучением морфемики и словообразования неизбежно сталкиваешься с незначимыми частями слова, которые в языкознании именуют или интерфиксами, или асемантическими (незначительными) межморфемными прокладками, или пустыми морфемами, или вставками, или соединительными морфемами.

Идея выделения в слове незначимых соединительных элементов принадлежит Н.С.Трубецкому (в книге изданной на немецком языке "Морфологическая система русского языка". Прага, 1994). Термин интерфикс предложен А.М.Сухотиным, далее в русской лингвистике данной проблемой активно занималась Е.А.Земская (Земская, 1973: 113-137). В коми лингвистике в силу разных причин интерфиксы пока не попали в круг изучаемых морфонологических процессов (Федюнева 1985; Федюнева 1992; Карманова, Панюкова 1999).

Интерфиксация не способ словообразования, она не образует ни слова, ни формы, это лишь одно из морфонологических средств, используемых для соединения морфов в слове, как строительный материал. Она по своей функции аналогична чередованию (Земская 1973: 114). Интерфиксация – это вставка асемантических прокладок между двумя морфемами, при котором устраняются сочетания фонем, запрещенные законами морфонологии или нетипичные для структуры данного языка и слова.

Такие прокладки могут появиться в слове также по аналогии (Земская 1873: 113).

Во многих учебниках и исследованиях по словообразованию интерфиксы как особый структурный элемент слова не выделяются. Вместо этого вычленяются многочисленные производные суффиксы, не отличающиеся по значению от соответствующих простых, или даже варианты корневые морфемы (ю ~ юкт-, пет ~ петк-, пӧт ~ пӧтк-, лок ~ локт-, -едж-гов, гӧрд-ов); бур-ав-ны, йӧй-тав-ны. Между тем в каждой группе "производные суффиксы" тождественны по значению простому.

Причины и закономерности функционирования тех или иных интерфиксов скрываются в морфонологии.

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся случаи интерфиксации и закономерности.

I. Интерфиксация в структуре глагольной основы встречается:

1) после корневой морфемы звукоподражательного или изобразительного характера, оканчивающихся на один или два согласных, если суффикс начинается с гласного звука: шлап /й/ав/ны, шлӧп/к/ысь/ны, шурк/й/ав/ны, жбыр/й/ав/ны, жер/й/ӧдл/ыны, пурс/к/ысь/ны; в качестве интерфикса выступает один согласный;

2) после корневой морфемы звукоподражательного или изобразительного характера, если суффикс начинается с согласного звука: жбыр/к/нит/ны, шков/к/нит/ны; в качестве интерфикс выступает также один согласный;

3) после корневой морфемы звукоподражательного характера, оканчивающейся на согласный, если суффиксом являются глагольные производные "кывны": швач/ка/кыв/ны, шков/а/кыв/ны, ратш/ка/кыв/ны, шняч/ка/кыв/ны; в качестве интерфикса выступают или гласный а, или сочетание согласного и гласного -ка-;

4) после корневой морфемы-прилагательного, оканчивающейся на согласный, если суффиксом является согласная -м-: дзеск/ам/м/ыны, мич/ам/м/ыны, чӧск/ам/м/ыны, векн'/ам/м/ыны, бур/ам/м/ыны; в качестве интерфикса выступают гласный и согласный -ам-;

5) после корневой морфемы глагола, оканчивающихся на согласный, если за ним следует суффикс понудительного залога глагола -ӧд-: узь/т/ӧд/ны, усь/к/ӧд/ны, пет/к/ӧд/ны, пот/к/ӧд/ны, пӧт/к/ӧд/ны, тшотш/к/ӧд/ны; в качестве интерфикса выступают взрывные согласные т.к.

II. Интерфиксация в структуре именных частей речи встречается:

1) после корневой морфемы, оканчивающейся на согласный, если суффикс начинается с гласного звука: пась/к/ыд, уль/с/ов, вось/к/ов, едж/т/ов, юр/д/ӧс, ян/дз/им, пись/к/ӧс; в качестве интерфикса встречается один согласный;

2) в сложных словах со значением пространства в промежутке между словами: мӧд/ла/пӧв, шуй-га/ла/дор, вӧр/ла/дор.

III. В наречиях:

- образованных от числительных и прилагательных, а также местоимения код в результате их субстантивирования и употребления в падежных формах имени после корневой морфемы, независимо от того, с какого звука начинается следующий за ним суффикс, являющийся по природе падежным по происхождению: вит/ла/ысь, вей/ла/ё, куим/ла/ын, ёти/ла/сянь, ёт/ар/ё, мёд/ар/сянь, код/ар/ё; в качестве интерфикса выступает сочетание согласного с гласным -ла- и гласного с согласным -ар-.

Эти самые общие наблюдения над интерфиксацией как явлением в коми языке и над режимом этих морфонологических процессов позволяют говорить о широкой распространенности этого явления в коми языке, с которыми необходимо считаться в морфемике и словообразовании.

Литература и источники

Земская 1973. - Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. - М., 1973.

Федюнева 1985. - Федюнева Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. - М., 1985.

Федюнева 1992. - Федюнева Г.В. Морфемный состав и морфологический тип коми языка. - Сыктывкар, 1992 (Сер. «Научные доклады»/Коми науч. центр УрО РАН, вып.294).

Карманова, Панюкова 1999. - Карманова А.Н., Панюкова О.В. Торъякывъяс артмодан кыввор. - Сыктывкар, 1999.

ЛЕКСИКА КУЛЬТУРНОЙ ФЛОРЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ

А.Н.Ракин
Сыктывкар

Культурная растительность является составной частью фитоценоза планеты. Отличительная особенность ее заключается прежде всего в том, что здесь очень большое значение имеет, наряду с экологическими, климатическими и почвенными условиями, человеческий фактор. «Культурфитоценозы, в отличие от природных фитоценозов, слагаются от видов, желательных человеку, который сеет или сажает определенные растения и создает благоприятные условия для их произрастания, подготавливая соответствующим образом почву и производя за растениями уход» (БСЭ, с.41).

В составе лексики культурной флоры, в соответствии с внутренней группировкой выращиваемых растений, можно выделить семь основных компонентов: названия зерновых, овощных, плодовых и ягодных, декоративных, технических, кормовых и пряных культур. Корпус названий культурных растений в пермских языках, составленный на основе нашей картотеки, состоит из более чем 900 лексических единиц.

Лексика культурной флоры пермских языков представляет собой целостную систему, формирование которой происходило на протяжении многих тысячелетий. Допермский фонд составляют 11 номинативных единиц, три из них относятся к прафинно-угорскому периоду, восемь – к прафинно-пермскому периоду. Вся совокупность названий допермского происхождения относится к четырем группам объектов номинации. Больше всего праформ (8) реконструируется для первой группы, т.е. для зерновых культур: 1) *ф.-н. * kðhte* 'хлеб, зерно, семя', 2) *ф.-н. * pänz* 'овес', 3) *ф.-н. * norz* 'зерно', 4) *ф.-н. * jewä* 'зерновые культуры', 5) *ф.-н. * sorz* 'вид растения, зерновые', 6) *ф.-у. * šänte* 'хлебный злак', 7) *ф.-н. sika* 'мякина, ость, усик', 8) *ф.-н. * šoše* 'ячмень'.

Для второй (овощные растения), третьей (плодово-ягодные) и пятой (технические культуры) групп реконструируется по одной праформе: *ф.-у. * kos'tz* (*кас'тз*) 'лукообразное растение', *ф.-у. * molz* (**тобз*) 'ягода какого-то кустарника', *ф.-н. * känz* 'конопля'. Как показывают приведенные примеры, часть названий допермской эпохи имела вполне конкретную семантику и указывала на конкретный вид соответствующего растения или часть его: **pänz* 'овес', **norz* 'зерно', **sika* 'мякина, ость, усик', *šoše* 'ячмень', **känz* 'конопля'. Семантика другой части названий восстанавливается без такого конкретно-видового содержания: **kos'tz* 'лукообразное растение', **šänte* 'хлебный злак', *molz* 'ягода какого-то кустарника'. Следует отметить, что в составе названий допермского происхождения девять номинативных единиц являются исконными словами, а две – заимствованиями. Праформу **jewä* 'зерновые культуры' выводят из индоевропейского источника и сопоставляют с авестийским, санскритским и литовским примерами

(см.КЭСК, с.111; Rédei 1988, с.634), праформу *s'uka 'мякина, ость, усик' выводят из древнеиранского источника, сопоставляя с санскритским и авестийским примерами (см.КЭСК, с.272; Rédei 1988, с.778).

В формировании системы названий культурных растений прапермского языка приняли участие две группы слов: 1) лексические единицы, унаследованные из допермского периода, и 2) обозначения, являющиеся новообразованиями прапермской эпохи.

В составе унаследованных прапермским языком 11 допермских слов два названия изменили свою семантику и перестали употребляться в качестве фитонимических обозначений: *nur 'мука, мучная приправа' (< ф.-н. *norz 'зерно'), *čiž 'солод' (< ф.-н. *čoše 'ячмень'). И, наоборот, одна лексическая единица, ранее не имевшая фитонимического значения, в прапермском языкеполнила группу названий технических культур: *piš 'конопля' (< ф.-у. pščz 'ряд, слой; вращать, мотать, накладывать друг на друга слоями'). Остальные 9 допермских названий, получив соответствующее фонетическое и семантическое развитие, полностью вошли в фитонимическую систему прапермского языка: *kił 'кожура зерна' (< ф.-н. *kšite 'хлеб, зерно; семя'), *panol 'высевки' (< ф.-н. *pānz 'овес'), ju 'хлеб в зерне' (< ф.-н. *jewā 'зерновые культуры'), *zχ 'растение, похожее на овес' (< ф.-н. *sorz 'вид растения; зерновые'), *šogdi 'пшеница' (< ф.-у. *šāntz 'хлебной злак'), *s'u 'рожь' (< ф.-н. *s'uka 'мякина, ость, усик'), *jidi 'ячмень' (< ф.-н. *jewā 'зерновые культуры'), *kmiž 'лук, чеснок' (< ф.-у. *kas 'тз' лукообразное растение'), *mol'i 'ягода' (< ф.-у. *mol'z 'ягода какого-то кустарника'), *kzn - 'конопля' (< ф.-н. *kānz 'конопля').

Группа новообразований прапермской эпохи состоит из 27 названий. Подавляющее большинство из них (19) относится к обозначениям зерновых культур: *kžž (*kžž) 'горох', *šep 'колос', *k' 'ость', *čav - 'пшеница', *ružeg 'рожь', *purtes 'стручок', *kurz 'солома' и т.д. Группа названий овощных растений пополнилась пятью неологизмами: *kwχ 'ботва', *sugzn 'лук', *kišman 'редька', *s'aruk 'репа' и т.д. Группа названий технических культур пополнилась тремя неологизмами: *s'ul (*s'ol) 'кострика', *šab (šabi) 'лен', *iag 'хмель'. Группа названий плодово-ягодных растений в прапермскую эпоху в количественном отношении осталась без изменений.

В составе новообразований прапермской эпохи шесть названий являются заимствованиями, которые были приняты древними пермскими от своих южных соседей. Слово *pž' (*pž') 'зерно, полба' относят к названиям древнеиранского происхождения (см. Лыткин, Гуляев 1975, с.35; Rédei 1988, с.821). К названиям древнебулгарского происхождения относятся *tus' 'зерно, семя' (см.КЭСК, с.288), *kurz 'солома' (см.Лыткин, Гуляев 1975, с.18; Тараканов 1993, с.89), *sugzn 'лук' (см.КЭСК, 1970, с.265; Тараканов 1993, с.114), *kišman 'редька' (см. КЭСК, с.148), *s'aruk 'репа' (см. КЭСК, с.253).

Внутри общепермской фитонимической лексики отдельную группу составляют названия, являющиеся общими для севернопермских языков. Это так называемая пракоми лексика, сложившаяся до образования в качестве самостоятельных коми-пермяцкого и коми-зырянского языков, т.е. до XIV-XV вв. н.э. Пракоми лексика культурной флоры состоит из 14 названий. По структуре часть названий пракоми происхождения представляют собой одночленные несоставные обозначения: žug 'мякина', *ižas 'солома', *gorteg 'перец', *tus' 'ягода', *žul' 'коробочка льна'. Часть названий имеет двучленный или трехчленный структурный тип: *an'-k'č 'горох', *an'-k'č-tus' 'горошина', *piš-s'ul 'конопляная кострика', *ul-piš 'посконь' и т.д.

Отличительные особенности лексики культурной флоры современных пермских языков, которые отделяют их друг от друга, связаны с возникновением и развитием индивидуально-пермского словарного фонда. Являясь в хронологическом отношении самым поздним, этот фонд не составляет общий пласт пермских языков, а присущ каждому из них в отдельности. В составе индивидуально-коми-зырянской, индивидуально-коми-пермяцкой и индивидуально-удмуртской лексики культурной флоры специфические черты имеют как исконная, так и неисконная часть.

Индивидуально-пермские названия относятся ко всем основным разрядам культурной флоры, в том числе к группам № 4 (декоративные), № 6 (кормовые), и № 7 (пряные), обозначения которых в словарном составе пермских языков вплоть до недавнего времени вообще не были представлены: кз. пуртöса пу, удм. көжыпу 'акация', удм. адрас гыть 'бегония', удм. угыпу, сьöд гузэпу, выжыёпу 'бересклет', удм. атасгурён 'боярышник', кз. мичмöдан быдмöгяс 'декоративные растения', удм. китайльöм 'ирга', удм. бадьгыль 'олеандр', кз. ад гум 'борщевик Сосновского', удм. шундыберган, шундыпужит, шундынялтас 'подсолнечник', кз. мөссёркни, удм. пудо сяртчы 'турнепс', удм. пивыжы 'петрушка огородная', кз. чöскыд көра быдмöгяс, удм. ческыт шöмо будосьёс, коньыт шöмо будосьёс 'пряные растения', удм. коньыгумы 'укроп огородный', удм. курыт кушман, кп. курыт вуж 'хрен обыкновенный' и т.д.

Иноязычный компонент лексики культурной флоры пермских языков составляют тюркские и русские заимствования. Тюркские заимствования, т.е. названия, проникшие из татарского, башкирского или чувашского языка, встречаются только в удмуртском. За исключением группы названий декоративных растений эта категория слов представлена во всех разрядах лексики культурной флоры. Половина из 26 названий тюркского происхождения употребляется для обозначения представителей овощных культур: *кубиста* 'капуста' < тюрк.: *тат.* кббдстд 'тж' (РТС, с. 210), *кешыр* 'морковь' < тюрк.: *башк.* кишер 'тж' (РБС, с.253), *алма* 'картофель' < тюрк.: *тат.* алма 'тж' (Алатырев 1988, с.82) и т.д. В других группах лексики культурной флоры тюркские заимствования представлены следующими названиями: *тари* 'просо', ср. *тат.* тары 'тж' (РТС, с.496), *дугы* 'рис', ср. *башк.* дугθ 'тж' (РБС, с.469), *чия* 'вишня', ср. *тат.* чия 'тж' (РТС, с.66), *емыш* 'фрукты, плоды', ср. *башк.* емеш 'фрукты' (РБС, с.368), *етйн* 'лен', ср. чув. йетён 'тж' (РЧС, с.168), *кумбыгаш* 'подсолнечник', ср. *тат.* кһнбыгаш 'тж' (РТС, с.430), *калямпер* 'укроп, анис', ср. чув. калемпёр 'тж' (РЧС, с.28) и т.д. Такие слова, как *тари* 'просо', *кыяр* 'огурцы', *чия* 'вишня', *емыш* 'фрукты', *етйн* 'лен', *тамак* 'табак' в удмуртском языке получили повсеместное распространение. Остальные тюркские заимствования характеризуются узкоограниченной территорией функционирования, употребляются только в диалектной речи.

Русские заимствования распространены во всех трех пермских языках. Больше всего их употребляется в коми-пермяцком языке. Здесь 83 слова русского происхождения составляют почти половину лексики культурной флоры. Различен удельный вес русских заимствований не только по языкам, но и по разным отраслям названий культурных растений. Наибольшим количеством данной категории слов характеризуются, например, такие группы, как обозначения декоративных культур (25, 20,7)*, плодово-ягодных (22, 22, 25), овощных (23, 32, 29). Чаще всего неисконная лексика используется для обозначения южных и тропических растений, которые, хотя и не выращиваются на нашей территории, но известны носителям пермских языков в результате регулярного снабжения северян их плодами. Значительное пополнение системы названий культурных растений в последние десятилетия, как за счет заимствований, так и за счет исконных слов, обусловлено также бурным развитием дачного садоводства и огородничества, в процессе которого стали культивироваться многие нетрадиционные для наших мест полезные растения, например, арония — удм. *сьбд палэзь*, кз. *сьбд пелысь*, кп. *сьбд рябина*; клубника — удм. *боры*, кз. *вддитан оз*, кп. *бавваньгэбд*; облепиха — удм. *вйту*, кз. кп. *облети́ха*; кабачки — удм. кз кп. *кабачки*; крыжовник — удм. *гоносутэр*, кз. кп. *крыжовник*; хрен обыкновенный — удм. *курыт кушман*, кз. *хрен*, кп. *курыт вуж* и т.д.

Анализ русских заимствований показывает, что их проникновение в пермские языки обеспечивается двумя источниками:

1) литературным языком (кз. *рис*, *салат*, *сирень*, *петрушка*, удм. *гречиха*, *сельдерей*, *груша*, кп. *корнеплод*, *редиска*, *садовая малина*, *лён*, *табак* и т.д.) и 2) русскими народными говорами (кз. *бтьвей* 'охвостье', *цветун* 'стрелка лука', *калига* 'брюква', *куглин* 'семенник льна после извлечения семян', кп. *челльо* 'зерно', *лыч* 'ботва', удм. *макня* 'мякина', *шенчик* 'чеснок' и т.д.).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что система названий культурных растений пермских языков, хотя и имеет древние истоки, начинает зарождаться немного позже, чем лексика дикорастущей флоры, т.е. не в прауральскую, а в прафинно-угорскую эпоху, которая просуществовала до конца III тысячелетия до н.э. Группа прафинно-угорских названий растений представлена в исследуемой системе всего тремя лексическими единицами, обозначающими какой-то хлебный злак, лукообразное растение и какую-то кустарниковую ягоду. Следует согласиться (Основы 1974, с.425), что данные факты, действительно, не дают оснований предполагать, что наши древнейшие предки уже в то время умели выращивать полезные растения.

Важнейший этап в развитии названий культурных растений составляет прафинно-пермская эпоха, продолжавшаяся с конца III тысячелетия до середины II тысячелетия до н.э. В этот период в словарном составе праязыка появляются восемь важнейших обозначений зерновых и технических культур. К этому же времени относится и начало формирования иноязычного компонента в системе названий культурных растений, что вполне закономерно было обусловлено условиями существования предков прапермян, которые, традиционно являясь собирателями, охотниками и рыбаками, по примеру своих южных соседей, занимавшихся скотоводством и земледелием, и могли приобщиться к возделыванию растений.

* Первая цифра в скобке относится к удмуртскому языку, вторая — к коми-зырянскому, третья — к коми-пермяцкому.

В прапермскую эпоху, т.е. в период после завершения прафинно-пермской эпохи и до VIII в. н.э., не только продолжают развиваться ранее возникшие отрасли названий культурных растений (зерновых и технических), но и формируется новый лексический разряд — названия овощных культур. Рассмотренный материал свидетельствует также, что южное влияние на прапермян не только сохраняется, но и расширяется, к названиям индоиранского происхождения добавляются древнебулгарские (древнечувашиские) заимствования.

Все остальные структурные компоненты системы названий культурных растений формируются после распада прапермской и пракоми общностей в каждом из пермских языков самостоятельно при активном участии русских и тюркских заимствований.

Современная лексика культурной флоры пермских языков представляет собой открытую систему, которая по мере культивирования новых видов растений может пополняться как за счет внутренних лексико-семантических ресурсов, так и за счет внешнего источника.

Сокращения

Башк. — башкирский язык, *кз.* — коми-зырянский язык, *кп.* — коми-пермяцкий язык, *тат.* — татарский язык, *тюрк.* — тюркские языки, *удм.* — удмуртский язык, *ф.-п.* — финно-пермский праязык, *ф.-у.* — финно-угорский праязык, *чув.* — чувашский язык.

Литература и источники

Алатырев В.И. Этимологический словарь удмуртского языка. - Ижевск, 1988.

БСЭ — Большая советская энциклопедия, т.24. - М., 1953.

КЭСК — Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. - М.: Наука, 1970.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Дополнения к "Краткому этимологическому словарю коми языка" // Коми филология. — Сыктывкар, 1975. (Тр. Ин-та яз., лит-ры и ист./ Коми фил. АН СССР; Вып.18).

Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). - М.: Наука, 1974.

Ракин А.Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. - Сыктывкар, 1989.

Ракин А.Н. Коми анатомический словарь. - Сыктывкар, 1991.

Ракин А.Н. Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь. - Сыктывкар, 1993.

РБС — Русско-башкирский словарь. - М., 1954.

РТС — Русско-татарский словарь / Под ред. Ф.А.Ганиева. - М., 1984.

РЧС — Русско-чувашский словарь / Под ред. И.А.Андреева и Н.П.Петрова. - М., 1971.

Соколов С.В., Туганаев В.В. Биологической нимкылтёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / Под общей ред. С.В.Соколова. - Ижевск, 1994.

Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые связи. - Ижевск, 1993.

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. - Bd.1-2. - Budapest, 1988.

ИЗМЕРЕНИЕ СХОЖЕСТИ МЕЖДУ КОМИ-ЗЫРЯНСКИМ И ДРУГИМИ УРАЛЬСКИМИ ЯЗЫКАМИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРУПП СОГЛАСНЫХ В ЗВУКОВОЙ ЦЕПОЧКЕ ЯЗЫКА

Ю.А.Тамбовцев
Новосибирск

Некоторые методы определения степени типологической схожести звуковой цепочки одного языка с некоторыми другими языками мира путем подсчета встречаемости в речи (на этих языках) определенных фонологических групп были нами смоделированы достаточно давно (Tambovtsev, 1983; 1984). Типологическая схожесть языков рассматривалась там как соотношение частот встречаемости некоторых групп согласных в фонетической системе, с одной стороны, и потоке речи, с другой (Tambovtsev, 1983-b; 1984). С тех пор наши методы исследования развивались, дополнялись, и количество языков, которые были обработаны с их помощью, увеличивалось. В данной работе мы применяем еще один метод, который называется метод вычисления евклидова расстояния, который подробно описан ниже. Коми-

зырянский язык, как и любой другой язык, имеет особую и присущую только ему структуру употребления определенного рода звуков в потоке речи. Он рисует особую акустическую картину. Она и отличает коми-зырянский язык от других языков мира (Tambovtsev, 1983-a).

В данной работе мы сравниваем коми-зырянский язык с некоторыми уральскими языками. В последующих работах предполагается сравнение коми-зырянского языка с татарским и другими тюркскими языками. На первом этапе распознавание звуковой цепи коми-зырянского языка базируется только на согласных. Это вызвано несколькими причинами, но прежде всего потому, что в языке основную семантическую, т.е. смысловую, нагрузку несут согласные. Гласные нужны в основном для грамматического оформления слова. С фонетической точки зрения гласные нужны для того, чтобы “разряжать” согласные. Человек не может произнести более двух-трёх стоящих рядом согласных.

Лингвистические эксперименты показывают, что человек способен понять слово, если даны одни согласные, это лучше для понимания смысла слова, нежели тогда, когда даны одни гласные. Это хорошо видно на примере речи шепотом и на примерах различных игр по угадыванию слов. Легче узнать слово “придумай”, если будет произнесено “п-р-д-м-й”, чем “и-у-а”. Люди заметили это еще в древности, поэтому на пергаменте часто писали только согласные. В иврите и арабском, например, до сих пор пишутся только согласные.

В случае, если привлечение одних согласных не отличит коми-зырянский язык от какого-либо другого языка, тогда будут привлекаться и гласные.

Сравнивая два языка, необходимо учитывать принцип соизмеримости. Редко можно встретить два языка с одинаковым инвентарём (набором) звуков. Необходимо найти одинаковые базовые характеристики, которые лягут в основу сравнения.

Мы называем язык “гортанным”, если в нем часто встречаются заднеязычные согласные. В то же время, те языки, которые часто употребляют сонорные согласные, можно назвать мелодичными. Таким образом, в своей классификации языка, человек исходит из артикуляторных характеристик часто повторяющихся звуков речи.

Прежде всего встает вопрос, какие фонетические признаки согласных следует признать в качестве основных. В фонетике общепринято рассматривать согласные по артикулирующему органу, по характеру шумообразующей преграды и по работе голосовых связок (Зиндер, 1979: 111 - 169). По артикулирующему органу (месту образования) мы подразделяем согласные на четыре группы: 1) губные; 2) переднеязычные; 3) среднеязычные или палатальные и 4) заднеязычные. По способу образования шумообразующей преграды выделяем три группы согласных: 1) сонорные; 2) смычные или взрывные; и 3) шелевые или фрикативные. По работе голосовых связок выделяются звонкие согласные (Тамбовцев, 1994-а; 1994-б). Данные восьми признаков можно считать основными, так как они охватывают все аспекты работы речевого аппарата человека при произношении согласных (Тамбовцев, 1994-а; 1994-б).

Таким образом, нами были посчитаны частоты употребления в речи на коми-зырянском языке для сравнения с другими 20 уральскими языками по восьми основным артикуляторным характеристикам согласных, которые перечислены выше: 1) губных; 2) переднеязычных; 3) среднеязычных; 4) заднеязычных; 5) сонорных; 6) смычных; 7) щелевых; 8) звонких.

Наша идея состояла в том, чтобы сравнить звуковую мозаику финно-угорских и самодийских языков по данным восьми артикуляторным характеристикам с учетом их частоты употребления в речи. Достаточно легко рассчитать сходство взятых языков по одному из признаков, но по восьми признакам построить меру сходства достаточно трудно. Их необходимо редуцировать, чтобы эффективно с ними работать.

В связи с этим, нами был взят на вооружение математически точный метод сравнения звучания языков, который основан на евклидовом расстоянии, которое мы будем высчитывать по известной формуле (Тамбовцев, 1994-а; 1994-б):

$$D = \sqrt{\sum \frac{1}{2} (L_1 - L_2) + (F_1 - F_2) + (P_1 - P_2) + (B_1 - B_2) + (S_1 - S_2) + \dots + (V_1 - V_2)},$$

где

- L1	- частота встречаемости губных согласных в первом языке
- L2	- “-” “-” губных согласных во втором “-”
- F1	- “-” “-” переднеязычных в первом “-”
- F2	- “-” “-” переднеязычных во втором “-”
- P1	- “-” “-” среднеязычных в первом “-”

– P2	–“	–“	среднеязычных во втором	–“
– B1	–“	–“	заднеязычных в первом	–“
– B2	–“	–“	заднеязычных во втором	–“
– S1	–“	–“	сонорных в первом	–“
– S2	–“	–“	сонорных во втором	–“
– O1	–“	–“	смычных в первом	–“
– O2	–“	–“	смычных во втором	–“
– R1	–“	–“	щелевых в первом	–“
– R2	–“	–“	щелевых во втором	–“
– V1	–“	–“	звонких в первом	–“
– V2	–“	–“	звонких во втором	–“

Первым языком в данном случае всегда будет коми-зырянский, а вторым – по очереди каждый из оставшихся 20 уральских языков.

Очень важно отметить, что данная формула позволяет перевести восьмимерное пространство признаков в одномерное пространство величины расстояния. Получив одну цифру обобщенного расстояния, с ней можно легче оперировать.

Посчитав расстояния между 20 уральскими языками и коми-зырянским, впервые получили следующие результаты:

1. Коми-Марийский (Горный):	8,80
2. Коми-Карельский (Тихвинский):	8,91
3. Коми-Карельский (Ливвиковский):	9,20
4. Коми-Мансийский (Кондинский):	9,27
5. Коми-Саамский:	9,99
6. Коми-Венгерский:	10,17
7. Коми-Водский:	10,68
8. Коми-Финский:	11,18
9. Коми-Хантыйский (Восточный):	11,19
10. Коми-Удмуртский:	12,10
11. Коми-Вепсский:	12,19
12. Коми-Мансийский (Сев.-Тамб.):	12,40
13. Коми-Мордовский (Эрзя):	12,43
14. Коми-Хантыйский (Казымский):	12,53
15. Коми-Марийский (Луговой):	13,17
16. Коми-Карельский (Людиковский):	13,56
17. Коми-Ненецкий:	15,17
18. Коми-Мансийский (Сев.-Ромб.):	15,85
19. Коми-Нганасанский:	15,94
20. Коми-Селькупский:	20,27

При этом следует иметь в виду, что чем меньше значение числа, тем меньше отличается этот язык от коми-зырянского. Следовательно, самыми похожими на коми-зырянский являются горно-марийский и тихвинский диалекты карельского языка.

К сожалению, неверное определение качества какой-либо фонемы резко нарушает правильность расстояний до взятых языков. В частности, это можно увидеть на примере северного диалекта мансийского языка. По нашим данным (Сев.-Тамб.) фонема / у / является звонкой шумной щелевой, а Е.И.Ромбандеева считает ее сонорной щелевой, хотя такого рода фонемы во многих языках мира (напр. в украинском) считаются звонкими шумными щелевыми. Как видим, неверное определение данной фонемы приводит северный диалект в кластер самодийских языков.

Самыми непохожими на коми-зырянский язык по нашим восьми фонологическим характеристикам являются ненецкий, нганасанский и селькупский, т.е. самодийские языки.

В заключение можно заметить, что коми-зырянский язык достаточно сильно отличается от географически близких языков (мансийского и хантыйского), но в то же время показывает несомненную фоно-типологическую близость к волжским и прибалтийско-финским языкам.

Таким образом, впервые на фонетическом уровне были определены типологические расстояния сходства коми-зырянского и других уральских языков.

Литература и источники

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. - М.: Высш. школа, 1979. - 312 с.

Тамбовцев Ю.А. Динамика функционирования фонем в звуковых цепочках языков различного строя. - Новосибирск: НГУ, 1994-а. - 133 с.

Тамбовцев Ю.А. Типология упорядоченности звуковых цепей в языке. - Новосибирск: НГУ, 1994-б. - 199 с.

Tambovtsev, Yuri. Phonostatistical study of Komi-Zaryan vowels and consonants. - In: Finnisch-Ugrischen Forschungen, XLV, H. 1-3, 1983, p. 164-167.

Tambovtsev, Yuri. Selected consonantal characteristics of some Finno-Ugric languages from a phonostatistical point of view. - In: Finnisch-Ugrischen Forschungen, XLV, H. 1-3, p. 154-163.

Tambovtsev, Yuri. Empirical distribution of phonemes in Oroch (Typological analysis). - In: Archiv orientální, vol. 52, № 3, 1984, p. 285-294.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СИСТЕМ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ

(на материале коми языка)

А.В.Терехов

Сыктывкар

В рамках большого программного продукта LexxSystem, посвященного работе с коми языком, автором разработана система электронного перевода коми текстов на русский язык - "Кыввор". В настоящей статье представлен первый опыт систематизации строения коми языка, выраженный в построении алгоритмов машинной обработки текстов и их перевода на русский язык.

При создании системы перевода автором были использованы учебники для самостоятельного изучения коми языка Е.А Цыпанова и Н.Д.Мановой. Большой вклад в разработку системы перевода внесла зав. отделом языка ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, кандидат филологических наук Г.В.Федюнева. Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства по делам национальностей Республики Коми.

Система перевода позволяет осуществлять дословный перевод текстов практически любой сложности. Сразу хочется оговориться, что на сегодня ни один из существующих электронных переводчиков не может делать перевод близкий к литературному, и в этом смысле программа-переводчик "Кыввор" не является исключением. Перевод дается смысловой с возможностью сохранения текстов оригинала и перевода в дисковых файлах для дальнейшего редактирования и печати.

Ниже приведен рисунок, который дает представление о внешнем виде оболочки пользователя и качестве перевода.

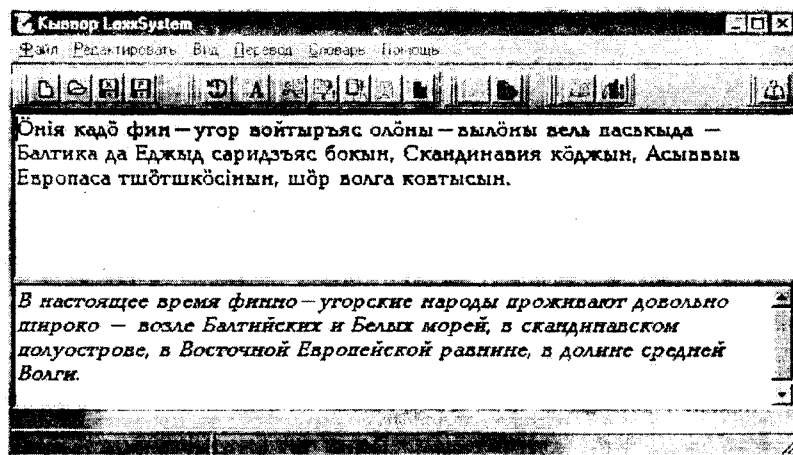

Рис.1 Общий вид оболочки пользователя.

Скорость перевода достигает 18 слов в секунду (Pentium 200, ОЗУ 32Мбт). Словарный запас системы составляет около 20 тыс. наиболее употребляемых слов. Кроме работы с основным словарем, система предоставляет возможность ввода новых слов в дополнительный словарь пользователя. На основе оригинальной системы учета парадигм словоизменений (разработано DARK™) при вводе новых слов учитываются все возможные изменения слова русского языка. Оптимизация алгоритма обработки слов позволяет описать эти изменения в 81 байте на одну словарную статью, что существенно увеличивает скорость обработки слов и экономит дисковое пространство.

Для работы со словарными статьями традиционное использование баз данных в системе не применяется. В этих целях используется разработанный автором метод “динамической индексации связанных списков”, который заключается в следующем. При запуске программа организует в ОЗУ компьютера связанные списки. Затем анализируя дисковый файл, в котором хранятся словарные статьи, программа в зависимости от первой буквы коми слова наполняет эти списки словарными статьями. Таким образом после динамической индексации система работает не с дисковым файлом, а с его “отображением” в оперативной памяти компьютера, индексированным по первой букве коми слова. Этот метод имеет существенные преимущества перед другими методами поиска необходимых значений в массивах данных и методов хранения этих данных, т.к. экономит дисковое пространство (в распространяемой версии “Кыввор 10.4” - 1'729'107 байт для 21'347 словарных статей) и имеет достаточно высокую скорость поиска – в одну секунду обрабатывается 18 связанных в предложение слов.

В существующих электронных переводчиках дифференциация многозначности слов решается с помощью подключения специализированных словарей, но и в этом случае слово все равно будет иметь строго определенное значение (иногда альтернативное, взятое в круглые скобки).

Например: Кор менё, кор кутас усьны кор.

В системе “Кыввор” проблема дифференциации многозначности слов решена. “Динамическая индексация связанных списков” позволяет пользователю прямо в редакторе получать всплывающий список всех значений коми слова и выбирать наиболее подходящее по смыслу значение. Таким образом, слова, имеющие одинаковое написание, но разную смысловую нагрузку, в каждом конкретном случае будут переведены так, как считает нужным пользователь.

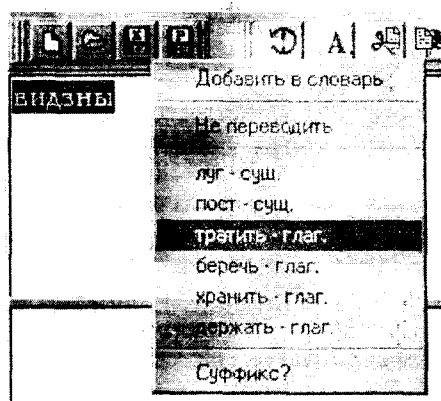

Рис.2 Учитывая многозначность и омонимию коми слов, пользователю предоставлен выбор значения слова прямо в редакторе текстов.

Кроме поиска слов и вывода на экран их значений, как это делается в электронных словарях, система анализирует словоизменение лексем коми языка (падежное склонение имен, спряжение глаголов), выявляет значения послеложных конструкций и т.д., а затем приводит эти изменения и порядок слов в предложении в соответствие с правилами русского языка. Указанная возможность осуществляется с помощью разработанного автором “конструктора примитивов”, который представляет собой реализованную в программном алгоритме гипотезу построения многоуровневых конструкций “определяемое - определение”. Смысл гипотезы заключается в следующем. В самом общем виде конструкция “определение - определяемое” представляет собой несколько типов простейших словосочетаний (типа прилагательное + существительное {послелог} - существительное в роли определения + существительное {послелог} и др.) - “примитивов”. Несколько связанных между собой “примитивов”, в свою очередь, образуют уже более сложное определение. Это сложное определение вместе с определяемым словом (словосочетанием)

также представляет собой конструкцию “определяемое - определение”, где определение представлено уже совокупностью нескольких “примитивов” и т.д. Такое представление конструкции “определяемое - определение” позволяет методом “от обратного” расчленить самые сложные предложения на взаимосвязанные между собой “примитивы”, автоматически распознавая предикативный центр и группы второстепенных членов предложения. В результате дальнейшей обработки получается достаточно связный перевод разнообразных по сложности текстов.

С помощью “конструктора примитивов” разработан еще один алгоритм, применяемый в системе. Он позволяет не только определять переводимые слова как части речи, но и как члены предложения. В результате этого при анализе предложения система автоматически определяет одно из нескольких значений слова, которое является наиболее подходящим для конкретного контекста.

Например:

к^орт йылысь висьт "рассказ о железе"

к^орт туй йылысь висьт "рассказ о железной дороге"

Кроме основного словаря и словаря пользователя система имеет словарь устойчивых словосочетаний. Пользователь может вводить в этот словарь устойчивые словосочетания и фразеологизмы, а также названия организаций и учреждений, дословный перевод которых не всегда соответствует русскому аналогу. При этом словосочетание вводится не в статичном виде, когда при изменении слов, входящих в словосочетание, машина их уже не распознает, “не понимает” значений словоформ, а в динамическом, когда при изменении одного из слов система автоматически изменяет все словосочетание и находит соответствующий русский аналог.

В помощь пользователю система предоставляет интерактивную справочную систему, в которой помимо руководства пользования программой, в сжатом виде представлены сведения о грамматической структуре коми языка, основные правила орфографии, приведены необходимые примеры.

С помощью справочной системы пользователь имеет возможность определять значения производных (в том числе сложносоставных) слов, которых нет в основном словаре, а затем ввести их в словарь.

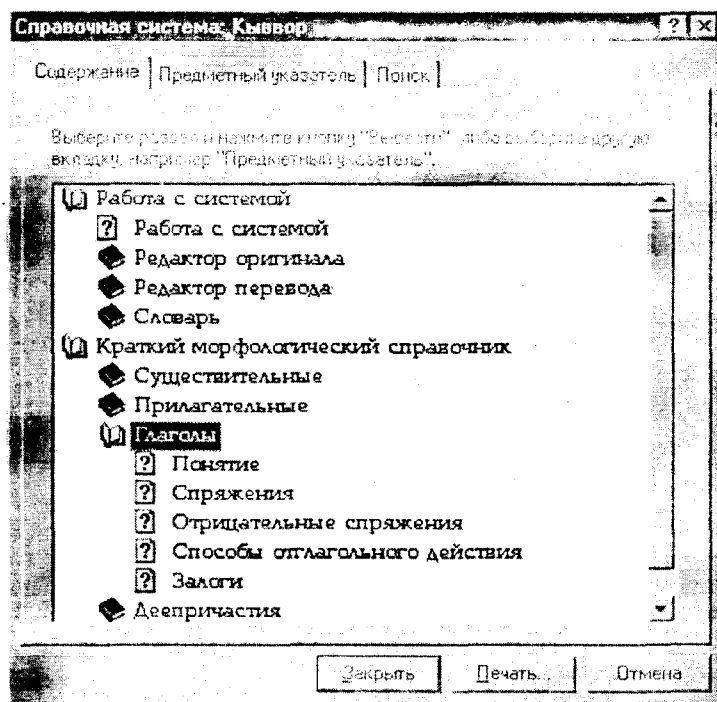

Рис.3. Внешний вид справочной системы.

Для сложносоставных слов достаточно выделить часть слова и вызвать всплывающее меню, в котором будут представлены возможные значения слова, затем повторить эту операцию с другой частью слова и по смыслу определить значение сложносоставного слова. Для отыменного (отглагольного) обра-

зования слов необходимо выделить суффикс слова и во всплывающем меню выбрать опцию "Суффикс?". Справочная система даст основное значение этого суффикса.

Например, неизвестное системе коми слово *войтöвны* может быть переведено пользователем следующим образом:

вой - "северный"; *тöв* - "ветер"; *т* - суффикс глагольного словообразования ; *ны* - инфинитивный суффикс глагола.

Таким образом, получаем значение слова: «подуть северному ветру».

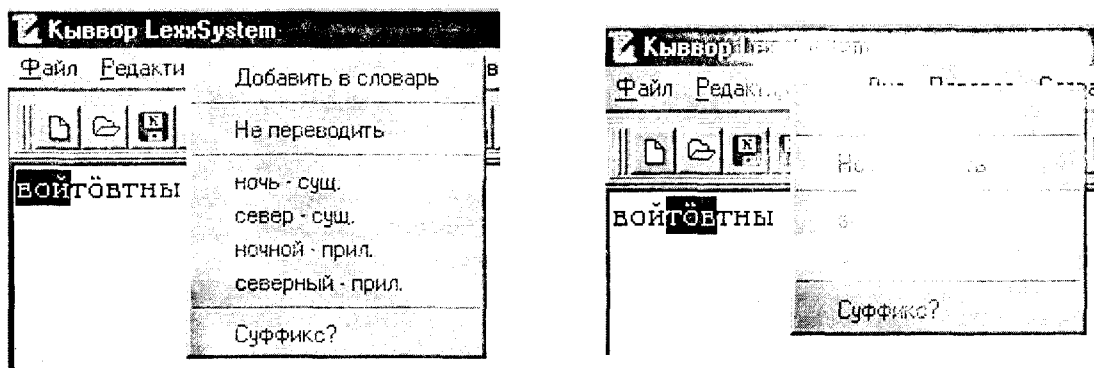

Рис 4. Пример определения неизвестного системе значения коми слова.

В настоящей статье приведены не все выполняемые системой функции, например, не описана функция проверки орфографии и некоторые другие.

Главное - имеется первый положительный опыт систематизации коми языка для обработки машинными алгоритмами.

К ПРОБЛЕМЕ ОБОГАЩЕНИЯ МАРИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЗА СЧЕТ РЕДКИХ И ЗАБЫТЫХ СЛОВ

Л.Н.Тихонова
Йошкар-Ола

В марийском языке имеются слова, называемые «редкими и забытыми». Они в своё время принадлежали к активному запасу слов. Причины же, которые их вытеснили из активного употребления, были разные. Одни слова вышли из употребления вместе с названиями предметов и вещей, вышедших из обихода. Такие слова называются историзмами. Причиной выхода из активного употребления других слов являются заимствования с идентичной семантикой из контактирующих языков. После этого исконные слова и заимствованные лексемы в течение некоторого времени употреблялись параллельно. Но со временем исконные слова вытеснились заимствованиями, превратившись в архаизмы.

В настоящее время в марийском языке наблюдается возрождение и переход некоторых историзмов и архаизмов в разряд активной лексики. Благодаря усилиям некоторых поэтов, писателей, журналистов, учёных-языковедов они приобретают «вторую жизнь».

Возрождение устаревших слов считалось одним из способов обогащения марийского языка и в 20-30-х гг., когда началось интенсивное развитие марийского языка. Многие видные деятели того периода идеализировали древний «чистый», как они говорили, марийский язык, считали его образцом для будущего литературного языка. Выдающийся марийский лингвист, ценитель всего языкового богатства В.М.Васильев был убежденным сторонником «чистоты» родного языка, под которой он понимал использование всех возможностей для его развития. Это подтверждают его лексикографические труды, прежде всего его знаменитый «Марий мутер», где отмечены и редко встречающиеся слова, часть из которых вышла или стала выходить из употребления. Среди этих слов здесь много названий растений, птиц, зверей, рыб, названий видов вышивки, старинные названия денежного счета.

В 60-70-х гг. за возрождение редких и забытых слов ратовал один из талантливых сыновей марийского народа Валентин Колумб. Он ясно осознавал, что один из возможных путей обогащения марийского литературного языка - это возвращение старых исконных слов. Поэтому в его произведениях можно встретить немало таких лексических единиц, например:

карап 'корабль': *Кугу карап вет - мундыр корно он* (Ведь большой корабль - предводитель дальней дороги);

куткыж 'орел': *А Русь кынеле - чап кавасе куткыж* (А Русь поднялась, как орел небесной славы);

олпот 'богач, угнетатель': *Ынже воч олпот тушманын кидыш ик парча гыч шбртньо ик пырчат* (Пусть не попадет в руки ненавистного врага ни одно золотое зернышко ни из одного колоса);

кере 'правда': *Я кере, я шоя - ом пале* (Правда ли, ложь ли - не знаю);

капыр 'орда': *Соқыр капырым буйыш сирен, мемнан кид дене ен сеныш тумырым шуко курым кудратлын кырен* (Ничего не разбирающаяся орда, вдальвливая голову, многие века громко била в барабан чужой победы нашими руками);

талве 'поясница': *Кўлеш гын, чакма лиеш, кўлеш - талве керде* (Надо - будет и огнем, будет и саблей на поясе);

пиямбар 'пророк': *Йўла усталык тўрлў пиямбарлан тушкалтыш нер йымак - парня коклам* (Традиция народа показала кукиш всяким пророкам);

витньызе 'доносчик, посредник': *Мо-гынат вет тудо юмын витньызе, тылмач шотеш* (Как бы там ни было, он был посредником бога);

росота 'рассада': *Вет ковыштамат, руэн налмешке, вырлянге йол гай росотам кужун куштат* (Ведь и до того, как срубить капусту, долго растут рассада, похожую на ногу трясогузки) и другие.

Некоторые архаизмы Колумб употреблял в измененном значении. Например, слово надыр первоначально 'денежная жертва при молении', а в употреблении Колумба - 'взнос, вклад'; слово ор первоначально 'крепость', а в употреблении поэта - 'башня'.

Остается радоваться, что сторонники, продолжатели такого нужного дела, как возвращение редких и забытых слов в современную лексику, есть и сейчас. Это - писатели, поэты, журналисты, учёные. Среди писателей и поэтов, например, надо назвать такие имена, как Юрий Галютин, Геннадий Алексеев, Семён Николаев; среди журналистов - Николай Алексеев, Владимир Козлов, сотрудники газеты «Кугарня», журнала «Ончыко» и, конечно же - учёных, особенно следует отметить заслуги И.Г.Иванова, О.А.Сергеева, Ю.А.Калиева, Г.Е.Шкалиной. Среди возвращённых в последнее время историзмов и архаизмов, например, можно отметить следующие: радына 'полотно'- первоначально было в значении 'толстый холст'; шулык 'здоровье'; шыве 'потомство'; бишлўк 'шлем' - это слово использовал и В.Колумб, используется оно в сравнении с верхушкой деревьев, которые издали похожи на шлем, в особенности ели: *Шинча йотке, темдал ужар бишлўкым, шога ик кож* (Стоит одна ель, опустив свой зеленый шлем почти до глаз); ўжвата 'образ', ту 'железа', топ 'пушка', тулнуш 'пароход' и другие.

В последние десятилетия, когда в целом сложилось позитивное отношение народа к религии, в газетах стали часто встречаться «воскресшие» редкие и забытые слова, связанные с религиозными обрядами, например: аргамак 'жертвенная лошадь'; пурлык 'жертва'; шелык 'священный'; онаен 'священник'; учо 'помощник жреца' и другие.

Несмотря на все это, многие слова этой категории ещё остаются неизвестными широкому кругу населения. А ведь они вполне могут быть использованы для пополнения лексики марийского литературного языка. Они имеют особые преимущества перед заимствованными словами, которые в настоящее время проникают в большом количестве. Они хорошо адаптированы к своему языку в фонетическом отношении, имеют и какие-то семантические связи с вновь введенными понятиями. Поэтому они легко могут быть освоены носителями языка и могут быть хорошим средством пополнения лексики литературного языка, очищения от чрезмерных иностранных заимствований. Примеры это подтверждают. Например, такие слова, как унагудо 'гостиница'; полат 'дворец', первоначально в значении 'здание'; йот 'иностранный, иноземный', первоначально в значении 'незнакомый, чужой'; надыр 'вклад, взнос'; шнуи 'святой', кидышташ 'подписаться' и некоторые прочно вошли в активную лексику сегодняшнего литературного языка. Не надо забывать, что их использовали в своё время наши же предки и их введением заново в нашу лексику можно только способствовать сохранению чистоты родного языка, отгородить его от ненужных заимствований и проникновений. Это наиболее перспективный, обнадеживающий способ в условиях сильного давления иноязычных слов. И для того, чтобы они стали общеупотребительными, известными всему народу - их надо смело вводить: чаще обращаться к ним через печать, радио, телеви-

дение и особенно с ними надо ознакомить учащихся школ, ведь они - наше будущее. Поэтому одна из задач марийского языкознания, общественности - выявить всевозможные случаи использования редких и забытых слов в современном литературном языке и сделать их достоянием всех носителей марийского языка. Тем самым мы можем существенно пополнить словарный состав марийского литературного языка, способствовать развитию его гибкости.

ПАРНОЕ СЛОВСОСЛОЖЕНИЕ В КОМИ ЯЗЫКЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

М.С.Федина
Сыктывкар

Словосложение является одним из самых распространенных способов образования новых слов в коми языке, как и в большинстве финно-угорских языков. А финно-угорские и тюркские языки принадлежат к тем языкам, в которых словосложение служит не только для выражения новых понятий, возникших и возникающих в мышлении, но и для передачи самых разнообразных грамматических категорий (Алатырев, 1947: 171). Одним из видов словосложения является парное словосложение. Данный термин весьма условен и с точки зрения выражаемого понятия, и с точки зрения формальной организованности. Под парным словосложением понимается соединение двух или более самостоятельных, независимых друг от друга слов для создания новой семантической единицы. При таком соединении составляющие части могут находиться друг с другом в разных смысловых отношениях – антонимичных, синонимичных, редупликационных и т.д.

Новые единицы, созданные указанным способом, обозначаются в лингвистике разными терминами: сложными словами, сложносоставными словами, словосочетаниями сочинительного типа, сочинительными сложениями, составными словами, парными словами и т.д.

Парные слова наиболее характерны для финно-угорских и тюркских языков, ибо "спаривание слов является активно действующим законом в системе урало-алтайских языков" (Ахатов, 1981: 81). Вместе с тем сама проблема парных слов, по признанию большинства ученых, или не разработана совсем, или разработана неудовлетворительно.

Парное словосложение является, вероятно, одним из древнейших способов словообразования. По мнению Т.А. Дегтяревой, "парные сращения (= парные слова), союзные и бессоюзные, принадлежат в любом современном языке к наиболее архаичному слою фразеологии" (Дегтярева, 1964: 136). Древний возраст парных образований может быть доказан этимологически. В коми языке этимологический анализ многих сложных слов, один или оба компонента которых уже утратили своё значение, восстанавливает их первоначальный парный характер. Напр.: *вынийёр* 'сила, мощь', где *вын* 'сила' + *йёр* 'дезтимологизированное слово', ранее обозначающее 'сила, мощь' (КЭСК, : 73); *дозмук* 'посуда утварь', где *доз* 'посуда; бутылка; миска' + *мук*, значение которого непонятно, но, вероятно, этим словом обозначали деревянную миску или ковш, который обыкновенно изготовляли из нароста на дереве; ср. мар. *мугыль* 'шишка на дереве, нарост; мукла 'сочленение, шишка и дерево' (КЭСК, : 94); *кодзувкот* 'муравей', ныне неделимое слово, образованное из двух семантически одинаковых частей - *кодзув* - общеп. **koz'il*, доперм. **k8p8z* - 'муравей' (КЭСК: 126) + *-кот* общекоми **kot*, доперм. **k8tkz* - 'муравей' (КЭСК: 135). Составляющие компоненты парных слов могут служить прекрасным материалом для восстановления некоторых праформ и забытых слов.

Исследование парных слов в историческом плане может дать весьма интересную картину постепенного превращения сочинения в подчинение: компоненты, будучи в начале абсолютно независимыми, "поскольку в древности спаянность компонентов была ещё слабее" (Майтинская, 1974: 392), с течением времени, утрачивая свою семантическую и функциональную самостоятельность, превращаются в подобие подчинительных сложных слов. Но эта неравноправность может быть нарушена, и восстановлена равноправность частей при инверсии, перестановке. "Начальное звено, оказавшись конечным, приобретает самостоятельность, увеличивает свой грамматический вес в отношении сопутствующего звена, оно становится равноправным. Конечное звено, оказавшись начальным, выигрывает в знаменательности" (Сидоров, 1953: 77). Напр.: *наськѳм* 'одежда', где *нась* 'одежда' + *кѳм* 'обувь', и *кѳм-нась* 'тж'.

Отдельным вопросом в историческом ракурсе является вопрос о причине возникновения парных слов. По мнению К.Е. Майтинской, "образование парных слов является просто одним из удобных способов создания новых слов, свойственным финно-угорским языкам" (Майтинская, 1952: 12). Согласно Ф.А. Ганиеву (Ганиев, 1982: 19) и Т.А. Дегтяревой (Дегтярева, 1964: 136), парные слова в большей степени возникают в эпоху межплеменных и международных отношений для облегчения взаимопонимания разнодиалектных и разноязычных людей. Конечно, обе причины являются важными, но не единственными. Они не объясняют в полной мере возникновение всех форм парных слов.

Парные слова, являясь древней принадлежностью коми языка, активно функционируют и в настоящее время. Необходимо отметить два аспекта современного состояния парных слов. Во-первых, происходит усложнение структуры парных слов, особенно в системе глагола, когда соединяются не два, а более самостоятельных слов, и термин "парное слово" не подходит даже структурно. Напр.: *усьны-суетны-котёртны* 'очень быстро бежать' (букв. упасть-встать-бежать); *дзуртё-орьясьё-ойзё* был лы (Торопов) 'болит каждая косточка' (букв. скрипит-рвётся-стонет).

Во-вторых, по своим уникальным способностям выражать обобщение, усиление, расширение, абстрагирование значения при спаривании друг с другом парные слова являются неисчерпаемым внутренним ресурсом развития лексики коми языка. Создание новых понятий, новых терминов в современном языке не обходится без парных сочетаний. Напр.: *вертолёт кыпёдчан-пуксянін* 'вертолётная площадка', *ветлан-мунан кад* 'расписание движения', *уголовникъясёс корсьём-эрдёдём* 'угрозыск', *юр сюянінтёг-патератёг ольсь* 'бомж' и т.д.

Другой формой словотворчества является активизация устаревших парных слов или спаривание устаревших коми слов с более современными. Напр.: *вуз-вот* 'налоги' (букв. товар и налог; подать, пошлина на товар), *чужём-пертас* 'физиономия' (букв. лицо-облик, личина) и т.д.

Хорошим источником обогащения словарного состава литературного коми языка всегда были диалекты. При переходе на национальную терминологию необходимо учитывать и диалектные парные образования, могущие заменить русские заимствования. Напр.: *кусёдан-ломзёдан* (верхневыч.) 'выключатель', *корысь-вотысь* (присыкт.) 'нищий' и т.д.

Таким образом, исследование парного словосложения в коми языке актуально и в диахроническом, и в синхроническом плане.

Рассмотренные аспекты истории и современного функционирования парных слов в коми языке являются лишь малой частью в общей массе открытых вопросов по этой проблеме.

При этом современное состояние парных слов теснейшим образом связано с их историей.

Литература и источники

- Алатырёв, 1947 - Алатырёв В.И. Сложные слова с противоположными по значению составными частями // Уч. Зап. Карело-фин. Ун-та. Т. II. Вып. I.- Петрозаводск, 1947.- С. 171-174.
Ахатов, 1981 - Ахатов Г.Х. Об основных признаках парных слов // СФУ. 1981. N 2.- С. 81-86.
КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка.-М., 1970.
Дегтярева, 1964 - Дегтярева Т.А. Пути развития современной лингвистики.- М.: Мысль, 1964.
Майтинская, 1974 - Майтинская К.Е. Сложные слова (или соответствующие им сочетания слов) // Основы финно-угорского языкознания. Т. I.- М.: Наука, 1974.- С. 392-396.
Сидоров, 1953 - Сидоров А.С. Порядок слов в предложении коми языка.-Сыктывкар, 1953.- 104 с.
Майтинская, 1952 - Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. II.- М.: Наука, 1952.
Ганиев, 1982 - Ганиев Ф.А. Образование сложных слов в татарском языке.-М.:Наука, 1982.-150 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИ ЯЗЫК: СТРУКТУРА И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Г.В.Федюнева
Сыктывкар

В финно-угриктике существует несколько мнений относительно выделения и классификации разновидностей коми языка как самостоятельной ветви финно-угорского родословного древа. Традиционно коми язык разделяют на коми-зырянский с его десятью диалектными разновидностями и коми-пермяцкий, включающий девять диалектов. Относительно самостоятельное положение отводится коми-зывинскому диалекту (наречию). Однако эта схема диалектного членения коми языка вызывает вполне

обоснованные сомнения исследователей как в отношении правомерности выделения самостоятельных (достаточно дифференцированных) коми языков, так и относительно самодостаточности принципов диалектной классификации. Современные коми языки близки друг другу; они образуют единое национально-языковое пространство для близкородственных народов. По существу, это единый национальный язык в нескольких разновидностях.

Национальный язык как средство общения большого сообщества людей, именуемых нацией, представляет собой сложное целое, состоящее из бесконечного множества вариантов, которые едины в своей сути и в то же время различны. Понятие “национальный язык” охватывает литературные языки, диалекты, просторечие, различные виды жаргонов и т.д. Национальный язык в его диалектной разновидности, в отличие от национального литературного языка, который внетерриториален, имеет массу национально-территориальных вариантов, содержащих общие для всего национального языка элементы, и элементы, отличающие один диалектный язык от другого.

Структура национального диалектного языка может быть рассмотрена в двух аспектах: во-первых, в системном, как некое множество вариантов одной языковой системы, варьирующей в своих частных свойствах, и во-вторых, в структурно-территориальном, как совокупность национально-территориальных разновидностей, содержащих комплекс отличительных признаков как от инвариантной языковой системы в целом, так и от других национально-территориальных образований. Первый аспект предполагает ареальный подход к исследованию диалектов, представляя диалектное пространство как совокупность отдельных языковых явлений, проявляющихся в виде явных или едва различимых изоглосс. Этот подход позволяет взглянуть на весь диалектный массив в единстве его внутренних связей и, вместе с тем, увидеть, где эти связи ослаблены или вовсе отсутствуют. Второй подход, традиционно присущий коми диалектологии, ориентируется на выделение групп отличительных признаков языка того или иного географического пункта или региона. Понятно, что чем шире границы исследуемой территории (один или несколько населенных пунктов, область, округ, регион и т.д.), тем разнообразнее и разнороднее языковой материал. При таком подходе для выделения диалекта неизбежным становится отбор классификационно-значимых фактов, а не охват всего многообразия языковых явлений. Вместе с тем, структурно-территориальный подход, предполагающий выявление диалектных вариантов на основе комплекса наиболее существенных характеристик, позволяет лучше видеть диалектное расслоение национального языка и его носителей как представителей особых этнокультурных традиций.

Национально-языковое пространство народов коми имеет весьма сложную структуру, включающую два литературных языка и три диалектных региона. Последние представляют собой совокупность взаимосвязанных и взаимопротивопоставленных национально-территориальных языковых разновидностей, разновременных по происхождению и разной степени оформленности.

Диалекты. Традиционно в коми-диалектном континууме выделяются коми-зырянская, коми-пермяцкая и коми-язьвинская диалектные зоны. Согласно последним исследованиям коми-язьвинский диалект относится к коми-пермяцкому языковому континууму (Баталова 1993: 239; 1998), в котором выделяют четыре наречия: южное (нердвинский, нижеиньвенский, оньковский и кудымкарско-иньвенский диалекты), северное (кочевский, косинско-камский, мысовский и верх-лупьинский диалекты), верхнекамское (язык зюдинских пермяков) и коми-язьвинское (язык красновишерских пермяков). Южное и северное наречия охватывают основную часть населения Коми-Пермяцкого автономного округа. Верхнекамское наречие распространено на северо-востоке Кировской области, граничащей с Коми-Пермяцким округом, и имеет черты, сближающие его с верхнесысольскими говорами коми-зырянского языка, с языком летских пермяков и северным наречием коми-пермяцкого языка. Коми-язьвинское наречие распространено в северо-восточной части Пермской области. В период изолированной жизни от основного коми языка в этом наречии выработался ряд особенностей, отличающих его от остальных трех наречий коми-пермяцкого и от коми-зырянского языка. Ближе всего оно к оньковскому и нижеиньвенскому диалектам южного наречия коми-пермяцкого языка (Баталова 1993: 239). Население говорит, в основном, на русском языке.

По сложившейся в коми диалектологии концепции в коми-зырянском диалектном континууме различается десять территориально-языковых разновидностей, среди которых верхневычегодская и печорская являются вторичными образованиями, возникшими в последние два-три столетия в результате миграций населения из других диалектных зон. Все остальные диалекты по комплексу признаков подразделяются на северную (вымский, ижемский, удорский, нижевычегодский) и южную (среднесысольский, верхнесысольский и лузско-летский) группы. Центральное место занимает присытывкарский диалект. В формировании коми диалектной системы, несомненно, первостепенную роль сыграл фактор пространства. Общеизвестно, что языки, занимающие относительно большую территорию, теряют в однородности, и наоборот, компактность территории проживания носителей языка определяет и более высокую целост-

ность языковой системы. Коми-зырянские диалектные зоны дифференцированы в большей степени, чем коми-пермяцкие.

Все диалектное пространство коми языков внутренне взаимосвязано и представляет известное единство. По своему фонемному составу коми диалекты очень близки. Отличия прослеживаются лишь в нюансах артикуляционно-акустических характеристик фонем, обнаруживающихся на уровне отдельных говоров. Особые фонемы, отсутствующие в основных диалектных массивах, имеются только в коми-язьвинском наречии ([*ȳ*], [*ə*] и [*ǝ*]). Различия внутри коми диалектов обнаруживаются в области ударения. В большинстве коми-зырянских диалектов ударение свободное с тенденцией акцентуации на первом слоге. Коми-пермяцкое ударение –осново-разноместное, морфологизированное; чаще всего под ударением оказываются словообразовательные и формообразующие суффиксы. В коми-язьвинском наречии ударение “привязано” к определенным корневым гласным. В некоторых коми-зырянских говорах также наблюдается тенденция к морфологизации ударения, прежде всего в говорах Летки и верхней Сысолы, которые близки коми-пермяцкому диалектному региону. Кроме того, колебания в ударении отмечены в коми-зырянских говорах Припечорья, верхней Вычегды и Выми.

Как коми-зырянские, так и коми-пермяцкие говоры подвержены диалектному варьированию в отношении многих языковых явлений, переплетающихся в виде пучков изоглосс на всем языковом пространстве коми. Традиционно выделяемые территориально-языковые разновидности (“диалекты коми-зырянского языка”, “диалекты коми-пермяцкого языка”) во многом, конечно, условны, поскольку в значительной степени упрощают картину “живой жизни” диалектных зон, находящихся в динамичном контакте друг с другом, часто в отношениях плавного перехода одной зоны в другую, вторичного смешения, волнообразного расширения тех или иных инноваций и т.д. К сожалению, диалектное пространство коми языков в ареальном плане исследовано недостаточно полно. Отдельные изоглоссные явления в коми-зырянском языковом континууме представлены в кратком грамматическом очерке к “Сравнительному словарю коми-зырянских диалектов” (1961), составленном В.А.Сорвачевой. Комплексный подход к изучению ареальных явлений на всем пространстве коми языков впервые предложен в работах Р.М.Баталовой (1975, 1982, 1998).

К наиболее общим ареальным признакам, лежащим в основе традиционной классификации коми диалектов, относятся фонетические чередования. Принципиально важное значение для диалектного членения современных коми языков имеет чередование *л-в*, по употреблению которых коми говоры имеют значительные различия: в одних *л* совпал с *в* во всех позициях, в других – только в конце слов и в середине перед согласным, в третьих – сохранился во всех позициях. Имеется также несколько смешанных типов употребления. По этому признаку все диалектное пространство коми делится на эловую, вз-эловую, нуль-эловую, без-эловую и без-взовую зоны. Внутри каждого типа диалекта можно выделить группы говоров и даже подговоров, отметить узко ареальные или даже точечные явления. В целом же распределение *л-в* типов может быть представлено следующим образом: общим для коми-зырянских и коми-пермяцких говоров является эловый тип, к которому относятся верхнекамское, коми-язьвинское, северное наречия, нердвинский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка и коми-зырянские говоры, распространенные, в основном, в южной части Республики Коми на территории среднесысольского, лузско-летского (кроме Объячева и Читаева), верхнесысольского, южной оконечности верхневычегодского и печорского диалектов. Среди коми-пермяцких диалектов нет вз-эловых, нуль-эловых и смешанных типов, среди коми-зырянских – взовых и безвзовых. Многие процессы, связанные с позиционными изменениями, не получили завершения. Особенно это касается молодых коми-пермяцких взовых и безвзовых говоров.

Вспомогательную классификационную роль в диалектном членении коми языков играет чередование *и-ы*, в отношении которого диалектные ареалы также не представляют единообразия. В отдельных говорах нижневычегодского, вымского и присыктыварского диалектов использование *и* на месте *ы* связано с мягкостью предшествующего согласного. В пограничном с верхневычегодскими говорами печорском диалекте звукозамена *ы* на *и* происходит также после твердых согласных. В удорском диалекте *и* появляется на месте *ы* других диалектов не только в позиции после мягкого, но и перед ним, причем во всех слогах, включая первый. Имеются также случаи употребления *и* после твердых согласных. В удорских суффиксах *ы* перед мягким последовательно перешло в *и*, также как и в коми-пермяцких говорах. В ижемских, лузско-летских и верхнесысольских говорах перехода *ы* в *и* не наблюдается. В коми-язьвинском наречии звук *ы* как таковой отсутствует, а звук *и* несколько отличается от коми-пермяцкого и коми-зырянского по месту образования. Грамматические показатели коми-язьвинских говоров имеют, соответственно, *и*-овую ориентацию, и этим сближаются с говорами верхневычегодского региона и Прикамья. В коми-пермяцких говорах звук *ы* переходит в *и* только перед или после мягкого согласного [*ç*],

но в северном верх-лупьинском диалекте, а также в говоре кировских пермяков в употреблении *и-ы* наблюдаются колебания, причем в верх-лупьинских говорах больше используется *и*-вариант, в верхнекамских - *ы*-вариант.

Чередование *э-ё* в суффиксальных слогах наблюдается, в основном, в коми-зырянских диалектах, где различаются *э*-говоры и *ё*-говоры. В коми-язьвинской диалектной зоне им соответствуют *е*-говоры. На коми-зырянской территории звук *э* на месте *ё* других диалектов появляется в ижемских говорах, пограничных с ними верхневычегодских говорах, а также позиционно в говорах нижней Вычегды и Удоры. В остальных говорах в этой позиции последовательно выступает *ё*.

Кроме приведенных глобальных различий, лежащих в основе членения всего диалектного пространства коми языков, значимыми являются и менее регулярные или ограниченные ареалом распространения явления. Так, по признаку звонкости-глухости коми говоры делятся на *м*-говоры, к которым относятся наречия коми-пермяцкого языка, в том числе и коми-язьвинское, и *д*-говоры, представленные коми-зырянскими говорами. В коми-пермяцких наречиях, в том числе и в коми-язьвинском, в середине и в конце слов встречаются звуки [т'] и [д'], которым в северных - нижневычегодском, удорском, ижемском и вымском - диалектах коми-зырянского языка часто соответствуют [-йт], [-йд]. В зырянских диалектах явление представляет пеструю картину, поскольку даже в северных говорах не всегда и не везде выступает *-йт*, *-йд*, а южные говоры и литературный язык характеризуются смешанным употреблением. К нечетко выраженным ареальным явлениям, имеющим распространение во многих коми диалектах, но в ограниченном круге слов, относятся явление вставки звуков, закономерности звукового состава начала слова, явление смягчения заднеязычных звуков [г] и [к] перед гласными [и] и [е] в [д'] и [т'] и др. Однако в протекании этих процессов нет регулярности, наблюдается спорадическое использование тех и других форм.

По ряду языковых явлений коми-пермяцкий и коми-зырянский диалектные регионы существенно различаются. В этом плане интерес представляет явление а с с и м и л я ц и и гласных, которое в коми языках проявляется в двух видах: а) выравнивание гласных по ряду и подъему. Этот тип наблюдается в коми-пермяцких, в том числе верхнекамских, говорах; он отмечен также в говоре летских пермяков; б) лабиализация соседних и смежных гласных имеет место в антипинском и паршаковском говорах коми-язьвинского наречия (в других говорах не зафиксирована) и в коми-зырянских говорах Присыктыткаря, в нуль-эловых говорах верхневычегодского и ижемского диалектов, спорадически в говорах Припечорья. Инновационные явления в северных зырянских диалектах развиваются в области а ф ф р и к а т. Колебания в произношении аффрикат носят выраженный ареальный характер, локализуясь в контактных зонах вымского, ижемского, печорского, удорского диалектов, отчасти имеют место в верхневычегодских говорах. В отличие от коми-зырянских, коми-пермяцкие диалекты в области произношения и употребления аффрикат более единообразны. Незначительные случаи деаффрикатизации, имеющие место в отдельных говорах, не обусловлены позиционно и встречаются спорадически, чаще в верхнекамском регионе.

Беглый обзор ареальной фонетики коми диалектов не только указывает на недавние контакты между северными пермяками и южными зырянами, не говоря уже о летских и кировских пермяках, но и обнаруживает связи более глубокие, исторические, связывая коми-пермяцкий регион с вычегодским, вымским и особенно удорским. На эту связь указывают также ареальные данные в области диалектной морфологии. Например, специфический суффикс винительного падежа *-лӧ* (ср. кз. лит. *-тӧ*, *-сӧ*, *-ӧс*) бытует в ареале лузско-летского и вымского (в форме *-лы*) диалектов коми-зырянского языка и во всех северных и в верхнекамских говорах коми-пермяцкого языка. В ижемском, удорском, вымском и нижневычегодском диалектах коми-зырянского языка и в коми-язьвинском, оньковском и нижнеиньвенском диалектах коми-пермяцкого языка отрицательные глаголы в прошедшем времени имеют *и*-овую огласовку: [иг], [ин], [из] вместо эг, эн, эз 'я не, ты не, он (она) не'. В лузско-летском, верхневимском и удорском диалектных регионах наряду с общекоми формой отдалительного падежа *-сянь* встречается форма на [-ыс'ӧдз], [-ис'ӧдз], [-ис'эдз].

В целом коми диалекты обнаруживают значительную близость на всех языковых уровнях - в лексике, фонетике, грамматике, что свидетельствует о единстве национального диалектного коми языка как системно-структурного образования. Современное состояние коми диалектов отражает исторические условия формирования национального языка как непрерывного процесса ареальных изменений языковых зон, границы между которыми исторически изменчивы и проницаемы.

Литературные коми языки. Национальный коми язык относится к числу старописьменных языков и имеет две литературные разновидности: коми-зырянский литературный язык и коми-пермяцкий литературный язык. Литературные коми языки - наддиалектные формы национального коми языка, об-

служивающие коми-зырянскую и коми-пермяцкую этнические группы и отличающиеся от диалектных форм кодифицированностью, т.е. известной обработанностью и нормированностью.

Первые попытки создания письменности на коми языке относятся к XIV в. и связаны с деятельностью миссионера Стефана Пермского и его преемников, которые перевели на древнекоми язык значительное количество религиозной литературы, и хождение она имела на всей коми территории, не только в бассейне Вычегды и Мезени, но и в бассейне Камы. Сохранившиеся памятники свидетельствуют о том, что древнекоми литературный язык имел единую систему графики (оригинальный стефановский алфавит) и единые языковые нормы, опиравшиеся на нижневычегодский диалект того времени. К XVIII в. древнепермская письменность постепенно была вытеснена письменностью на основе славяно-русской графики. Дореволюционный литературный коми язык не имел единых норм, поскольку различные издания ориентировались на речь различных групп населения. По существу, становление литературного коми языка началось после Октябрьской революции с формирования общих принципов графики для коми-зырянского и коми-пермяцкого языков: в 1918-1920 гг. использовалась дореволюционная система письма, с 1920 по 1930 гг. в употребление был введен оригинальный так называемый молодцовский алфавит, в 1930 г. - система письма на латинской основе. В связи с делатинизацией алфавитов с 1936 по 1938 гг. в книгоиздание был снова введен молодцовский алфавит, а с 1937 г. стала использоваться современная графическая система письма. В 20-е гг. в среде коми интеллигенции была сильна идея интеграции всех коми в единую республику. Однако осуществить это оказалось невозможным прежде всего по политическим мотивам. В феврале 1925 г. было принято решение о создании в Уральском крае Коми-Пермяцкого автономного округа, что разъединяло родственные народы, хотя среди национальной интеллигенции и управленцев идея объединения еще долго муссировалась. С этого периода коми-зыряне и коми-пермяки рассматриваются как разные народы, а формирование литературного языка (в рамках единого языкового пространства) осуществляется на разных для коми-зырянского и коми-пермяцкого регионов основах. За основу современного коми-зырянского литературного языка был принят присыктывкарский диалект, коми-пермяцкого литературного языка - без-эловый кудымкарско-иньвенский диалект, в который с целью сближения коми-пермяцкого языка с коми-зырянским было введено фонетическое чередование *л-в*.

В первые послереволюционные годы коми литературные языки получили хороший импульс к развитию функциональной структуры. Уже к концу 20-х гг. появилась национальная школа и национальный театр, периодическая печать, а несколько позже - радио и телевидение на коми языке. Был предпринят комплекс практических мер по созданию терминологической базы литературных языков, разработаны основы официально-делового стиля, подготовлены образцы официальных документов, специальная литература, учебники и самоучители коми языка. Однако к концу 30-х гг. начатая работа по расширению государственного функционирования коми литературных языков была свернута, а национальная интеллигенция, как и во многих других регионах, уничтожена. Отсутствие акцентированной национальной политики в последующие десятилетия значительно ограничило сферу функционирования коми языка, что в свою очередь привело к самым негативным последствиям.

В конце 80-х - 90-е гг. в функционировании коми литературных языков произошли заметные позитивные изменения. Признание коми-зырянского языка одним из государственных языков Республики Коми позволило несколько активизировать его внутренние ресурсы для лексического обогащения, совершенствования терминологической базы и стилистической дифференциации. Представители коми народа стали активнее применять коми язык в различных сферах, обращать внимание на его регламентированное употребление. Через средства массовой информации проводится мысль о необходимости активного вмешательства в языковые процессы, в частности, путем противодействия экспансии русского языка и активизации собственных внутренних ресурсов. Коми-пермяцкий литературный язык не получил статуса государственного, хотя национально-языковая жизнь в округе в 90-е гг. также несколько оживилась. Однако в развитии коми-пермяцкого литературного языка не произошло коренных изменений. Он по-прежнему остается на периферии общественной жизни, обслуживая, в основном, разговорно-бытовую сферу. Сохраняются и даже усиливаются такие негативные для любого литературного языка тенденции, как неоправданное засорение заимствованиями, синтактико-грамматическая интерференция и т.д.

В рамках национального языкового пространства литературные формы существуют в тесной взаимосвязи с диалектами, которые играют существенную роль в их формировании. Литературный язык как наддиалектная форма национального языка характеризуется рядом относительно устойчивых признаков. Это нормированность (лексическая, фонетическая, грамматическая, графическая, орфографическая, орфоэпическая), стилистическая обработанность, многофункциональность, наличие устной и письменной форм, и наконец, функционирование в качестве языка междиалектного общения. В этом плане коми ли-

тельно меньшей степени, чем коми-зырянский). Они характеризуются неразработанностью многих грамматических и орфографических норм, высокой степенью вариативности и стилистической недифференцированностью. Отсутствие строгих норм делает литературные языки несколько аморфными, излишне проницаемыми для диалектного влияния. Особенно это заметно в устной форме, когда представители национальной интеллигенции (учителя, госслужащие, журналисты и др.) говорят на литературном языке с сохранением большого числа особенностей (фонетических, грамматических, лексических) их родного диалекта. Интересно в этом плане сопоставить самооценку диалектного языка русских и коми в отношении к их литературным языкам. Высокая степень кодифицированности и престижности русского литературного языка, а также жесткая политика "уничтожения диалектизмов" в речи регионального населения, особенно учащихся, вызвала устойчивое негативное отношение к диалектной речи ("мы серые, серо говорим") (Русские : 105). В коми, напротив, недостаток литературной речи в школе и средствах массовой информации, а также известная аморфность коми литературных языков, вызывает в носителях диалектов неприятие литературного языка ("мы ничего не понимаем, у нас так не говорят"). Часто коми интеллигенты, даже получившие высшее филологическое образование и долгое время проработавшие в научных, культурных, образовательных учреждениях, настойчиво сохраняют диалектную речь, видя в этом особый "шарм". Особенно это касается носителей северных коми-зырянских диалектов и коми-пермяков, которые считают литературный коми-пермяцкий язык во многом искусственным. В последнее время соотношение литературных языков и диалектов несколько изменилось, во всяком случае, что касается коми-зырянского языка. "Если раньше диалекты оказывали на литературный язык сильное, порой одностороннее влияние, то сейчас происходит взаимодействие, взаимовлияние литературного языка и диалектов" (КЯ 1998:166). Дальнейшее продвижение в этом направлении может оказаться весьма плодотворным в плане этнической консолидации коми народа и создания единого языкового пространства на уровне письменных форм существования коми языка.

В последние десятилетия в западном финно-угроведении высказывается мысль о необходимости унифицировать функционирование нескольких литературных языков в пределах одного языкового пространства (мордовские: мокша и эрзя; марийские: горно-марийский и лугово-марийский; коми: коми-зырянский и коми-пермяцкий). Несомненно, наличие двух литературных языков для этнической общности не способствует ее консолидации. Напротив, это активно фиксирует, закрепляет языковые различия, усиливает разобщенность диалектных массивов. Но осознания этого, а также "обоюдного согласия" на объединение литературных языков, как это предлагают, например, венгерские ученые (Вопросы 1995:97; 101), явно не достаточно. Аттила Добо, например, пишет следующее: "...вопрос существования двух литературных языков коми весьма проблематичен. Естественно, речь идет вовсе не о том, что мы подвергаем критике способ зарождения коми-пермяцкого литературного языка. Однако необходимо сказать, что имеются и другие возможности для этого, поскольку диалектные и этнографические различия между коми-зырянами и коми-пермяками не значительнее, чем различия между коми-зырянским литературным языком и его ижемским диалектом. Однако ижемский диалект не имеет отдельного официального статуса. Наличие литературных языков коми никоим образом не объясняется степенью разницы их диалектов, а коренится единственно в определенной политической обстановке, сложившейся в послереволюционной России. Конечно же легко сказать сегодня, что тамошние, тогдашние функционеры хотели административно разделить народ коми. Это даже не нуждается в доказательствах. То, что было именно так, показывают ранние и, к сожалению, безуспешные попытки администрации Коми объединить обе территории, населенные народом коми. Не стоит много рассуждать об отсутствии у пермяков средств массовой информации на родном языке и недостатках в преподавании родного языка. Однако один вопрос все же поставим: для чего нужен отдельный коми-пермяцкий литературный язык, если его применение ограничено?" (Вопросы 1995:101). В этих рассуждениях отсутствует весьма важное звено - значительная обособленность развития коми литературных языков, которые уже более полувека живут отдельной жизнью. Еще в 20-е гг. обе письменные формы были значительно ближе, чем сегодня. Тогда тесные контакты коми интеллигенции позволяли взаимообогащать и сближать родственные языковые варианты. Однако дальнейшее развитие значительно разъединило две письменные формы. Коми-пермяцкий литературный язык развивается по собственному пути. У него сложились свои грамматические и орфографические нормы, сформировался лексический состав, на нем издана достаточно большая художественная, учебная и учебно-методическая литература. Наконец, куда деть своеобразное коми-пермяцкое ударение, которое радикально различает коми-зырянские и коми-пермяцкие регионы? Унификация литературных коми языков на основе коми-зырянского языка в сложившихся условиях приведет, несомненно, к ускорению и так уже интенсивно развивающегося процесса смены родного языка на русский, поскольку интеллигенция, читающая и пишущая на коми-пермяцком языке, предпочтет пользоваться русским языком, а не изучать коми-зырянский литературный язык. Несомненно также, что сразу же резко сократится коли-

чество читающих на коми языке, затормозится (если не остановится) процесс преподавания коми языка в коми-пермяцких школах, поскольку родители предпочтут учить детей русскому языку, а не "чужому" ("мы не понимаем") коми-зырянскому языку. Кроме того, как уже отмечалось выше, в последнее десятилетие наметились позитивные сдвиги в функциональном развитии коми-пермяцкого языка, началось его активное изучение и нормирование. Очевидно, что важнейшей задачей современной коми лингвистической науки является не объединение уже сложившихся литературных языков, а всемерное развитие их внутренних возможностей и взаимообогащение близкими языковыми средствами. Возможно, это тот путь, который ведет к этнической консолидации и взаимопониманию на всем языковом пространстве коми.

Литература и источники

- Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам.- М., 1982.
Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология.- М., 1975.
Баталова Р.М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении//Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филол. наук.- М., 1998.
Вопросы 1995 — Вопросы уральских литературных языков./ Ред. Габор Зайц.- Будапешт, 1995.
КЯ — Коми язык. Энциклопедия.- М., 1998.
Русские - Русские. Серия Народы и культуры.- М., 1997.

КОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОЛИСЕМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МНОГОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КОМИ ЯЗЫКА)

М.В. Чуяшкова
Сыктывкар

Когнитивная лингвистика, подчеркивающая культурную обусловленность языка и его общность со структурой человеческого знания, в последние десятилетия занимает позиции одной из ведущих научных парадигм в языкознании. В рамках этой научной концепции полисемия рассматривается как фактор, присущий как человеческому мышлению, так и языку. Полисемант, т.е. лексическая единица, объединяющая несколько связанных между собой значений, представляет собой комплексную категорию, обобщающую как языковую, так и энциклопедическую информацию. Для описания информационного содержания многозначного слова используются так называемые фреймы – жесткие семантические структуры, призванные выявить связи и отношения между значениями, опираясь на соответствующие структуры знаний (Филлмор, 1988: 68; Leino, 1993: 14). Динамичный фрейм представляет многозначное слово в виде беспрерывно изменяющейся структуры. Статичный фрейм, имеющий вид сети узлов значений и направлений их развития, призван классифицировать связи между значениями полисеманта. В качестве основных классифицирующих связей выделяются уточнение и расширение (Leino, 1993: 15). Например, коми существительное *вом* имеет шесть значений*: 1) *вом₁* 'рот'; 2) *вом₂* 'пасть, зев (у животных)'; 3) *вом₃* 'клюв' (у птиц); 4) *вом₄* 'жерло, отверстие': *гымга вом* 'раструб, отверстие верши, морды'; *револьвер вом* 'отверстие, дуло револьвера'; 5) *вом₅* 'горлышко (бутылки, посуды)'; 6) *вом₆* 'устье': *Сыктыв вом* 'устье Сысолы'; *шор вом* 'устье ручья'. Согласно представленной выше теории предикаты *вом₁*, *вом₂*, *вом₃* рассматривались бы как уточнения схематичного предиката *вом₁₋₃*, поскольку классифицируют по сути одну и ту же сущность с разных сторон. *Вом₄*, *вом₅*, *вом₆* являются семантическими расширениями *вом₁₋₃*. При этом под предикатом понимается семантический центр лексической единицы, действующий в качестве магистрали, прохода в сеть значений (фрейм). Это узел, посредством которого попадаешь во все связи и отношения матрицы, образуемой когнитивными областями (Leino, 1993: 101).

Анализ структуры фрейма делает возможным выявление тех механизмов аналогии, на которые опираются установленные семантические расширения.

* Значения многозначных существительных коми языка выявлены по материалам КРС (1961), ССКЗД (1961) и монографий по отдельным коми-зырянским диалектам.

Необходимо подчеркнуть, что статический фрейм – это всего лишь идеализация, делающая более наглядной структуру многозначного слова в отличие от данного списком ряда значений в словарной статье, но все же не отражающая всей сложности и многоплановости семантических категорий.

Когнитивная лингвистика предлагает иной взгляд на природу возникновения полисемантов. Лексическая многозначность представляется “своеобразной функцией (зависимой переменной величиной) от типа и характера семантики слова” (Ольшанский, 1996: 86). Применяя вышесказанное к многозначным существительным, разумно предположить, что наиболее богатым составом семантических компонентов обладают существительные конкретные. Конкретной лексике присущи признаки: “отсутствие четкого компонентного состава, диффузность, семантическая нестабильность, зависимость от опыта, степени информированности и уровня теоретического (научного) знания семантики” (Арутюнова, 1998: 26). Не всегда возможно провести компонентный анализ таких существительных в достаточной степени точности. “В связи с этим нередко затруднительно установить исчерпывающий набор сем и еще труднее установить их системные отношения и комбинаторику в структурах словозначений” (Никитин, 1974: 44). Из любого семантического компонента конкретного существительного может развиваться новое значение, которое, в свою очередь, преобразуясь в архисему, способно порождать новые лексико-семантические варианты. Структура наиболее многозначных существительных представляет собой сеть связей, узлов пересечения связей самого различного уровня (Стариченок, 1985: 35; Никитин, 1974: 68-69). Например, у полисеманта *син* можно выделить следующие значения: 1) *син*₁ ‘глаз, глаза’; 2) *син*₂ ‘зрение’: *синмыс бур* ‘зрение хорошее’; 3) *син*₃ ‘взгляд’: *син вештыны* ‘отвести взгляд’; 4) *син*₄ ‘отверстие, прореха’: *дõра син* ‘прореха в холстине’; 5) *син*₅ ‘петля, ячея’: *син кольны* ‘оставить петлю (при вязании)’; *гымга син* ‘ячея верши’; 6) *син*₆ ‘орнамент, узор при вязании’; 7) *син*₇ ‘окно, стекло в окне’; 8) *син*₈ ‘масть игровой карты’; 9) *син*₉ ‘глазок (ботаническое)’: *картупель син* ‘глазок картофеля’; 10) *син*₁₀ ‘цветок льна’. В данном случае *син*₁ получило развитие в следующих направлениях: *син*₁ → *син*₂, → *син*₃; *син*₁ → *син*₄ → *син*₅, → *син*₆ → *син*₇; *син*₁ → *син*₈; *син*₁ → *син*₉; *син*₁ → *син*₁₀. При этом расширение лексического значения *син*₁ развивалось как на метафорическом уровне (*син*₁ → *син*₄ → *син*₅; *син*₅ → *син*₆; *син*₁ → *син*₇; *син*₁ → *син*₉; *син*₁ → *син*₁₀), так и метонимическом (*син*₁ → *син*₂ → *син*₃; *син*₃ → *син*₆). Данные модели развития лексических значений отражают универсальные когнитивные модели, присущие мыслительному аппарату человека (Лакофф, 1988: 32). Пример существительного-полисеманта *син* наглядно иллюстрирует возможности семантической производности конкретных существительных.

Рассмотрим на примере корпуса многозначных существительных коми языка зависимость полисемантизма от конкретности / абстрактности лексики. В основу исследования был положен нормативный “Коми-русский словарь”, изданный под редакцией В.И.Лыткина в 1961 г.

В выборку вошло 797 многозначных существительных. В стороне остались существительные, образованные от глаголов с помощью суффикса – *õм*. Поскольку в них во многих случаях отчетливо проявляется глагольная природа, данная часть словаря требует специального исследования. Большая часть многозначных существительных являет собой так называемые “симплексы” – примарные (простые) слова, “исконные по происхождению, наиболее употребительные (частотные) в различных жанрах и типах текстов, коммуникативно и информативно значимые единицы, в которых закреплены универсальные знания о мире и человеке” (Ольшанский, 1996: 92).

Вся совокупность существительных-полисемантов была разбита на три крупные сферы: конкретные, конкретно-абстрактные и абстрактные имена. В свою очередь, конкретная лексика была распределена по следующим разделам:

- “органический мир” (природные объекты, животный и растительный мир, части тела человека и животного);

- данная группа объединяет 239 многозначных существительных;

- группа “конкретные имена, артефакты” включает имена предметов, созданных человеком или используемых человеком, а также имена предметов, логически вычлняемых человеком;

- к этой группе было отнесено 311 многозначных существительных;

- семантическая сфера “лицо, человек как носитель определенных свойств” представлена 58 полисемантами.

Группа абстрактно-конкретных существительных, совмещающих в себе признаки абстрактной и конкретной семантики, выделена вслед за И.Г.Ольшанским (Ольшанский, 1996: 87). Сюда вошли названия физических явлений, обозначения времени, направлений, элементов структуры, пространственной локализации. Данная группа объединяет 57 многозначных существительных.

Абстрактная лексика, объединяющая названия элементов психической деятельности человека, социальной сферы и т.п., представляет собой группу из 110 полисемантов.

Весь исследуемый корпус многозначных существительных включает 1960 лексико-семантических вариантов. На долю конкретных существительных приходится 77 % всего объема лексико-семантических вариантов, что подтверждает факт большей активности и семантической производности конкретных существительных по сравнению с абстрактными.

Далее, каждая вышеназванная макрогруппа была разбита на более дробные тематические совокупности, что позволило исследовать конкретные лексемы на предмет выявления качества и степени активности. В результате было установлено, что наибольший коэффициент активности в образовании лексико-семантических вариантов имеет тематическая группа “части тела человека и животного”. Именно в составе соматической лексики коми языка представлены наиболее многозначные существительные: **ныр** ‘нос’ (9 ЛСВ), **юр** ‘голова’ (8 ЛСВ), **ббж** ‘хвост’ (7 ЛСВ). Данные “Сравнительного словаря коми-зырянских диалектов” и отдельных монографий по коми-зырянским диалектам закрепляют за этими полисемантами дополнительные значения, которые не нашли отражения в “Коми-русском словаре”.

Данные других языков также подтверждают факт того, что конкретные имена имеют более высокий уровень полисемии. Так, Г.Н.Скляревская, проанализировавшая метафору русского языка, приходит к заключению, что “сфера реальных предметов – самый мощный источник языковых метафор. Нет такой области человеческой жизни и человеческих понятий, в которой органично не прививались бы метафоры предметного мира” (Скляревская, 1993: 87). И.Г.Ольшанский, исследовав корпус многозначных существительных немецкого языка, приходит к утверждению: “С большой степенью вероятности можно считать, что зависимость уровня полисемичности слова от типа и характера его семантической и когнитивной структуры, от конкретности / абстрактности его лексического значения, также считается универсальной” (Ольшанский, 1996: 92). Материал коми языка подтверждает истинность данного утверждения.

Конкретные имена обладают большей семантической потенцией, развивают больше лексико-семантических вариантов, более подвержены метафоризации, нежели имена абстрактные. В структуре конкретных многозначных существительных находят отражение самые различные мыслительные универсалии, которые позволяют преодолеть известную асимметричность языка, выражающуюся в ограниченном количестве языковых средств и бесконечном множестве реалий окружающего мира.

Литература и источники

Арутюнова, 1998 - Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека.- М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

КРС –Коми-русский словарь.-М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей,1961.-923 с.

Лакофф, 1988 - Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII -М.: Прогресс, 1988.- С. 12-51.

Никитин, 1974 - Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании.- Владимир: Владимирский гос. пединститут, 1974.- 222 с.

Скляревская, 1993 - Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка.- СПб: Наука, 1993.- 151 с.

Ольшанский, 1996 - Ольшанский И.Г. Когнитивные аспекты лексической многозначности (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. 1996. № 5. С. 85-93.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов.- Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.- 491 с.

Стариченок, 1985 - Стариченок В.Д. О семантической структуре сложных полисемантов // Филологические науки.- 1985. № 5.- С. 32-38.

Филлмор, 1988 - Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. -М.: Прогресс, 1988. С. 51- 92.

Leino, 1993 - Leino, Pentti Polysemia – kielen moniselitteisyys.- Helsinki, 1993.- 327 s.